

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

www.ssc.smr.ru

**Известия
Самарского научного центра
Российской академии наук.
Исторические науки**

Том 4, № 1(13), 2022

Выходит 4 раза в год

ISSN: 2658-4816

Учредитель: Самарский научный центр РАН

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Адрес редакции: 443001, г. Самара, Студенческий пер., 3а
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Тел. +7(846) 340-06-14. И.о. зав. редакцией: Н.Ю. Кузнецова
Электронная версия – www.ssc.smr.ru/izvestiya_istor.html

Самара

Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Аншаков Ю.П., доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Леонтьева О.Б., доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Выборнов А.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Тагирова Н.Ф., доктор исторических наук, профессор, редакционно-издательский отдел, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артемов Е.Т., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Банникова Н.Ф., кандидат исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Белов М.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Брежнева С.Н., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Буранок С.О., доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Ведерникова Т.И., кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории культуры, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

Верменко В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Воронов В.Н., доктор исторических наук, профессор, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, Москва, Россия

Данилко Е.С., доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории науки и техники, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Кудрявцева Е.П., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия в международных отношениях», Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Малкин С.Г., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Михнева Р., доктор исторических наук, профессор, Варненский университета им. Черноризца Храброго, Варна, Болгария

Моргунова Н.Л., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, археологическая лаборатория, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Мочалов О.Д., доктор исторических наук, ректор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Мухаметшина Н.С., доктор политических наук, член Научного совета РАН по комплексному изучению этничности и межнациональных отношений, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Семенова Е.Ю., доктор исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Сенявский А.С., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Смирнов Ю.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Солдатова О.Н., доктор исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив в г. Самаре, Самара, Россия

Хохлов А.А., доктор исторических наук, доцент, кафедра биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Храмкова Е.Л., доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Шкунов В.Н., доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

Штыков Н.В., кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Элезович Д.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Философский факультет, Приштинский университет, Косовска-Митровица, Сербия

Ягафова Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Том 4, Номер 1, 2022

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Группа иностранцев в правящей элите Российской империи в 1730-е гг.:
основные тенденции развития
О.Д. Столяров 5
- Волостные и мировые суды в социокультурном пространстве пореформенной России
(на материалах Самарской губернии 1861 – 1889 годов)
С.Ю. Заводюк 11
- Политическая работа в войсках Советского восточного фронта (1918 – 1919 гг.):
краткая характеристика документальных источников
Г.М. Ипполитов 22
- История лесной промышленности Поволжья предвоенных пятилеток
в материалах архивных фондов: проблема исчезнувших документов
Е.В. Воейков 32
- «Большие затруднения»: докладная записка А.М. Сойфера о проблемах
создания Куйбышевского авиационного института в 1942 г.
С.Д. Чеботарев, М.М. Леонов 39

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Триумф и трагедия: события Первой мировой войны в идеологии
участников ольстерского конфликта (1969-1998 гг.)
Д.А. Афанасьева 46

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Царь Федор Иоаннович о лапландском вопросе в пограничном споре между Россией
и Датско-Норвежским государством (на примере царской грамоты датскому королю
Фредерику II от марта 1586 года)
М.В. Толкачев 56
- Русская дипломатия на Балканах: миссии Я.Н. Озерецковского
и Е.П. Ковалевского в Черногории (1837 - 1838). Часть 1
М. Милошевич, С. Станоевич 69
- Мифологизация второй мировой войны в кинематографе: историография США
С.О. Буранок 78
- Советско-американский саммит в Рейкьявике 1986 г.
Е.В. Труханович 83

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Международные энергетические конгрессы и симпозиумы:
отражение в документах научно-исследовательских институтов СССР в 1950-1960-е гг.
Н.Ф. Тагирова Н.Ф., О.Е. Солдатова 96

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Каменный инвентарь III Береговой стоянки Горбуновского торфяника (Среднее Зауралье)
Ю.Б. Сериков 108

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- К вопросу об инновациях в венгерской коммеморативной нумизматике
В.В. Запарий 126

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- В Самаре появился новый исторический журнал (рец. на: Самарский архивист.
Научный альманах. Выпуск 1. 2. Самара, 2021)
Н.Ф. Тагирова 130
- Рецензия на: Гуров В.А. Чтобы знали и помнили: роль России в разрешении
вооруженных конфликтов (1988 – 2020 гг.) / В. А. Гуров. – Москва; Берлин:
Директ-медиа, 2021. 464 с.
Г.М. Ипполитов 133

CONTENTS

Volume 4, Number 1, 2022

RUSSIAN HISTORY

- A Group of Foreigners in the Ruling Elite of the Russian Empire in the 1730s:
Main Development Trends**
O.D. Stolyarov 5
- Volost and Magistrate Courts in the Socio-Cultural Space of Post-Reform Russia
(on the Materials of Samara Province in 1861-1889)**
S.Yu. Zavodyuk 11
- Political Work in the Troops of the Soviet Eastern Front (1918 - 1919):
a Brief Characteristic of Documentary Sources of Research**
G.M. Ippolitov 22
- The History of the Forest Industry of the Volga Region of the Pre-War Five-Year
Plans in the Materials of Archival funds: the Problem of Missing Documents**
E.V. Voyerikov 32
- «Great Difficulties»: A.M. Soifer's Report on the Problems of Establishing
the Kuibyshev Aviation Institute in 1942**
S.D. Chebotarev, M.M. Leonov 39

WORLD HISTORY

- Triumph and Tragedy: the Events of World War I in the Ideology
of the Troubles participants (1969-1998)**
D.A. Afanasyeva 46

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- The Tsar Feodor Ivanovich's Point of View in the Lapland Dispute between Russia
and Denmark-Norway (on the Example of the Tsar's Letter of March 1586
Addressed to King Frederick II of Denmark)**
M.V. Tolkachev 56
- Russian Diplomacy in the Balkans: Mission of Ya. Ozereckovsky
and E. Kovalevsky in Montenegro (1837 - 1838). Part 1.**
M. Milosevic, S. Stanojevic 69
- The Mythologization of the Second World War in Cinema: the Historiography of the USA**
S.O. Buranok 78
- The 1986 Soviet-American Summit in Reykjavik**
E.V. Trukhanovich 83

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- International Energy Congresses and Symposiums:
Reflection in the Documents of Research Institutes of the USSR in the 1950s-1960s**
N.F. Tagirova, O.E. Soldatova 96

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Stone Inventory of the III Beregovaia Site of the Gorbunovsky Peat Bog (Middle Transurals)**
Yu.B. Serikov 108

SCIENTIFIC REPORTS

- To the Question about Innovations in Hungarian Commemorative Numismatics**
V.V. Zaparyi 126

REVIEWS

- A New Historical Magazine has Appeared in Samara. Review of:
Samara Archivist. Scientific Almanac. Issues 1, 2. Samara, 2021.**
N.F. Tagirova 130
- Review of: Gurov V.A. to be Known and Remembered: the Role of Russia
in Resolving Armed Conflicts (1988 - 2020) / V.A. Gurov. - Moscow; Berlin:
Direct-Media, 2021. 464 p.**
G.M. Ippolitov, T.V. Filatov 133

УДК 94(47).063

ГРУППА ИНОСТРАНЦЕВ В ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1730-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© 2022 О.Д. Столяров

Самарский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 1.11.2021

В статье анализируется иностранная часть российской правящей элиты в период правления Анны Иоанновны, когда, как известно, иноземцы играли значительную роль в принятии политических решений и в придворной жизни. Рассмотрено понятие правящей элиты и определены критерии, в соответствии с которыми те или иные государственные деятели и вельможи должны быть отнесены к ее представителям. Определены основные аспекты анализа иностранной части данной группы, а именно динамика ее численности, критерии и степень интеграции в русское общество, распространение фаворитизма. Сделаны выводы, согласно которым иностранная часть российской правящей элиты увеличилась в рассматриваемый период с 24% до 36%, процессы интеграции в сравнении с предыдущим периодом замедлились, а тенденция к распространению фаворитизма, напротив, усилилась.

Ключевые слова: российская правящая элита, иностранцы, Анна Иоанновна, интеграция, фаворитизм.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-5-10

Введение

Поскольку российская правящая верхушка первой половины XVIII в. являлась разнородной в социально-культурном и этническом плане, правомерным представляется не только совокупное ее изучение, но также и исследование отдельных групп, входивших в ее состав. Такой анализ при известных условиях может дать более отчетливое представление о тех особенностях, которые характеризуют развитие политической элиты в целом. В этом смысле изучение группы иноземцев, входивших в правящую верхушку, представляется перспективным по той причине, что она в первой половине XVIII в. представляла собой недавно сформировавшуюся и не связанную какой-либо продолжительной традицией прослойку

политической элиты. Это обстоятельство дает основания предполагать, что тенденции развития различных групп, входивших в верхи российского общества, наиболее явно проявляются именно в иностранной части правящей элиты, где данные особенности развивались более свободно, чем в русской части.

Такая гипотеза находит свое подтверждение уже на материале царствования Екатерины I, если иметь в виду, в частности, стремительное возвышение Голштинского герцога Карла Фридриха, который уже весной 1725 г. имел «решающее влияние на самые важные дела», связанные с вопросами государственного управления¹, и был правой рукой могущественной государыни², а в 1726 г. стал первоприсутствующим в Верховном тайном совете³. Эту совокупность фактов, очевидно, следует считать первым серьезным проявлением тенденции к фаворитизму в российской истории XVIII в., по-

*Столяров Олег Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук.
E-mail: belomor2012@mail.ru*

сколькo герцог являлся человеком, не имевшим каких бы то ни было государственных заслуг и при этом занявшим максимально высокое место в правящей верхушке исключительно благодаря личным взаимоотношениям с Екатериной I.

Однако намного больший интерес для исследования подобного рода представляет период правления Анны Иоанновны, что является следствием ряда обстоятельств. Во-первых, 1730-е гг. обыкновенно характеризуют как время «немецкого засилья», и это позволяет предположить, что на данном этапе имело место увеличение количества иностранцев, входивших в правящую верхушку. Тем более серьезным образом особенности, относившиеся в этот период к политической элите в целом, должны были проявиться в иностранной ее части. Кроме того, предполагаемое изменение пропорций между иноземной и русской частями правящей верхушки Российской империи уже само по себе следует считать весьма важной тенденцией.

Во-вторых, некоторые исследователи отмечают, что правление Анны Иоанновны помимо прочего характеризовалось сравнительно частой сменой сановников, занимавших высокие посты⁴, что также дает определенные преимущества при изучении данной проблемы, поскольку при анализе в сравнительно небольшой степени приходится иметь дело с особенностями предшествовавших периодов. К этому надо прибавить то обстоятельство, что во второй половине 1720-х гг. имела место схожая ситуация, связанная с частой сменой монархов и острыми формами борьбы за власть, следовательно, со сменой значительной части персонального состава политической элиты. Таким образом, тенденции, характерные именно для послепетровской эпохи, предстают здесь в наиболее законченном виде, поскольку объектом для изучения в этом случае является группа государственных деятелей и вельмож, сравнительно немногие из которых занимали высокое положение в первой четверти XVIII в.

В-третьих, аннинское царствование имело ту особенность, что императрица, уделявшая государственным делам намного меньше внимания, нежели Петр I, все же занималась ими в гораздо большей степени, чем ее непосредственные предшественники – Екатерина I и Петр II. Такое противоречивое положение вещей дает картину, сравнительно свободную от влияния личных особенностей того или иного монарха, поскольку эти особенности предстают не в чистом, а в смешанном виде.

Таким образом, 1730-е гг. по ряду причин представляются периодом, который более чем какой бы то ни было другой пригоден для исследования характерных особенностей российской политической элиты первой половины и середины XVIII в. на материалах, связанных с иностранной частью этой группы.

Цель работы – выявить наиболее существенные черты развития группы иностранцев, входивших в состав правящей верхушки Российской империи в период правления Анны Иоанновны.

Вместе с тем необходимо отметить, что такое исследование все же не может дать совершенно полного представления обо всех особенностях политической элиты этого периода, поскольку иноземцы, в наибольшей мере отражая характерные черты, о которых идет речь, одновременно представляли собой специфическую часть данной группы. Более полную картину можно было бы получить, изучив другие ее части и уделив при этом особое внимание представителям старомосковской знати, которые в противоположность иностранцам отражали влияние предшествующих эпох на изучаемый период.

Методика исследования

Для проведения намеченного анализа необходимо определить, во-первых, границы правящей элиты, во-вторых, критерии, в соответствии с которыми должна исследоваться группа иностранцев внутри нее.

Под правящей элитой в настоящей работе понимается совокупность лиц, вли-

явших на политику российского государства, т.е. тех, кто либо занимал какую-либо из высших должностей в государственном аппарате, армии или при дворе, либо имел влияние на правящих персон в силу той или иной специфики неофициальных отношений с ними. В соответствии с этим к правящей верхушке представляется целесообразным относить:

1. Членов Сената, Верховного тайного совета (который, как известно, был распущен в начале правления Анны Иоанновны, но должен быть включен в данный перечень, поскольку изучение поставленной проблемы предполагает сравнение тех или иных явлений с положением вещей в предшествующий период) и Кабинета Министров.

2. Руководителей коллегий (как президентов, так и тех, кто в периоды, когда должность президента той или иной коллегии оставалась незамещенной, фактически выполнял обязанности первоприсутствующего).

3. Вице-президентов трех «первейших» коллегий (иностранных дел, военной, Адмиралтейств-коллегии), поскольку они даже при наличии президентов зачастую выполняли функцию, если можно так выразиться, дополнительных руководителей, напрямую вступая в контакт по служебным вопросам с монархами, Сенатом и т.д.

4. Глав других важнейших центральных государственных учреждений, к числу которых мы относим генерал-прокурора, обер-прокурора Синода, президента Штатс-конторы, президента Академии наук, директоров Герольдмейстерской, Полицмейстерской, Почтмейстерской, Медицинской, Тайной и Артиллерийской канцелярий, Канцелярии от строений, Соляной и Фортификационной контор, генерал-берг-директора. Необходимо отметить, что данный перечень в значительной мере является спорным, поскольку в этот период функционировало более значительное количество центральных государственных учреждений. Однако есть основания ограничиться вышеприведенным списком, по-

скольку в нем перечислены те ведомства, которые в соответствии с рядом решений верховной власти обладали наиболее высоким статусом⁵.

5. Губернаторов и генерал-губернаторов.

6. Глав придворных ведомств и генерал-адъютантов, обладавших привилегией непосредственного доклада императору⁶.

7. Шефов гвардейских полков.

8. Людей, имевших сильное влияние на монархов (в некоторых случаях – наиболее влиятельных вельмож, например, Бирона) и фактически исполнявших функцию их советников. Этот последний критерий, как легко понять, носит наиболее спорный характер, поскольку монархи вступали в контакты со значительным количеством своих приближенных, которые таким образом в той или иной мере получали возможность оказывать воздействие на принятие политических решений. В такого рода случаях приходится, относя определенное лицо к числу тех, кто входил в политическую элиту, или отказываясь от этого, ориентироваться на совокупность источников (мемуары, частная и дипломатическая переписка), где речь идет о неофициальных взаимоотношениях монархов с приближенными. Впрочем, если иметь в виду тех из них, кто действительно имел серьезное влияние на государственные дела, надо констатировать, что эти люди в большинстве своем занимали должности, позволяющие отнести их к числу представителей политической элиты.

Представляется, что анализ иностранной части правящей верхушки следует осуществлять, имея в виду прежде всего, во-первых, количественное соотношение между иноземцами и русскими в пределах этой группы в целом, во-вторых, особенности формирования иностранной ее части, в-третьих, степень интеграции этих иноземцев в русское общество.

Второй вопрос тесно связан с проблемой фаворитизма, получившего, как известно, в эту эпоху значительное распространение в кругу политической элиты. Поэтому целесообразно разделять, насколько это возможно

(поскольку в значительном количестве случаев имели место смешанные варианты), людей, попавших в состав правящей верхушки вследствие заслуг на государственной службе, способностей и т.д., и тех, кто выдвинулся по причинам иного характера. Эти последние причины, роль которых, очевидно, должна возрастать в эпоху фаворитизма, включали в себя те или иные формы личных взаимоотношений с монархами, в том числе родственные узы, а также различные оказанные им услуги, в частности, помощь во время прихода к власти. Группа иностранцев внутри правящей элиты имела в этом смысле определенную специфику, поскольку среди них было определенное количество деятелей, которые, попадая на российскую службу, сразу занимали высшие должности или получали соответствующие чины. Очевидно, что применительно к этим случаям можно говорить об одной из наиболее ярко выраженных форм фаворитизма.

Что же касается проблемы интеграции иноземцев в русское общество, представляется обоснованным выделение следующих критериев этого процесса – длительность пребывания на русской службе (а в ряде случаев – в стране, поскольку некоторые из деятелей, о которых идет речь, родились в России); принятие православия; вступление в брак с русскими; наличие русифицированного имени.

Результаты и их обсуждение

К концу правления Петра II в состав российской правящей элиты входили 10 иностранцев – А.И. Остерман (член Верховного тайного совета, вице-президент Коллегии иностранных дел, один из ближайших советников императора), П.И. Ягужинский (обер-шталмейстер и генерал-адъютант), Г. Фик (вице-президент и глава Коммерц-коллегии), Л.Л. Блуменрост (президент Академии наук и лейб-медик), И.Л. Блуменрост (директор медицинской канцелярии), И.А. Менгден (Астраханский губернатор), И.Я. Дюпре (Смоленский губернатор), Б.Х. Миних (директор Артиллерийской канцелярии и Петербургский генерал-губернатор), П.И.

Сиверс (вице-президент и глава Адмиралтейств-коллегии), П.П. Ласси (Рижский генерал-губернатор). Русская же часть правящей верхушки в этот период насчитывала 32 человека. Таким образом, иностранцы составляли около 24% данной группы в целом.

К моменту же смерти Анны Иоанновны в составе политической элиты было 16 иноземцев – А.И. Остерман (член Кабинета министров и Сената, вице-президент и глава Коллегии иностранных дел, один из ближайших советников императрицы), Э.И. Бирон (обер-камергер, один из ближайших советников императрицы), Б.Х. Миних (президент Военной коллегии, директор Фортификационной конторы, один из ближайших советников императрицы), П.П. Ласси (Рижский генерал-губернатор), Г.К. Кейзерлинг (ближайший советник Э.И. Бирона), Р.Г. Левенвольде (обер-гофмаршал), К. Принценстерн (вице-президент и глава Штатс-конторы), Г. Бирон (генерал-адъютант), А.У. Брауншвейгский (полковник Кирасирского Ее Величества Лейб-гвардии полка и Брауншвейгского кирасирского полка), К. Бреверн (президент Академии наук), И.Б. Фишер (директор Медицинской канцелярии), Л.Г. Гессен-Гомбургский (директор Артиллерийской канцелярии), К.А. Шемберг (генерал-берг-директор), У.Ф. Левендаль (Ревельский генерал-губернатор), К. Бирон (Московский генерал-губернатор), К.Л. Менгден (президент Коммерц-коллегии).

Особо обращает на себя внимание тот факт, что ближайшими советниками Анны к концу ее правления было трое иностранцев, в то время как к моменту смерти Петра II подобное положение при нем из иноземцев занимал лишь А.И. Остерман. Кроме того, в период аннинского царствования иностранцы стояли во главе Коллегии иностранных дел и Военной коллегии, а также являлись гвардейскими полковниками, чего не наблюдалось в предшествовавшие периоды.

Что же касается русской части правящей верхушки, она в этот период насчитывала 28 человек, и это означает, что иноземцы

составляли около 36% политической элиты. Таким образом, за время правления Анны Иоанновны иностранная часть правящей верхушки выросла на 12% (в полтора раза), что соответствует общепринятым представлениям об увеличении политической роли иноземцев в Российской империи в период бироновщины. Тот факт, что дело тут идет не о случайном явлении, а о тенденции, может быть подтвержден количественными показателями, касающимися окончания каждого года данного царствования. Так, в 1730, 1732 и 1733 гг. эта цифра равнялась 14, в 1731 г. – 13, в 1734, 1736 и 1737 гг. – 15, в 1735, 1738 и 1739 гг. – 16.

Характерно, что тенденция к медленному росту численности изучаемой группы соседствовала с фактом частой смены людей, занимавших соответствующие должности. Так, из шестнадцати человек, входивших в правящую верхушку к концу аннинского царствования, лишь трое (А.И. Остерман, Б.Х. Миних и П.П. Ласси) находились в ее составе к началу 1730 г.

В целом при Анне Иоанновне в составе политической элиты находился 31 иностранец, карьера 15 из которых окончилась в течение данного царствования. В девяти случаях это стало результатом естественной смерти, в трех – отставки, и еще трое иноземцев были отправлены в ссылку. Как видно, кадровые перемены в иностранной части правящей верхушки осуществлялись в основном мирным образом.

Анализ причин, в соответствии с которыми иноземцы входили в состав правящей элиты, дает следующие результаты: из 21 иностранца, вошедшего в эту группу в царствование Анны Иоанновны, одиннадцать (около 52%) получили соответствующее положение по причинам исключительно служебного порядка, восемь (38%), напротив, - в соответствии с факторами личного характера, наконец, в двух случаях (около 10%) имело место сочетание того и другого. Применительно к периоду правления Екатерины I и Петра II эти цифры составляют соответственно 80%,

20% и 0%, что в целом дает картину «фаворитизации» правящей верхушки в эпоху аннинского царствования. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что в 1730-е гг. пять человек (около 24%) были включены в состав политической элиты без предварительной службы на более низких ступенях, в то время как во второй половине 1720-х гг. эта цифра составляла 20%.

Что касается проблемы интеграции высокопоставленных иностранцев в русское общество, здесь также наблюдается довольно определенная тенденция. Из иноземцев, входивших в состав изучаемой группы к концу царствования Анны Иоанновны, не было тех, кто родился бы в России или принял православие. При этом трое из них (около 19%) имели продолжительный стаж службы в России, начав ее при Петре I, и эти же люди имели русифицированный вариант имени. Столько же человек состояли в браке с русскими.

Если же рассматривать эти данные применительно к началу 1730 г., результаты получаются иными – 30% из входивших в политическую элиту иностранцев родились в России, 90% имели русифицированное имя, 20% были женаты на русских. Кроме того, П.И. Ягужинский по вероисповеданию являлся православным.

Таким образом, 1730-е гг. характеризуются все большим обособлением входивших в правящую элиту иностранцев от остальной части этой группы, что может в значительной мере объяснить тот факт, что в этот период наблюдалось увеличение недовольства русских вельмож «иноземным засильем»⁷.

Выводы

Осуществленный анализ позволяет сделать ряд выводов, касающихся иностранной части российской политической элиты и – косвенным образом – всей этой группы в целом. Наиболее заметной тенденцией данного периода является увеличение численности иноземцев, занимавших высшие должности, а также являвшихся советниками монархов. Что касается, если можно так

выразиться, неофициальной части правящей верхушки, здесь произошедшие изменения видны особенно отчетливо, поскольку из шести человек, являвшиеся в разное время ближайшими сотрудниками императрицы, лишь один (А.П. Волынский, который к тому же пользовался особым влиянием лишь на протяжении двух лет) был русским, в то время как оставшиеся пятеро (Э.И. Бирон, А.И. Остерман, Б.Х. Миних, П.И. Ягужинский и К.Г. Левенвольде) были иностранцами.

Другой важный процесс, протекавший в этот период, – большее, чем прежде, распространение фаворитизма. Впрочем, выводы, сделанные на основе изучения иностранной части правящей элиты, лишь с существенными оговорками могут быть распространены на данную группу в целом, поскольку в годы царствования Анны Иоанновны довольно значительную часть правящей элиты составляли выходцы из Курляндии. Большая часть из них должна быть причислена к категории фаворитов, и это дает основания предполагать, что в русской части правящей элиты последних было несколько меньше.

Наконец, проведенный анализ приводит к важному выводу, согласно которому ино-

земцы становились все более обособленной частью российской правящей элиты, что помимо прочего имело политические последствия, поскольку приводило к психологическому отчуждению, формированию определенных придворных групп, хотя бы и аморфных, и в конечном счете составляло одно из тех противоречий, которые являлись факторами политической борьбы в эпоху дворцовых переворотов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Донесения французских посланников и поверенных при русском дворе // Сборник русского исторического общества (далее – РИО). СПб., 1887. Т. 58. С. 258.
- ² Там же. С. 260.
- ³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание I. СПб., 1830. Т. 7. № 4998.
- ⁴ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 419.
- ⁵ ПСЗ. Т. 6. № 3890; Веретенников В.И. Проект уничтожения Сената в XVIII в. // Ученые записки Харьковского университета. 1913. № 2. С. 8.
- ⁶ РИО. Т.101. С.183.
- ⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 6. Д. 199. Л. 30 об.

A GROUP OF FOREIGNERS IN THE RULING ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1730S: MAIN DEVELOPMENT TRENDS

© 2022 O.D. Stolyarov

Samara State Medical University

The article is devoted to foreigners as an integral part of the Russian ruling elite during the reign of Anna Ioannovna, when, as it is known, foreigners played a significant role in political decision-making and in court life. The author analyzes the concept of the ruling elite and establishes the criteria by which certain statesmen and grandees should be attributed to its representatives. He defines the main aspects of the analysis of the foreign part of this group, namely, the dynamics of its number, criteria and degree of integration into Russian society, the spread of favoritism. The analysis led the author to the conclusion that the foreign part of the Russian ruling elite increased from 24% to 36% during the period under review, integration processes slowed down compared to the previous period, and, on the contrary, the trend towards the spread of favoritism intensified.

Keywords: Russian ruling elite, foreigners, Anna Ioannovna, integration, favoritism.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-5-10

*Oleg Stolyarov, Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian History, History of Medicine and Social Sciences.
E-mail: belomor2012@mail.ru*

**ВОЛОСТНЫЕ И МИРОВЫЕ СУДЫ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1861 – 1889 ГОДОВ)**

© 2022 С.Ю. Заводюк

Самарский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 08.12.2021

В статье исследуется становление и реформирование местной юстиции на протяжении 1861-1889 гг. в фокусе локальной (региональной) истории с использованием методологии социокультурного анализа, концепций «социального доверия» и «социального капитала». Дана характеристика работы волостных судов и расправ в государственной и удельной деревне Самарской губернии 1861 г. Рассмотрено становление и развитие института «мировой суд» в Самарской губернии в 1860-1870-е гг., его особенности в сравнении с волостными судами. Определены общие черты местной юстиции: полная экономическая зависимость от населения и стремление к примирению сторон. Выявлено «сдержанное доверие» крестьян к новому институту мирового суда, стремление иметь в озможность выбора между старыми и новыми институтами местной юстиции. Выделены различия подходов крестьян к местным судебным учреждениям в зависимости от этноконфессиональной ситуации в волости, противоречий внутри крестьянской общины и влияния старшин на волостной суд.

Ключевые слова: волостной суд, мировой суд, выборные судебные институты, обычное право, локальная история, социокультурная история, концепция социального доверия.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-11-21

Введение

Важным условием успешного реформирования является фактор социального доверия к реформаторам и вновь создаваемым институтам. Признание в обществе статуса судебных институтов, независимость их решений, их соответствие ожиданиям, надежность и предсказуемость способствуют распространению правовых ценностей и нормативных поведенческих стандартов. В свою очередь приоритет личных отношений, коррупция, авторитаризм и административный произвол порождают правовой нигилизм.

В российской истории проблема доверия к суду стала широко обсуждаться в середине XIX в. в ходе подготовки и реализации реформ Александра II. В результате

преобразований, по идее реформаторов, должно было возникнуть совершенно новое отношение к праву, в котором «законность» противопоставлялась «произволу» и приобретала самостоятельную роль¹. Не случайно введение новаций в судостроительстве и судопроизводстве повсеместно воспринималось современниками как возможность для быстрого изменения социальной жизни, Председатель съезда мировых судей Самарской губернии Рихтер видел в реформе акт «признания гражданского совершеннлетия нашего общества»².

Волостные и мировые суды, являясь органами местной юстиции, создавались для реализации идеи предоставления широким слоям населения территориально близкого, простого, понятного и быстрого судопроизводства. Поэтому деятельность этих институтов затрагивала интересы большинства граждан, и доверие к ним имело особое значение.

*Заводюк Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук.
E-mail: s.yu.zavodyuk@samsmu.ru*

В целом тема местной юстиции была широко представлена в публицистике и историко-правовых исследованиях второй половины XIX – начала XX в. В работах этого периода, посвященных пореформенной судебной системе, сохранялась определенная двойственность, они сочетали анализ проведенных преобразований с обсуждением новых актуальных изменений и попытками оказать влияние на государственную власть для углубления или ограничения реформ. Позиция авторов определялась их социально-политическими убеждениями и воспринятыми ими концепциями развития общества и права. В фокусе внимания стояла проблема доверия: с одной стороны, к судебным учреждениям, их способности сохранять независимость и обеспечивать социуму защиту от бюрократического произвола, а с другой – к уровню развития самого общества, к его способности использовать новые институты и выборные практики. Ответы на вопросы о достаточности крестьянской «нравственности», способности крестьян обходиться без опеки дворянства, наравне с другими сословиями использовать нормативную систему, выходящую за рамки обычного права, определяли позицию публицистов и правоведов в оценках развития мирового и волостного судов³.

В советский историографии органы местной юстиции изучались историками права в общем контексте судебной реформы и контрреформы⁴. В постсоветской России исследование тем, связанных с мировым судом, было актуализировано возрождением этого института в системе судов Российской Федерации⁵. Что касается волостного суда, то он привлекает внимание правоведов в первую очередь в связи с сохранением обычного права в крестьянском судопроизводстве⁶. Исследователи по-прежнему расходятся в оценках роли волостных судов и их влияния на развитие крестьянства⁷. Со временем появились также публикации о разграничении подсудности волостных и мировых судов⁸. Можно выделить и отдельные статьи, рассматривающие деятельность

местной юстиции в социальном контексте и с позиций истории повседневности⁹.

Цель данной работы – анализ деятельности волостных и мировых судов в социокультурном пространстве пореформенной России. Исследование локальных (региональных) материалов Самарской губернии позволяет акцентировать внимание на господствующих идеях, ценностях, особенностях восприятия местной юстиции в контексте доверия к традиционному и новому социальному опыту. Используемые материалы позволяют сопоставлять мировоззренческие установки и социальные практики представителей разных этнических и конфессиональных групп губернии.

Хронологически работа охватывает период от введения в 1861 г. волостных судов до принятия в 1889 г. закона о земских участковых начальниках.

Исследование базируется на архивных и опубликованных источниках исходя из цели работы, основное внимание уделяется материалам обследования уездов Самарской губернии Высочайше утвержденной комиссией по преобразованию волостных судов.

Методология исследования

Проблема становления и развития местной юстиции рассматривается в фокусе локальной (региональной) истории с использованием методов социокультурного анализа, основанного на изучении идей, ценностных установок, особенностей восприятия институтов отдельными общественными группами в контексте их социального опыта.

Оценки деятельности волостных и мировых судов современниками реформ Александра II анализируются с использованием оптики социологической концепции социального доверия в интерпретации П. Штомпки. В данной традиции доверие рассматривается как сложный социальный феномен, включающий не только уверенность относительно надежности и предсказуемости будущих событий, но и осно-

ванные на этой уверенности действия¹⁰. Предполагается, что длительно сохраняющееся социальное доверие или недоверие к институтам становится основой мотивации массового поведения и приводит к распространению устойчивых социальных практик и стратегий поведения, таких как признание авторитета, нормативное согласие, повиновение и солидарность или, напротив, уклонение, сопротивление и т.п.

Отношение отдельных социальных групп к волостным и мировым судам рассматривается также в контексте понятия «социального капитала» П. Бурдье. Под социальным капиталом в данном случае понимается «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью», в том числе институт «репутации». Учитывается также, что социальные структуры не только предоставляют ресурсы, но и воспроизводят образцы власти и неравенства¹¹.

Основная часть

Изначально, с 1861 г. по 1869 г., выборный институт местной юстиции на территории Самарской губернии был представлен исключительно волостными судами. Их формирование и деятельность регламентировались в разделе «О волостном суде» Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Можно сказать, что базовые принципы, изложенные в законе, в основном совпадали с принципами «Сельского судебного устава», который вводился у государственных крестьян во время реализации реформы П.Д. Киселева 1837 – 1841 гг.¹² Это сословность, выборность, коллективность, ориентация на обычное право, сохранение по отношению к крестьянам политики патернализма и «попечительства». Опыт судебных разбирательств на уровне сельских и волостных расправ в государственной деревне был, таким образом, узаконен для всего крестьянства, освобожденного от крепостной зависимости.

Отличительной особенностью новой реформы стало стремление оградить вы-

борных судей от контроля со стороны волостного управления. Государственные и уездные крестьяне, проживающие в разных волостях Самарской губернии, высоко оценивали новое положение вещей, указывая, что «прежде голова судил как угодно», а теперь старшина такой власти не имеет¹³. А.А. Сорокин отмечает, что сразу после учреждения волостного суда большинство современников отнеслись к нему как к вполне жизнеспособному органу. Особенно высокие оценки, безусловно, встречались в публикациях почитателей национально-культурной самобытности в рамках развития идей славянофильства и почвенничества¹⁴.

Разработчики либеральной судебной реформы предполагали сохранение сословного крестьянского суда только до введения «Судебных уставов» 1864 г., однако его ликвидация так и не последовала, а вопрос о его судьбе оставался остро дискуссионным начиная с 1865 г., когда была образована первая комиссия по решению проблемы возможного слияния волостных и мировых судов, до начала XX в.¹⁵ В фокусе внимания противников волостного суда были как принципиальные соображения, связанные с нарушением принципа всесословности и равенства, так и разнообразные нарушения в деятельности судей, их неграмотность, влияние на решения суда других должностных лиц.

В «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» указывалось, что волостные судьи избирались из крестьян в количестве от четырех до двенадцати человек, трое из них поочередно формировали состав действующего суда. Судьи избирались из домохозяев двадцати пяти лет и старше, не состоящих под судом и следствием, не наказываемых ранее по суду телесно, не замеченных в «заведомо развратном поведении». Отказаться от должности можно было только по возрасту, по болезни и в том случае, если уже отслужил на какой-либо выборной должности полный срок. Как правило, судьи избирались на один год, но к 1873 г. в восьми волостях

Самарской губернии сложилась практика трехлетнего срока исполнения выборными судьями своих обязанностей. Это согласовывалось с привычными для государственных и удельных крестьян традициями организации расправ и, как правило, мотивировалось необходимостью приобретения судьями достаточного опыта¹⁶.

Закон не запрещал назначать участникам суда вознаграждение, но оно не было обязательным. В Самарской губернии в начале 70-х годов XIX в. только в одной Ново-Якушкинской волости судьи получали содержание по двенадцати рублей каждый, правда, при этом не освобождались от натуральных повинностей¹⁷, хотя именно эта привилегия прописывалась для выборных должностных лиц в ст. 124 Положения о крестьянах и была широко распространена в других уездах. На практике встречались также случаи исполнения судьями своих обязанностей вообще без всякого вознаграждения¹⁸. Несмотря на то, что волостные судьи жалования не получали, на них могли наложить денежное взыскание. Например, в Екатериновской волости в 1864 г. был случай назначения съездом мировых посредников взыскания с волостных судей денежного штрафа по три рубля за неправильное наказание крестьянина розгами¹⁹. Это приводило к тому, что крестьяне, как правило, на «судейские должности шли весьма неохотно», «по неволе», а иногда и со страхом, боясь мести со стороны наказанных («чтобы дом не сожгли») ²⁰. Исключение составляло мусульманское население (татары, башкиры): обычное право в исламе неразрывно связано с шариатом, возможно, поэтому в их общинах судьи пользовались «большим уважением и почетом»²¹. Много волостей в Самарском уезде было населено разными этноконфессиональными группами, что вынуждало их представителей взаимодействовать в рамках волостного суда, и не всегда это взаимодействие приводило к формированию доверия и коллективной идентичности. Иногда, напротив, возникали серьезные проблемы, например:

мордовское население Спиридоновской и Кузайкинской волостей жаловалось, что «против татар ничего не смогут», а татары и башкиры «все конокрады, потому в судьи лезут, чтобы друг друга выручать»²².

Согласно данным Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию волостных судов, распространение грамотности среди судей по волостям было крайне неравномерным. В пятнадцати волостях Самарской губернии из двенадцати судей вообще не было грамотных, в восьми только один считался грамотным или малограмотным, при этом в Покровской волости их число доходило до восьми, в Борской - до шести, в Султангуловской все умели читать и писать, но на татарском языке, в остальных - грамотными были два-три человека. Недоверие крестьян к «чуждому» им культурному опыту неожиданным образом проявилось в Елисаветинской волости Бугульминского уезда, где опрашиваемые заявили, что «грамотных в судьи не выбирают, потому они самый ненадежный народ, большей частью пьяницы да кляузники, которые бы только народ морочили да обирали»²³.

Волостной суд рассматривал крестьянские тяжбы и проступки в пределах, установленных законом. К ним относились все споры до ста рублей, а также тяжбы между крестьянами на любую сумму, если волостной суд выбирал на основе обоюдного согласия истец и ответчик. Споры по крестьянской собственности вне общинных земель и тяжбы с представителями других сословий должны были рассматриваться в общих судах на основе позитивного права (закона)²⁴. Мировому суду передавались также преступления, совершенные при отягчающих обстоятельствах. Например, мелкая кража, совершенная повторно, уже не должна была разбираться в волостном суде. На практике периодически возникали споры между мировым и волостным судами о подсудности того или иного совершенного крестьянами проступка²⁵.

По разъяснениям Сената, к крестьянскому сословию относились собственно кре-

стьяне; жены государственных крестьян; отставные чины из крестьян; купцы из крестьян, не причисленные к городскому сословию; крестьяне, торгующие по промысловым свидетельствам²⁶. Таким образом, подсудность волостного суда определялась не родом занятий, а исключительно сословной принадлежностью и принадлежностью к крестьянской общине.

Волостной суд мог самостоятельно проводить дознание и склонять стороны к примирению. Часть волостных судей высказывалась за возможность примирения по всем разбираемым делам, но были также сторонники сохранения обязательного наказания за кражу, что соответствовало общим представлениям крестьян о воспитательном эффекте страха перед наказанием. В целом мировыми соглашениями в волостных судах Самарской губернии оканчивалось от 1/8 до 1/5 дел²⁷. Решение судьи могли принимать как единогласно, так и большинством голосов, руководствовались как законом, так и обычаем, но «преимущественно совестью и внутренним убеждением»²⁸. Другие должностные лица не должны были вмешиваться в деятельность суда, но на практике этот принцип не всегда соблюдался. При решении дел в ряде волостей практиковалось обсуждение с писарем и старшиной²⁹.

Приговоры волостного суда по искам до ста рублей считались окончательными. Жалобы на всех должностных лиц, включая выборных судей, можно было подавать мировому посреднику, в качестве кассационной инстанции в случаях нарушения судом его юрисдикции или процедуры судебного разбирательства выступал съезд мировых посредников. При этом в Екатерининской волости опрашиваемые заявляли, что нынешний порядок кассационных обжалованных решений суда не понятен крестьянству, что лучше бы допустить жалобу по существу самого решения суда, но допустить такую жалобу в съезд мировых судей крестьяне находили опасным, потому что «адвокаты или ходатаи будут в таком случае подбивать крестьян жаловаться по всякому без

исключения делу и понапрасну вводить таким образом крестьян в убытки». Поэтому опрашиваемые считали более удобным учредить вторую инстанцию выборную от крестьян, но с тем, чтобы председателем в ней был один из мировых судей или избрался бы особый председатель по выбору крестьян из местных жителей всех сословий³⁰. Похожие суждения высказывали судьи и из других волостей.

Волостной суд имел право накладывать наказания в виде ареста до семи дней, общественных работ до шести дней, денежного штрафа до трех рублей и порки розгами до двадцати ударов. От телесных наказаний освобождались лица старше 60 лет, должностные лица, крестьяне, окончившие курс в уездных училищах и вузах³¹.

При присуждении наказания волостные судьи обращали внимание на личность (репутацию), пол и возраст подсудимого. Телесному наказанию подвергались преимущественно крестьяне, известные своим «бесстыдством», безнравственным и буйным поведением. Но большинство волостных судов в любом случае предпочитало назначать розги. Арест многие считали недостаточным наказанием, предлагая усилить его переводом на «хлеб и воду», к тому же за арестанта «обществу при круговой поруке придется отвечать при взыскании недоимок». Организация общественных работ требовала контроля со стороны должностных лиц, что являлось дополнительной нагрузкой для крестьянского самоуправления, денежные штрафы сложно было собирать из-за бедности населения. Некоторые представители волостных судов высказывались даже за увеличение допустимого наказания розгами до сорока - пятидесяти ударов, рассматривая устрашение как единственный способ профилактики воровства³².

Значительные отличия наблюдались в организации и деятельности волостного суда колонии менонитов. Менониты изначально представляли собой особую этноконфессиональную группу. С момента переселения в XVIII в. они сохраняли свою

самобытность и, будучи выходцами из Голландии, избегали тесных контактов не только с русским населением, но и с немецкими колонистами³³. Все двенадцать судей в колонии были грамотными, стремились ориентироваться на закон и были единственными из опрашиваемых, кто высказывался за то, чтобы правительство составило общее руководство для производства дел. Обвиняемых приговаривали, как правило, к аресту, общественным работам и денежному штрафу. Телесные наказания назначали только работникам из татар и русских, считая, что взysкивать с них нечего и розги для работников необходимы³⁴.

Мировой суд в Самарской губернии создавался в 1869 г. В отличие от волостных судов, он состоял из двух инстанций. Нижнюю ступень занимали выбираемые земскими собраниями или городской думой участковые и почетные мировые судьи. Мировой округ совпадал территориально с уездом, число мировых участков определялось особым расписанием. В мировые судьи могли избираться только жители данного уезда старше двадцати пяти лет. Знание местных обычаев, сложившихся отношений, понятий – вообще всех условий местной жизни, законодатель признавал необходимым залогом их успешной деятельности. «Мировые судьи, – сказано в журнале Государственного совета 1862 г., – должны быть по преимуществу местными судьями и хранителями мира; общее доверие местных обывателей составляет необходимое условие их назначения, а потому правительство было бы поставлено в крайне затруднительное положение, если бы приняло на себя их избрание: ибо начальствующим лицам, во всяком случае, труднее найти столь значительное число вполне достойных лиц для замещения всех должностей мировых судей, чем обывателям каждой местности приискать людей для определенного округа»³⁵.

В законодательстве также предусматривался перечень имущественных цензов для кандидатов в мировые судьи, включающий владение участком земли не менее четы-

рехсот десятин, недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога в три тысячи рублей (в столицах – больше). Образовательный ценз предусматривал, что кандидаты на должность должны были иметь законченный курс высшего или среднего учебного заведения. Исключение делалось для лиц, прослуживших не менее трех лет в судебном ведомстве, «в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел»³⁶. Кроме того, предусматривалась должность почетных мировых судей. Они не получали жалования, рассматривали дела в случае отсутствия или болезни участковых судей либо по просьбе тяжущихся сторон.

Жалобы на приговоры и решения, вынесенные мировыми судьями, рассматривал съезд мировых судей округа. В него входили как почетные, так и участковые мировые судьи. Несмотря на то, что институт мирового суда был выборным, мировые судьи были государственными, а не общественными служащими и включались в систему «Табели о рангах».

Мировые судьи, как и волостные, разбирали мелкие правонарушения, именуемые в законодательстве «проступками», а также рассматривали гражданские иски на сумму до пятисот рублей. Мировой суд мог назначать такие наказания как выговоры, замечания и внушения, денежные взysкания до трехсот рублей, арест до трех месяцев и заключение в тюрьму до одного года³⁷.

Мировой суд в Самарской губернии, как и во многих других регионах, заметно отличался от мировой юстиции в Москве и Санкт-Петербурге по составу участковых судей. Круг лиц, соответствующих перечисленным в законодательстве цензам, был крайне ограничен. Следствием такого положения стало, например, решение земских собраний о сокращении в 1871 г. мировых участков в Бугурусланском и Бугульминском уездах³⁸. В связи с этим, самарский губернатор Г.С. Аксаков 6 марта 1872 г. доводил «до сведения гр. Палена, что некоторые

части губернии могут остаться на время совершенно без отправления в них правосудия»³⁹. В итоге порядок избрания участковых мировых судей был значительно упрощен, и в мае 1872 г. Министерство юстиции разрешило земству Самарской губернии избирать кандидатов, не соответствующих цензам, простым большинством голосов.

Недостаток кандидатов приводил также к преобладанию в некоторых уездах численности почетных мировых судей. Так, в Самарском мировом округе к 1889 г. на девять участковых приходилось двенадцать почетных мировых судей, в Ставропольском – на четверых – шесть. По остальным округам соотношение было более пропорциональным⁴⁰. При этом нужно учитывать, что почетный судья мог занимать любую общественную или государственную должность, он не получал вознаграждения и не обязывался законом жить в том округе, где был избран. В судебных разбирательствах почетные мировые судьи участвовали крайне редко, хотя формально входили в состав съезда мировых судей и включались в состав окружных судов в случаях недостаточного числа коронных судей. По этой причине, например, в Самарском окружном суде возникали частые проблемы из-за нежелания или невозможности мировых судей присутствовать на его заседаниях⁴¹. В итоге в обществе сложилось представление, что почетный мировой судья – скорее престижное звание, чем должность с определенными обязанностями. Следует согласиться с С.В. Лонской, что этот элемент в судебной системе был лишним⁴².

Из сохранившихся в архивах документов можно сделать вывод, что почти 99% первых составов мировых судей в Самарской губернии относились к дворянскому сословию. Преобладали военные, разброс в образовании был значительным. Например, в Бугурусланском уезде были выпускники военных училищ, духовной семинарии, юридических факультетов⁴³. Анализ изменений социального состава мировых участковых судей показывает, что со временем общей тенденцией стало сокращение числа воен-

ных и рост числа гражданских чиновников низших классов⁴⁴.

Изначально востребованность мирового суда была выше в городах, в волостях деятельность крестьянского суда позволяла ограждать участковых судей от перегрузки. Это хорошо видно по ситуации в Самарском уезде, где в 1869 г. было создано восемь мировых участков, три из которых располагались в Самаре. Через год съезд мировых судей ходатайствовал о введении в губерньском центре двух дополнительных участков, объясняя, что городские судьи «буквально завалены делами, которых... приходится на каждого от восьми до десяти в день»⁴⁵.

Иски в мировой суд могли подаваться словесно или письменно, разбирательство проходило устно, публично, по возможности в одно заседание. Неявившихся обвинителей или свидетелей могли приговаривать к штрафу в двадцать пять рублей. К сожалению, общей тенденцией стало удорожание мирового суда, к концу 80-х гг. пошлина в гражданских процессах составляла по копейке с каждого рубля иска⁴⁶. Исходя из этого назвать мировой суд в полной мере доступным и дешевым не представляется возможным. На эти негативные тенденции постоянно указывали противники мировой юстиции, а их либеральные оппоненты, такие как Г.А. Джаншиев, отмечали, что малодоступность, сложность и формализм появились в мировом суде только в связи с «реакционными новеллами», не соответствующими духу Судебных уставов⁴⁷.

Либеральная общественность именно мировой суд рассматривала в качестве авангарда распространения среди граждан элементарных знаний о правах и обязанностях. Известный публицист В.П. Безобразов писал в этой связи: «...надо видеть то изумление, даже раздражение, с которым выслушивают... приговоры рабочие, мастера, самовольно ушедшие с работы до окончания срока найма, вопреки письменному контракту..., пьяницы, никогда не слыжавшие, чтобы нельзя было валяться или ругаться на улицах; мужья, не имевшие ника-

кого понятия о том, что нельзя избивать до полусмерти своих жен...»⁴⁸. Представители консервативной мысли, рассуждающие в духе концепций национального развития права, напротив, в идее выборности мирового суда видели «общественный самосуд», угрозу политизации судей и «хронического раздора между судом и администрацией»⁴⁹.

Крестьяне относились к мировому суду с некоторым опасением, но в целом оценивали его деятельность скорее положительно. Практически во всех волостях было высказано пожелание о необходимости предоставлять истцам возможность самостоятельного выбора волостного или мирового суда. Там, где мировой судья находился далеко от волостного правления, звучали также предложения узаконить разъездной характер его деятельности.

Анализируя ответы крестьян, можно заметить, что мировой судья для них – «не свой человек», он «далеко», «налагает большие наказания», к нему «не всякий решится идти»; в противоположность этому волостной суд – «близок, знает крестьянские обычаи, нужды и потребности», «из своих», его «можно сменить», «избрать лучших», он «судит легче»⁵⁰. При этом в случаях конфликтов и социальной нестабильности внутри крестьянского мира вектор доверия/недоверия мог меняться, и то, что мировой судья «человек сторонний» рассматривалось уже как гарантия справедливости. Крестьяне заявляли, что «судиться у мирового судьи гораздо лучше, чем в волостном суде и, если бы мировой судья был на месте, то волостной суд можно бы с удобством совсем уничтожить; тут все соседи, сват, друг; если сами судьи люди бедные, то против старшины и богатого мужика пойти не посмеют...», «постоянно боятся, что им будут мстить» недовольные решением, а иногда волостных судей «даже бьют»⁵¹.

Заключение

Волостные и мировые суды, будучи выборными институтами местной юстиции, имели различные основания своей деятель-

ности. Институт мирового судьи создавался на базе всеобщего выборного земского самоуправления, при этом был включен в систему государственной судебной власти и разрешал дела исключительно на основе формализованного законодательства, реализуя тем самым принцип всеобщности. Избрание мировых судей ограничивалось цензами.

Волостной суд оставался сословным, был неразрывно связан с общинным мироустройством, мог использовать обычное право и телесные наказания. Он не имел апелляционной инстанции, фактически оставаясь второй ступенью, так как, по словам крестьян, до обращения к судьям многие споры по-прежнему разбирались на сходах. Участковый мировой судья выносил единоличное решение, а коллективные решения принимались только при апелляциях, в волостном суде последовательно реализовался принцип коллективизма. Общим было то, что вся местная юстиция экономически полностью зависела от населения и была «мировой», т.е. стремилась к примирению сторон.

Изначально «осознавая пропасть между крестьянским миром и вчерашними помещиками, реформаторы заложили в законодательство и возможность ее постепенного преодоления»⁵². Анализ источников показал, что уже через несколько лет существования мирового суда крестьяне Самарской губернии демонстрировали интерес и сдержанное доверие к этому институту при условии сохранения привычного им волостного суда и возможности выбора. Участковые мировые судьи, среди которых преобладали дворяне, были «далекими», «чужими», но не вызывали неприятия. Негативное отношение и крайнюю степень недоверия крестьяне демонстрировали к так называемым «ходатаям», адвокатам, секретарям, а иногда и к грамотным представителям своей общины, т.е. к тем, с кем они чаще сталкивались, кто был им социально ближе, но не воспринимался как защитник, а, напротив, виделся своего рода дельцом от юриспру-

денции и подозревался в мошенничестве.

Община и связанный с ней волостной суд, будучи знакомыми и понятными, как правило, давали крестьянам ощущение ограниченного контроля и относительной безопасности, предсказуемости, а также «небеспристрастного», основанного на сохранении института репутации, рассмотрения споров. Исключение составляли те волости, где была сложная этноконфессиональная ситуация, серьезные противоречия внутри крестьянского мира, засилье волостной верхушки и отсутствие доверия к нему. Здесь именно мировой суд рассматривался как беспристрастный, независимый и, соответственно, более справедливый.

Те позиции, которые на уровне дискуссий публицистов и правоведов проявляли себя как доверие/недоверие к бюрократическому администрированию и влиянию на суд общественных, в том числе выборных, институтов, в среде крестьян выражались в дилемме отношения к роли старшин в волостном суде и разного рода гражданским поверенным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Тарановски Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1855-1874 / Л.Г. Захарова, Дж. Бушнелла, Б. Эклофа. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 308.
- ² Самарские губернские ведомости. 1870. № 94.
- ³ *Берендтс Э.Н.* Связь судебной реформы с другими реформами Александра II и общественный быт в России. Пг.: Сенатская типография, 1915. 202 с.; *Бразоль Г.Е.* Об упразднении волостных и сельских судов: Замена их мировыми судебными учреждениями. Харьков: Типография М.Ф. Зильберберга, 1886. 412 с.; *Гессен И.В.* Судебная реформа. СПб.: Книгоиздательство П.П. Гершунина и К. 1905. 268 с.; *Головачев А.А.* Десять лет реформ. СПб.: Типография Ф.С. Сущинского. 1872. 402 с.; *Джанишев Г.А.* Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М.: Типография М.П. Щепкина, 1891. 428 с.; *Калачов Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и

нынешней России. СПб: Типография В. Безобразова и К, 1880. 22 с.; *Люблинский П.И.* Суд и права личности // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского; при ближайшем участии М.Н. Гернета, А.Э. Вормса, Н.К. Муравьева и А.Н. Паренаго. М.: Объединение, 1915. В 2 т. Т. 2. 1915. С. 1 – 40.; *Филиппов М.А.* Судебная реформа в России. В 2 т. Т.1. Ч.1. СПб.: Типография А. Моригаровского. 1871. 631 с.; *Чичерин Б.Н.* Что такое охранительные начала? // Несколько современных вопросов. М.: Типография К. Солдатенкова, 1862. С. 145 -184.

- ⁴ *Виленский Б.В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. 147 с.; *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 183 с.; *Немытина М.В.* О судебной контрреформе в России // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 98 –106.
- ⁵ *Лонская С.В.* Мировая юстиция в России: Монография. Калининград: Калининградский государственный университет, 2000. 215 с.
- ⁶ *Безгин В.Б.* Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2012. 124 с.
- ⁷ *Сорокин А.А.* Крестьянский волостной суд Российской империи в оценках общественности конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 148; *Frierson C.A.* «I must always answer to the lav ...» Rules and Responses in the Reformed volost's Court // Slavonic and East European Review. 1997. Vol. 75. № 2. P. 308 – 334.
- ⁸ *Горская Н.И.* Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860–1880 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 28 – 41; *Лонская С.В.* Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 7 – 14; *Немытина М.В.* Местная юстиция в России во второй половине XIX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 52 – 62; *Шутило О.В., Лавринович О.И.* К вопросу о разграничении подсудности волостных и мировых судов середины XIX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 42-45.
- ⁹ *Безгин В.Б.* Указ. соч. С. 111-122; *Галкин А.Г.* Правосудие для крестьян: волостные и мировые

- суды в оценке крестьян и образованного общества (1870–1880-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4 (9). С. 191–195; *Сорокин А.А.* Указ. соч. С. 147–154.
- ¹⁰ *Штомпка П.* Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. С. 71, 81–82.
- ¹¹ *Бурдые П.* Формы капитала / Перевод М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 66.
- ¹² *Иванова Е.Ю.* Из опыта законодательного оформления управленческой реформы (на примере реформы государственной деревни 1837–1841 гг.) // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 12-2 (104). С. 794, 801.
- ¹³ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. Самарская, Саратовская, Вологодская и Новгородская губернии. СПб: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. С. 211, 234, 276.
- ¹⁴ *Сорокин А.А.* Указ. соч. С. 147.
- ¹⁵ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. II. 1887 – 1892 / Комментарии. Именной указатель. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 166.
- ¹⁶ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 1 – 132.
- ¹⁷ Там же. С. 260.
- ¹⁸ Там же. С. 299.
- ¹⁹ Там же. С. 1.
- ²⁰ Там же. С. 17, 302, 310.
- ²¹ Там же. С. 209.
- ²² Там же. С. 302, 310.
- ²³ Там же. С. 299.
- ²⁴ Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О.И. Чистякова. Т. 7: Документы крестьянской реформы / ответственный редактор доктор юридических наук, профессор О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1987. С. 57–63.
- ²⁵ *Шутило О.В., Лавринович О.И.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁶ *Шутило О.В., Лавринович О.И.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁷ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 16, 82, 92.
- ²⁸ Там же. С. 2, 53, 29.
- ²⁹ Там же. С. 18, 29, 40, 44, 46.
- ³⁰ Там же. С. 2.
- ³¹ Российское законодательство X – XX веков. Т. 7. С. 57–60.
- ³² Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 2, 40, 74, 96, 128, 233.
- ³³ *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. С. 7.
- ³⁴ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 34, 35.
- ³⁵ Цит. по: *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. Т. 2. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 79.
- ³⁶ Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О.И. Чистякова. Т. 8: Судебная реформа / ответственный редактор доктор юридических наук, профессор Б.В. Виленский. М.: Юридическая литература, 1991. С. 34.
- ³⁷ *Неклюдов Н.* Руководство для мировых судей. Уставы о наказаниях. СПб: Типография Н. Тиблина и К, 1868. С. 5.
- ³⁸ Самарские губернские ведомости. 1871. № 5.
- ³⁹ *Мокринский С.П.* Выборный мировой суд // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. В 2-х т. Т. 2. Пг.: Сенатская типография, 1914. С. 11.
- ⁴⁰ Учреждения Министерства юстиции. Мировой суд // Самарский спутник на 1890 г. / издание И. П. Новикова. Самара: Типография И.П. Новикова, 1889. С. 105 – 110.
- ⁴¹ Государственное бюджетное учреждение Самарской области Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГА-СО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 592. Л. 30.
- ⁴² *Лонская С.В.* Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству. С. 55.
- ⁴³ ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 570.
- ⁴⁴ *Тростянский А.Г.* «Мировой судья есть власть единоличная...»: социальная характеристика и проблемы функционирования института мировых судей в российской провинции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (15). С. 32.
- ⁴⁵ Самарские губернские ведомости. 1871. № 2.
- ⁴⁶ Учреждения Министерства юстиции. Мировой суд // Самарский спутник на 1890 г. / издание И. П. Новикова. Самара: Типография И.П. Новикова, 1889. С. 102 – 103.
- ⁴⁷ *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. С. 80.
- ⁴⁸ *Безобразов В.П.* Мысли по поводу мировой судебной власти / В.П. Безобразов. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1866. С. 6.
- ⁴⁹ *Фукс В.Я.* Суд и полиция: В 2-х ч. Ч. 1 / В.Я. Фукс. М.: Университетская типография, 1889. С. 95, 172.
- ⁵⁰ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 30, 46, 54, 83, 96, 122, 276, 322.
- ⁵¹ Там же. С. 162.
- ⁵² *Горская Н.И.* Указ. соч. С. 33.

**VOLOST AND MAGISTRATE COURTS
IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF POST-REFORM RUSSIA
(ON THE MATERIALS OF SAMARA PROVINCE IN 1861-1889)**

© 2022 S.Yu. Zavodyuk

Samara State Medical University

The article is devoted to the formation and reform of local justice in 1861-1889 from the perspective of local (regional) history using the methodology of socio-cultural analysis, the concepts of “social trust” and “social capital”. It contains a characteristic of the volost courts in the state and udel villages of the Samara province until the 1861. The author addresses the problems of the formation and development of the magistrate court in the Samara province in the 1860-1870s, its specifics in comparison with the volost courts. She notes such common features of local justice bodies as complete economic dependence on the population and the desire to reconcile the parties. The thesis is postulated about the restrained confidence of the peasants in the newly created institution of the world court, their desire to have the opportunity to choose between the old and new local justice bodies. The author reveals differences in the approaches of peasants to local judicial institutions, depending on the ethno-confessional situation in the volost, contradictions within the peasant community and the influence of the elders on the volost court.

Keywords: volost’s court, magistrates’ court, elected judicial institutions, customary law, local history, socio-cultural history, concept of social trust.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-11-21

УДК 94(47).084.3 : 930

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ВОЙСКАХ СОВЕТСКОГО ВОСТОЧНОГО ФРОНТА (1918 – 1919 гг.): КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

© 2022 Г.М. Ипполитов

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Статья поступила в редакцию 04.01.2022

Статья представляет собой фрагмент будущей монографии о политической работе в РККА в годы Гражданской войны. В период братоубийственной Гражданской войны в России во фронтовой ее стадии (1918–1920 гг.) зародился, окреп и утвердился военно-исторический феномен политической работы в Красной армии. Как предмет исследования он нашел отражение в обширной отечественной историографии и источниковедении. В настоящей статье автор дает характеристику документального блока источниковой базы для исследования политической работы в войсках советского Восточного фронта в 1918 – 1919 гг.

Ключевые слова: Красная армия, гражданская война, политическая работа, документальные источники, делопроизводственные материалы, нормативно-правовые акты.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-22-31

Через источник, как часть минувшего, мы вживаемся в единство этого минувшего и, познавая часть, в ней уже познаем и целое.

*Л.П. Карсавин*¹

Изучение огромного массива исторических источников, имеющего отношение к проблеме политической работы на советском Восточном фронте в 1918 – 1919 гг. в период братоубийственной Гражданской войны в России во фронтовой стадии ее протекания, привело автора настоящей статьи к следующему заключению: этот массив отличается, во-первых, видовым разнообразием; во-вторых, обширностью охвата различных аспектов политической работы, в первую очередь в войсках действующей армии; в-третьих, относительно высокой степенью репрезентативности. Последнее обстоятельство подтверждает мнение такой крупной и противоречивой фигуры в отечественной исторической науке, как Л.Н. Гумилев. Он писал, что при сборе первичных сведений степень точности мала, но при прослеживании долго идущего

процесса случайные ошибки взаимно компенсируются, «благодаря чему можно получить описание, удовлетворяющее практической задаче – пониманию эпохи. И чем шире охват, тем выше точность»².

Подчеркнем, что источники, о которых идет речь, определяют уровень и содержание научного поиска, правильность избранной концепции изучения политической работы на советском Восточном фронте в обозначенных хронологических рамках. В то же время из совокупности источников, имеющих отношение к теме нашего исследования, невозможно извлечь максимальную пользу до той поры, пока не будет внесена ясность в их классификацию, особенности, присущие каждому виду, и пр. Не случайно В.О. Ключевский отмечал, что разборка и критическая разработка источников – работа, «стоящая на ближайшей очереди в изучении нашей истории»³.

В отечественном источниковедении сложилась четкая классификация источников⁴, кото-

*Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии.
E-mail: ippo1953@yandex.ru*

рая позволяет разобраться во всей совокупности, рассмотреть вопрос о значимости каждого из видов источников в изучении политической работы на советском Восточном фронте, выяснить, насколько они полно представлены по изучаемому вопросу. Классификация помогает установить полноту привлекаемых источников и определить, какие из них позволили бы глубже изучить вопрос. Она также направляет исследователя на дальнейший поиск необходимых материалов, а если невозможно найти – показывает, какими другими источниками можно их заменить.

Ниже выносятся на суд научной общественности характеристика лишь документального блока источниковой базы исследования проблемы политической работы в войсках советского Восточного фронта в 1918 – 1919 гг. В исторической науке доказано: подлинный научный анализ всегда базируется на документальных источниках. Только они создают реальную основу для объективного исследования исторических процессов, чья фактическая сторона здесь ярко освещается⁵. Документальный исторический источник позволяет восстановить реальную картину прошлого. В совместной работе знаменитых французских историков конца XIX века Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса «Введение в изучение истории» высказана исключительная по глубине мысль: «История пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей... Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории»⁶. Вряд ли даже кто-то из современных оригиналов от методологии может поставить под сомнение такую позицию, высказанную французскими учеными еще в конце XIX века. Классификация охватывает следующие виды документальных источников: *делопроизводственные материалы, отложившиеся в архивах; опубликованные нормативно-правовые акты и делопроизводственные материалы органов государственной власти и военного управления Советской России; документы и материалы привившей в Советском государстве коммунистической партии.*

Делопроизводственные документы и материалы, отложившиеся в архивах

Известно, что архивная делопроизводственная документация, образующая сложную систему, одним из основных назначений элементов которой является обеспечение управленческой деятельности⁷, составляет наиважнейшую часть источниковой базы любого исторического исследования. Сверка некоторых архивных делопроизводственных материалов, имеющих отношение к проблеме политической работы в Красной армии, в том числе и на Восточном фронте, с опубликованными документами и материалами в различных изданиях, показала, что между ними есть расхождения, порою достаточно серьезные. Они связаны главным образом с тем, что не все предназначалось в документах для открытой печати. И вообще, один из постулатов источниковедения гласит: открытые источники не всегда содержат правдивую информацию. Следовательно, архивные документы и материалы могут выступать своеобразным «арбитром достоверности». Думается, что вряд ли подобное обобщение следует подвергать сомнению. Но при работе с документами и материалами архивных фондов автор данной статьи твердо придерживался следующих принципов: *взвешенно относиться к сенсационным архивным материалам; недопустимо подменять исследовательский анализ простым цитированием документов и материалов.*

Подчеркнем, что именно в текущей делопроизводственной документации и сосредоточена наиболее ценная информация по различным аспектам проблемы политической работы в Красной армии, ввергнутой в безумие братоубийственной бойни. Причем текущая делопроизводственная документация, извлеченная для анализа из фондов Российского государственного военного архива (далее – РГВА), в количественном отношении стала самой многочисленной [по сравнению с другими архивами]. Делопроизводственные документы и материалы, имеющие отношение к РККА, в том числе и ее войскам, входящим в состав советского Восточного фронта, можно отнести по принадлежности к центральным органам во-

енного управления и к управлениям армиями фронтов Красной армии, а также к управлениям армиями.

Относительно весомый массив делопроизводственных документов и материалов по проблемам политической работы в целом по Красной армии и, в частности, на Восточном фронте извлечен из фонда «Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии» (Ф. 9). При этом особенное внимание уделялось анализу информации, почерпнутой из отчетных, аналитических и информационно-справочных документов и материалов, подготовленных в аппарате Политического управления. Из них извлекались сведения, позволявшие составлять научные представления о формировании организационной структуры политической работы в Красной армии в целом, а также об основных направлениях, формах и методах политической работы, преимущественно на Восточном фронте в 1918–1919 гг. Здесь есть также много сведений, имеющих отношение к повседневному руководству политической работой, а также к организации практических мероприятий в рассматриваемой сфере.

Небезынтересные делопроизводственные документы и материалы отложились в фонде «Всероссийское бюро военных комиссаров» (Ф.8.). Анализу подвергались здесь делопроизводственные документы и материалы, имеющие отношение к деятельности военных комиссаров в частях и соединениях, в первую очередь по укреплению морального духа красных бойцов и командиров в 1918 г. Такие делопроизводственные документы и материалы существенно дополняют источники, охарактеризованные выше в фонде 9.

Данные документы и материалы изучались в тесной связи с текущей делопроизводственной документацией, отложившейся в фонде 106 – Управление армиями Восточного фронта, а также в фондах управлений армиями этого фронта: 157 – Управление I армии Восточного фронта; 169 – Управление II армии; 176 – Управление III армии; 184 – Управление IV армии; 185 – Управление V армии. Здесь имеются доклады и донесения в Политическое управление Красной армии, указания в политические органы армий,

дивизий, бригад, отправлявшиеся из Революционного военного совета Республики (РВСР), справочные материалы о наличии сил и средств, которые привлекались для организации политической работы в войсках. Из отдельных политических сводок можно почерпнуть сведения о морально-психологическом состоянии бойцов и командиров, их отношении к мероприятиям советской власти в рассматриваемой сфере. Данный документальный пласт, отложившийся в фондах, означенных выше, можно сгруппировать следующим образом:

1) документы и материалы, которые фронтовые и армейские политические органы представляли в вышестоящую инстанцию – Политическое управление РВСР (ПУР РВСР) – отчеты, доклады, донесения, сводки, информационно-справочные сведения и др.;

2) документы и материалы, направлявшиеся из РВС и политотделов фронтов и армий в подчиненные им первичные политические органы дивизий, бригад (указания, распоряжения, директивы, осведомительные материалы и др.).

В обеих этих группах первостепенное внимание уделялось исследованию сводок и докладов, в которых содержались конкретные материалы, характеризовавшие состояние политической работы в войсках советского Восточного фронта (особенно в сфере укрепления морального духа, воинской дисциплины и правопорядка в красных войсках).

Кроме того, нельзя не отметить, что в фондах Реввоенсовета СССР (Ф.4), ПУР Красной армии [РККА] (Ф.9), ряда военных округов и военно-учебных заведений изучались важные материалы переписки Реввоенсовета СССР и Политуправления Красной армии РККА с Центральным комитетом РКП (б), протоколы заседаний Реввоенсовета Республики, совещаний начальников отделов ПУР РККА, политические донесения, приказы, докладные записки, сводки, директивы, циркуляры Политуправления РККА и политуправлений округов по актуальным проблемам воспитания личного состава Красной армии в период братоубийственной Гражданской войны (в первую очередь во фронтовой стадии ее протекания). В статистических материалах зафиксировано действительное по-

ложение дел в частях и соединениях Красной армии в исследуемый период.

Изучение текущей делопроизводственной документации [например, директивные указания, отдававшиеся РВС и политорганам фронтов и армий в развитие решений центральных органов РКП (б) и властных структур Советского государства, обзоры военно-политической обстановки на театрах военных действий и пр.], извлеченной из фондов Управления делами Наркомвоена (Ф. 1), Управления делами НКО СССР (Ф. 4), Инспекции при Реввоенсовете Республики (бывш. Высшая военная инспекция, (Ф. 10), Секретариата НКО СССР (Ф. 33 987), помогло составить наиболее полное представление об особенностях военно-политической, стратегической, оперативно-стратегической оперативно-тактической обстановки, складывавшейся на фронтах российской Гражданской войны в исследуемом периоде. В первую очередь на Восточном фронте. Так, из фондов 1 и 4, фонда 6 («Полевой штаб РВСР») извлекался для исследования ряд документов и материалов, в которых содержатся сведения по общим проблемам военного строительства, а также и о распорядительной деятельности центральных военных структур по управлению и организации военных действий. Без анализа подобных материалов невозможно достижение глубокого понимания содержания конкретных форм и методов политической работы в войсках советского Восточного фронта.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ) изучались делопроизводственные документы и материалы, отложившиеся в фонде отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, ЦК РКП (б) (Ф. 17), а также в фонде В.И. Ленина (Ф. 2), имеющих отношение к теме, указанной выше. Это в первую очередь директивные указания ЦК РКП (б), направлявшиеся в адрес политических органов и партийных организаций РКП (б) действующей армии. Извлекалась информация и из сводок по партийным мобилизациям на фронты Гражданской войны.

Во всех архивах имеется множество документов и материалов, помогающих репродуцировать научную картину конкретно-историче-

ской обстановки, ведения политической работы в войсках советского Восточного фронта. В количественном отношении они распределились примерно следующим образом: *приказы, директивы, донесения, телеграммы, обзоры, отношения, другие военно-служебные документы* – 52%; *политические документы* – 22%; *всевозможные резолюции и визы на различных делопроизводственных документах и материалах*⁸ *на различных документах* – 6%; *вырезки из газет, журналов, периодические издания, хранящиеся в архивах целиком*, – 4 %; *прочие* – 16%.

Разумеется, в данной статье невозможно охарактеризовать весь пласт архивных делопроизводственных документов и материалов. Это не по силам одному ученому. Но краткая их характеристика позволяет составить научное представление об этой группе источников.

Опубликованные нормативно-правовые акты и делопроизводственные материалы органов государственной власти и военного управления Советской России

Если вести речь о данной группе источников, то приходится констатировать, что это огромный источниковый массив. Ведь менее чем за двадцать лет высшие органы законодательной власти приняли около 5,5 тыс. актов, при этом 3 тыс. из них – в течение 1917 -1921 гг. и более 250 - только за три первых месяца после революции⁹. Его можно разделить (применительно к предмету исследования данной статьи) на три группы:

1) нормативно-правовые акты и делопроизводственные материалы органов государственной власти и военного управления молодого Советского государства, имеющие отношение к проблемам военного строительства в целом¹⁰, и строительства Вооруженных сил Республик Советов в частности¹¹;

2) нормативно-правовые акты и делопроизводственные материалы органов государственной власти и военного управления молодого Советского государства, имеющие отношение к действующей армии¹²;

3) нормативно-правовые акты и делопроизводственные материалы органов государственной власти и военного управления молодого

Советского государства, имеющие отношение к политической работе в РККА¹⁵.

Отдельно заслуживает быть упомянутым такое издание, как «Собрание узаконений, распоряжений рабочего и крестьянского правительства». Эти «Собрания...» издавались как действующие, необходимые к исполнению, и хронологически представляли документы по мере их появления. В них современный исследователь обнаружит документы из всех трех групп, упомянутых выше¹⁴. А вот издание «Декретов Советской власти» уже не было свободным от тенденциозности, нежели «Собрание...». Дело в том, что выпуск в свет «Декретов...» был призван демонстрировать торжество советской власти, непогрешимость коммунистической идеологии. Между тем сборники этих «Декретов...» исключительно информативны. В них содержатся документы из всех трех групп, упомянутых выше¹⁵ (небезынтересно, что в советский период данное издание являлось предметом источниковедческого анализа¹⁶).

Для анализа военных аспектов нашей темы исследования особую ценность представляют два сборника: «Директивы Главного командования Красной Армии» (1917 – 1920) и «Директивы командования фронтов Красной Армии» (1917 – 1922)¹⁷. Она состоит в том, что предоставляет историкам полный комплекс источников определенного вида – распорядительные документы Главного и фронтового командования. Полнота охвата избранных тем для издания источников является одним из неперемennых качеств любого научного труда. Общий объем серии – более 255 печатных листов, включает свыше 5 тысяч архивных документов, имеет обширный научно-справочный аппарат, в том числе краткие справки о 500 видных военачальниках, командирах и политработниках Красной армии¹⁸. При этом особенно подчеркнем, что опубликованные в серии документы отработаны на высоком археографическом уровне. Из них можно составить представление о ходе боевых действий на всех фронтах Гражданской войны.

Источниковедческий анализ показывает, что большое количество нормативно-правовых актов и делопроизводственных материалов органов государственной власти и военного управления Советской России сосредоточено в

различных сборниках документов, изданных главным образом в советский период. Они выпускались в свет как центром¹⁹, так и периферийными изданиями²⁰. Кроме того, ряд нормативно-правовых актов и делопроизводственных материалов органов государственной власти и военного управления Советской России публиковался по отдельности²¹.

Относительно подобных изданий и публикаций в постперестроечный, постсоветский и современный периоды приходится констатировать, что их количество резко уменьшилось. Немногочисленные же из них относятся к Белому движению. Здесь можно почерпнуть в интересах предмета нашего исследования сведения, имеющие к нему преимущественно опосредованное отношение²².

Что здесь следует учитывать? На характер многочисленных сборников документов, их направленность, тематическое распределение и археографическое оформление определяющее влияние оказывала политическая обстановка в стране, складывавшаяся на каждом этапе ее истории. Наша Отчизна пережила в XX в. две революции, четыре войны, пять государственных образований (Российская империя, Российская республика 1917 г., РСФСР, СССР, Российская Федерация). И на протяжении всего ушедшего в историю бурного XX века – сложнейшие экономические, социально-политические, духовные изменения. Причем значительная часть из них – в форме потрясений. Все они отражались в огромном количестве документов. Многие из них представлены в сборниках, характеризующих в данной статье. Между тем информационный потенциал опубликованных сборников документов содержит еще немало возможностей для проведения исследований проблем политической работы в РККА (1918 – 1920), в том числе и в войсках советского Восточного фронта.

Без преувеличения можно сказать: повышенную ценность для предмета нашего исследования представляет сборник «Из истории гражданской войны в СССР», изданный в 1960 – 1963 гг., где опубликовано 2172 документа²³. Отдельные из них имеют и непосредственное отношение к исследуемой проблеме. По мнению составителей характеризуемого сборни-

ка, в нем впервые собраны документы, охватывающие все главные события страны в годы Гражданской войны. Но что характерно? Составители сборника признают: многие документы даются в извлечениях. Подобный подход объясняется целью – довести до читателей большее количество документов, «представляющих научный интерес»²⁴. Объяснение для своего времени вполне приемлемое. Но с позиций современного уровня накопления исторического знания становится ясным, что подразумевается под политическим интересом публикуемых материалов. Купюры являлись тогда надежным приемом подгонки документов под заранее заданный результат.

Заметим, что примерно в таком же ключе составлены многочисленные тематические сборники, посвященные борьбе за советскую власть в каком-либо районе и изданные, как правило, на периферии. Здесь налицо некоторое дублирование со сборниками, проанализированными выше. Между тем в таком солидном по объему опубликованном массиве документов содержатся данные, которые имеют как непосредственное, так и опосредованное значение для анализируемой в монографии проблемы²⁵.

И все-таки сборники, охарактеризованные выше, уникальны. Причем их уникальность со временем усиливается. Остается только высказать сожаление, что столь неординарные труды советского источниковедения побывали, естественно, перед выходом в свет под прессом цензуры. Думается, что если бы их издавали в условиях постсоветской, а уже тем более современной России, то материал в них был бы значительно богаче. Но комплиментарная часть характеристики данных сборников документов должна сочетаться с тезисом-предостережением. Суть его – к таким документам надо относиться осторожно и критически, ибо на подготовку всех без исключения проанализированных выше сборников оказало и отрицательное влияние следующее обстоятельство – исключительная избирательность публикуемых документов, порочная практика их купирования.

Особенно следует отметить, что нормативно-правовые акты в качестве официальных документов, принятых (изданных) в опреде-

ленной форме правотворческими органами в пределах их компетенций и направленные на установление, изменение и отмену правовых норм²⁶, будучи при этом источником права, а также делопроизводственные материалы в качестве вида исторических источников, задачей которых является документное обслуживание различных управляющих систем, анализируются в данной статье в системном единстве – в качестве отражения реальных личных, групповых, политических, социальных интересов и настроений; как результат изменений в государстве и обществе, а также в мире в целом²⁷.

Документы и материалы правившей в Советском государстве коммунистической партии

Источниковедческий анализ дает основания для такого обобщения: опубликованные документы и материалы правившей в Советском государстве коммунистической партии считались в советский период развития исторической науки самыми важными для любых видов исторических, историографических, источниковедческих исследований²⁸. Данный источниковый массив на протяжении советского периода развития исторической науки максимально вводился в научную практику²⁹. Между тем его источниковедческая разработка не отличалась совершенством³⁰. Спрашивается, почему?

История распорядилась так, что правившая в Советской России / СССР коммунистическая партия подменила в конечном итоге органы государственной власти и управления де-факто. Она эволюционировала в своем развитии за более чем восьмидесятилетнюю историю от революционно-конспиративной партии (РСДРП) к ядру структуры политического режима советской власти – главного устройства в механизме власти. В конечном итоге КПСС сделала органы государственной власти и управления своими «приводными ремнями». Подчинить общественные организации было легко, так как правившая партия довольно быстро смогла установить монополию на власть. Например, большевистский Совнарком во главе с В.И. Лениным быстро подчинил себе многопартийный ВЦИК и уже в начале ноября 1917 г. стал орга-

ном, объединившим исполнительную и законодательную власть³¹.

Поэтому в интересах предмета исследования данной статьи анализировались материалы всевозможных форумов правившей в Советской России коммунистической партии. Именно их анализ позволил составить четкие представления о том историческом фоне, в котором функционировал исторический феномен партийно-политической работы в РККА в период братоубийственной Гражданской войны³². Этому же сопутствовал и анализ Программы Российской Коммунистической партии (большевики)», принятой VIII съездом РКП (б) в 1919 году³³, а также некоторых постановлений руководящих органов РКП (б). Например, широко и печально известное сегодня «Циркулярное секретное письмо о политике по отношению к казачеству»³⁴, положившее начало мизантропской большевистской политики «рассказачивания».

Изучались также документы из многотомника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», вышедшего в свет девятью изданиями³⁵. Они имеют как прямое, так и косвенное отношение к рассматриваемой проблеме. А вот в сборнике «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: документы 1917–1981» налицо большой массив документов и материалов, имеющих уже преимущественно прямое отношение к проблеме партийно-политической работы в РККА, в том числе и на Восточном фронте³⁶. Нельзя здесь не вспомнить и постановление ЦК РКП (б) «О политике военного ведомства» (декабрь 1918 г.), в котором четко обозначена руководящая роль правившей в РСФСР коммунистической партии в РККА³⁷.

Но наибольшее количество фактографии почерпнуто из тех документов и материалов правившей в Советском государстве коммунистической партии, которые можно объединить в следующие группы:

1) сборники документов и материалов, имеющих как прямое, так и непосредственное отношение к политической работе в РККА в период Гражданской войны, в том числе и на советском Восточном фронте, изданные постфактум в специализированных сборниках. Речь идет в первую очередь о большом количестве норма-

тивно-правовых актов и делопроизводственных материалов, размещенных в двух сборниках документов о партийно-политической работе в Красной армии в период кровавого междоусобия. Они имеют такую специфику: в сборниках размещены как документы и материалы правившей в молодой Республике Советов коммунистической партии, так и документы советских органов государственной власти и военного управления. Эти сборники, по сути дела, являются томами единого издания. Если первый из них посвящен начальному периоду строительства Красной армии и ее партийно-политического аппарата, то второй охватывает этап после VIII съезда РКП (б) до окончания основных боевых действий в Гражданской войне (во фронтовой стадии ее протекания). Обе книги объединяют и сам подход к отбору документального материала, и композиционную преемственность, и общность принципов археографической обработки материалов. В целом двухтомник, охарактеризованный выше, представляет собой весьма солидное и оригинальное издание, содержащее богатую коллекцию документов и материалов, позволяющих воссоздать многие аспекты партийно-политической работы в красных соединениях и частях, в том числе и на советском Восточном фронте³⁸. Имеется фактография по предмету нашего исследования и в сборнике «Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 годы): документы и материалы»³⁹;

2) всевозможного рода инструкции, регламентирующие организацию партийно-политической работы в Красной армии на различных ее направлениях⁴⁰.

Таким образом, выше охарактеризованы опубликованные нормативно-правовые акты и делопроизводственные материалы органов государственной власти и военного управления Советской России, а также правившей в ней РКП (б). Они являются важным источником для раскрытия предмета исследования нашей статьи. Причем при работе с теми из них, что были введены в научный оборот в советский период развития отечественной исторической науки, необходимо учитывать следующее обстоятельство: к моменту подготовки их к печати существовал

определенный критерий отбора документов. Он так или иначе соответствовал оценочной логике событий, сложившейся в советской исторической науке к 60 - 80 гг. прошлого века. В то время политическим руководством СССР была предложена более демократичная, чем в 1930 - 1950 гг., но не менее обязательная к исполнению шкала приоритетов в трактовке событий российской Гражданской войны. В публикациях документов особое место уделено приоритету демонстрации руководящей роли коммунистической партии в достижении победы над белыми, а также демонстрации массового героизма красноармейцев.

Историографический анализ показывает, что в начале 1990-х годов снизился публикаторский интерес к документам советских органов государственной власти и военного управления. Однако постепенно подобный перекокс в современной историографии начал устраняться. Появились сборники документов, из которых можно почерпнуть сведения для анализа нашей темы⁴¹.

Итак, резюмируя, заметим, что делопроизводственные материалы, отложившиеся в архивах, обнародованные документы органов государственной власти и военного управления Советского государства, а также правившей в нем коммунистической партии, охарактеризованные выше, составляют важный источник исследования нашей проблемы. Думается, современным публикаторам документов необходимо учесть ошибки предшественников и не допускать тенденциозности, политизированной избирательности при отборе материалов. Одно из надежных средств – использование в подготовке тематических сборников метода компаративизма. Он поможет избежать односторонности и уберезет от соблазна попасть под влияние новых априорных схем со сменой знаков с плюса на минус.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 238.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Азбука, 2019. С. 427.

³ Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. V: Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 7.

⁴ Вопросы историографии и источниковедения

истории СССР: Сб. ст. М. - Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1963. – 656 с.; *Пронштейн А.П.* Методика работы над историческими источниками / А. П. Пронштейн, А.Г. Задера. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 82 с.; *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 222 с.; *Беленький И.Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960 – 1984): аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1985. 69 с.; *Источниковедение: Теория. История. Методические источники российской истории: учеб. пособие / И.А. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева.* М.: Изд-во Рос. гос. ун-та, 1998. 702 с.; *Русина Ю.А.* Источниковедение новейшей истории России: [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236с. и др.

⁵ Материалы дискуссии: Актуальные проблемы советского источниковедения // История СССР. 1989. № 6. С. 36–91.

⁶ *Ланглуа Ш.В.* Введение в изучение истории / Ш.В. Ланглуа Ш.М., Сеньобос. Пер. с французского А. Серебряковой; – 2-е изд. / под ред. и со вступит. ст. Ю.И. Семенова. М. [Б.и], 2004. С. 49.

⁷ Белов А.Н. Делопроизводство и документооборот: учеб. пособие / А.Н. Белов, А.А. Белов. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Эксмо, 2005. 620 с.

⁸ *Резолюция* – реквизит, содержащий указания должностного лица по исполнению документа; *виза* – реквизит, фиксирующий согласие или несогласие должностного лица с содержанием документа (см.: ГОСТ Р 7.0.8.–2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М., 2014. [Электронная версия] URL: docs.cntd.ru/document/1200108447 (дата обращения: 25.01.2022).

⁹ *Русина Ю.А.* Источниковедение новейшей истории России... С.19.

¹⁰ Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии 15 (28) янв. 1918 г. // Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С.356-357.

¹¹ Устав внутренней службы Рабоче-Крестьянской Армии [утв. ВЦИК 29 ноября 1918 г.]. М. Б.и., 1918. 215 с.; Устав гарнизонной службы [Рабоче-Крестьянской Красной Армии : Утв. ВЦИК 29 ноября 1918 г.]. Петроград: Б. и., 1919. 95 с.; Приказы Высшей военной инспекции Рабочей и Крестьянской Красной армии. М.: Всероссийск. центр. исполнит. комитет. Воен. отд., 1919. 144 с; Постановление Совета Обороны о мерах по искоренению дезертирства. 3 июня 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5: 1 апреля 1919 г. – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 264–267, и др.

- ¹² Директивы главного командования Красной Армии (1917 – 1920): Сб. док. М.: Воениздат, 1969. – 884 с.; Директивы фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): в 4 т. М.: Воениздат, 1971–1974. 4 т.
- ¹³ Восточный фронт (1917 – 1920). Осведомительное управление. Инструкция Заведующему культурно-просветительным отделением при Штабе армии, округа, корпуса. Омск: Культурно-просветительный отд. Осведомительного упр. Восточного фронта, 1919. 8 с.; Инструкция политическим комиссарам в частях армий Восточного фронта. Самара: Тип. Полиодарма Южгруппы Востфронта, 1919. 7 с.; Положения и инструкции по постановке политическо-просветительной работы в Красной армии. 2-е изд., доп. М.: Агитационно-просветительный отдел Вс. Б.В.К., 1919. 343 с. Сборник приказов Всероссийского бюро военных комиссаров и инструкций по ведению агитационно-просветительной работы в частях Красной Армии. Пенза: Полит-просвет. упр. Уральского воен. окр. 1919. 60 с. и др.
- ¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1919 г. М.: Б.и., 1919. 584 с.
- ¹⁵ Декреты советской власти: В 13 т. Т. I – VII. М.: Политиздат, 1957 – 1975.
- ¹⁶ Журавлев В.В. Декреты Советской власти 1917 – 1920 гг. как исторический источник: Законодат. акты в сфере обобществления капиталист. собственности. М.: Наука, 1979. 399 с.
- ¹⁷ См.: Директивы Главного командования Красной Армии 1917 – 1920...; Директивы фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.): В 4 т.
- ¹⁸ Более подробно см.: *Каряева Т.Ф.* Вопросы военно-политического единства советских республик в документальных публикациях Центрального государственного архива Советской Армии // Боевое содружество советских республик 1919 – 1922 гг. М.: Наука, 1982. С. 221–228.
- ¹⁹ Отчеты об операциях Красной Армии и Флота за период с I–XII-1919 г. по 25–XI-1920 г. / составлено Полевым штабом РВСР к 8-му Съезду Советов. Декабрь 1920 г. [2-е изд.]. М.: Литературно-издательский отдел политуправления РВСР, [1922]. – 85 с.; Допрос Колчака. Л.: Госиздат, 1925. 233 с.; Листовки Гражданской войны в СССР 1918–1922. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. 128 с.; *Бонарцева Н.Н. (сост.)*. Пламенное слово: Листовки гражданской войны (1918 – 1922 г.). М.: Воениздат, 1967 – 404 с., и др.
- ²⁰ Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918–Февраль 1921 г.: Сб. док. и материалов. Ашхабад: Ылым, 1972. 285 с.; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. Сб. док. Рига, Зинатне, 1978. 364 с. В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920). Сб. док. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. 416 с.; М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. док. Куйбышев, Куйбышев. кн. изд-во, 1985. 272 с., и др.
- ²¹ Боевой путь В.И. Чапаева // Красный архив. 1939.Т.6 (97). С. 141–176; Из деятельности М. В. Фрунзе на фронтах Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1940.№10. С. 143–149; Отчет Реввоенсовета Республики за 1917–1919 гг. / введ. ст. С.М. Кляцкина // Исторический архив. 1956. № 1. С. 132–155; Героизм частей и соединений Красной Армии на Восточном фронте в 1918 – 1920 гг. Вводная ст. Д.В. Ознобишина // Исторический архив. 1957. №1. С.129–150; Доклад И. Вацетиса В.И. Ленину // Исторический архив. 1958. №1. С. 42–69; Из переписки М. В. Фрунзе с В. И. Лениным (1919 – 1920) // Исторический архив. 1958. №3. С. 32–40; Поезд Троцкого: публикация документов // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 66–69; № 11. С. 53–64; № 12. С. 47–52 и др.
- ²² А. В. Колчак. 1874–1920. Сб. док. в двух томах. СПб.: Блиц, 2021. 2 т.
- ²³ Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док. и материалов: В 3 т. М.: Советская Россия, 1960 – 1963. 3 т.
- ²⁴ Там же. Т.1. С. XVIII.
- ²⁵ Самарская губерния в годы гражданской войны. (1918–1920 гг.): Док. и материалы. Куйбышев: Кн. изд-во, 1958. 576 с.; Симбирская губерния в годы гражданской войны: Сб. док: В 2 т. Ульяновск: Кн. изд-во, 1958. 1960. – 2 т.; Гражданская война на Южном Урале (1918–1919): Сб. док. и материалов. Челябинск: Кн. изд-во, 1962. 440 с., и др.
- ²⁶ Более подробно см., например: *Поленина С.В.* Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С.В. Поленина, Н.В. Сильченко. М.: Наука, 1987. – 150 с.; Язык закона. М.: Юрид. лит., 1990. 192 с., и др.
- ²⁷ Более подробно см., например: *Голубцов В. С.* Акты законодательных и исполнительных органов Советского государства / В.С. Голубцов, В.З. Дробижев // Источниковедение истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. С. 372–393; *Земцов Б. Н.* Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 65–74.
- ²⁸ См., например: *Варшавчик М.А.* Источниковедение истории КПСС: [Учеб. для студентов по спец.

- «История КПСС»]. М.: Высш. шк., 1989. 221 с.
- ²⁹ См., например: Программы и Уставы КПСС. М.: Политиздат, 1969. 423 с.; Из архивов партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3–5; 6; 8–9; Известия ЦК КПСС. 1990. № 1; 5–7; 10; 12.
- ³⁰ Заметим, что в советском источниковедении документы правившей в Советском государстве коммунистической партии традиционно рассматривались как самостоятельные источники массивы. Причем акцент делался на их происхождении, а не на видовой принадлежности (см., например: *Борисова Л.В.* Делопроизводственные документы советской эпохи: историография и источниковедение (20–80-е годы) // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 19–29.
- ³¹ *Разгон А.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М.: Наука, 1977. С. 161–163.
- ³² РКП (б). Съезд (8; 1919; Москва). Стенографический отчет. М.: Коммунист, 1919. – 415 с.; РКП (б). РКП (б). Съезд (9; 1920; Москва). Девятый съезд РКП (б): март–апрель 1920 г. М.: Партийное изд-во, 1934. 612 с., и др.
- ³³ Программа Российской Коммунистической партии (большевиков): резолюции и постановления VIII съезда РКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. Т. 2. М., 1970. С. 37–59.
- ³⁴ Циркулярное секретное письмо о политике по отношению к казачеству: постановление Оргбюро ЦК РКП (б) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177–178.
- ³⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986): В 15 т. 9 изд. доп. и испр. М.: Политиздат, 1983 – 1989.
- ³⁶ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: док. 1917–1981 / сост. Н.И. Савинкин, К.М. Боголюбов. М.: Воениздат, 1981. 622 с.
- ³⁷ О политике военного ведомства. 25 декабря 1918 г. Постановление ЦК РКП (б) // Правда. 1918. 26 дек.
- ³⁸ Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 – февраль 1919). Док. М.: Воениздат, 1961. – 360 с.; Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 г.). Док. М.: Воениздат, 1964. 536 с.
- ³⁹ Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 годы): док. и материалы. – М.: Госполитиздат, 1962. 680 с.
- ⁴⁰ Инструкция ячейкам РККА. Утвержденная ЦК РКП (б) в январе 1919 года // Правда. 1919. 10 янв.; Инструкции партийным ячейкам красноармейской части и тыла. Самара: Политотдел. Упразформа Туркфронта, 1919. 15 с.
- ⁴¹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918 – 1919: сб. док. М.: Русский мир, 1997. 640 с.; Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920 – 1923 гг.: сб. док. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 440 с.; Чехословацкий корпус в Поволжье, 1918–1920 годы: док. и материалы. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ин-т (фил.) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2014. 181 с.; В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 – 1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. 671 с.; Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.). Сб. док. / сост. М.И. Вебер. Екатеринбург: УРО РАН, 2019. 272 с. и др.

POLITICAL WORK IN THE TROOPS OF THE SOVIET EASTERN FRONT (1918 - 1919): A BRIEF CHARACTERISTIC OF DOCUMENTARY

© 2022 G.M. Ippolitov

Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

During the fratricidal Civil War in Russia in its front-line stage (1918-1920), the military-historical phenomenon of political work in the Red Army was formed, strengthened and established. This phenomenon has become a subject of historical study and is reflected in a huge array of historiographic and source studies. In this article, the author presents a brief description of the documentary block of the source base for studying the problem of political work in the troops of the Soviet Eastern Front in 1918-1919.

Keywords: Red Army, Civil War, political work, documentary sources, office documents; regulations.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-22-31

Georgy Ippolitov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Department of History and Archeology. E-mail: ippo1953@yandex.ru

УДК 947.084

ИСТОРИЯ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОВОЛЖЬЯ ПРЕДВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК В МАТЕРИАЛАХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ: ПРОБЛЕМА ИСЧЕЗНУВШИХ ДОКУМЕНТОВ

© 2022 Е.В. Воейков

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва (Пензенский филиал)

Статья поступила в редакцию 23.01.2022

Лесная промышленность СССР играла важную роль в довоенной индустриализации. В настоящее время не существует исследования, подробно рассматривающего и анализирующего все основные аспекты развития лесного хозяйства и лесной индустрии как Поволжья в целом, так и отдельных административно-территориальных образований данного региона в годы довоенной индустриализации. Именно в архивных фондах содержатся основные материалы по истории эксплуатации лесов Поволжья в 1930-е гг. Основное внимание в статье акцентировано на проблеме исчезновения ценной для исследователей индустриального развития региона документации наиболее крупных лесозаготовительных организаций – лесных трестов. Удовлетворительной можно признать только сохранность документов созданных в 1936 г. территориальных управлений лесоохраны и лесонасаждений Пензенской, Куйбышевской и Саратовской областей. *Ключевые слова:* лесные тресты, леспромхозы, архивные фонды, исчезновение документов. DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-32-38

В годы довоенной индустриализации лесной фонд СССР стал важным источником получения строительных материалов, сырья для различных отраслей индустрии, включая авиостроение. Экспортируемая древесина давала валютные поступления. Не будет преувеличением сказать, что лесная промышленность в 1930-е гг. обеспечила возможность проведения индустриализации в СССР, позволив в условиях дефицита кирпича и других синтетических материалов осуществить массовое строительство дешевого жилья из древесины в городах и на новостройках и компенсировав дровами возникший с начала 1930-х гг. недостаток каменного угля и нефтетоплива.

В последние десятилетия в отечественной историографии активизировался процесс изучения истории лесной промышленности России. Историю лесной индустрии 1920-х–1940-х гг. Уральского региона¹ и СССР в целом² в по-

следние годы наиболее активно разрабатывает историк И.В. Зыкин. Комплексного исследования, подробно рассматривающего и анализирующего все основные аспекты развития лесной индустрии как Поволжья в целом, так и отдельных административно-территориальных образований данного региона на протяжении довоенной индустриализации, в настоящее время не существует. В этой связи возрастает роль архивных фондов, содержащих, как отмечается исследователями, наиболее ценные, не искаженные, в отличие от опубликованных журнальных, газетных статей и статистических сборников 1930-х гг., цензурой и официальной идеологией³ материалы по истории эксплуатации лесов Поволжья, как основной источниковой базы для исследователей⁴.

Автор данной статьи с середины 1990-х гг. работал в центральных и региональных архивохранилищах с фондами по индустриальному развитию Пензенской, Самарской, Ульяновской областей периода предвоенных пятилеток, затем в XXI в. источниковая база исследования расширилась за счет материалов архивов ре-

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки».
E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

спублик Мордовия, Татарстан, Чувашия и Саратовской области. При этом постепенно по мере накопления и обобщения материалов все более отчетливо выявлялась серьезная проблема отсутствия в архивных фондах важных материалов по отдельным предприятиям и промышленным объединениям Поволжья.

В статье основное внимание акцентировано на значительных лакунах в отложившихся в архивных фондах материалах наиболее крупных лесозаготовительных организаций Поволжья – лесных трестов. При этом необходимо сразу уточнить, что автор данной статьи ни в коей мере не рассматривает исчезновение важных документов по истории лесной промышленности 1930-х гг. как погрешности деятельности работников федеральных и региональных архивов. По мнению автора, документы в подавляющем большинстве были утрачены еще до передачи в архивохранилища. Рассмотренные в статье причины исчезновения годовых отчетов и делопроизводственной документации лесных трестов региона носят дискуссионный характер и не претендуют на истину в последней инстанции. Автор ставил себе задачу обозначить серьезную проблему труднообъяснимой утраты важных исторических источников и предложить возможные версии, объясняющие существующую ситуацию пробелов в архивных источниках.

Среднее Поволжье рассмотрено в границах современных Пензенской, Самарской, Ульяновской областей, территории которых входили в 1930-е гг. в Средне-Волжский (Куйбышевский) край, с 1936 г. – в Куйбышевскую область, с 1939 г. – в Куйбышевскую и Пензенскую области. Нижнее Поволжье представлено только Саратовским краем (областью), так как значительные лесные массивы на территории Сталинградской и Астраханской областей отсутствовали.

На территории Средне-Волжского края в годы первой и второй пятилеток вели работы Средне-Волжский лесной трест «Средлес» (Наркомат тяжелой промышленности СССР), Средне-Волжский лесохозяйственный трест, обычно сокращавшийся в документах до лесхозтреста (Наркомат земледелия СССР). В 1939 г. «Средлес» был преобразован в трест «Волгостройлес»

Наркомата промышленности строительных материалов. В конце 1936 г. на базе Куйбышевского (бывшего Средне-Волжского) лесхозтреста были созданы трест «Куйбышевлес» Наркомлеса СССР (с 1939 г. – Наркомлеса РСФСР) и Средне-Волжское территориальное управление лесоохраны и лесонасаждений, входившее в систему Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР. В 1940 г. Средне-Волжское управление было переименовано в Куйбышевское, из его состава были выделены Мордовское и Пензенское управления лесоохраны и лесонасаждений.

Из документации крупных лесозаготовительных организаций Поволжья периода довоенных пятилеток наибольшей сохранностью и информационной насыщенностью отличаются материалы фонда Главного управления лесоохраны и лесонасаждений Российского государственного архива экономики (РГАЭ), где имеются машинописные с хорошей сохранностью текста годовые отчеты вместе с подробными объяснительными записками территориальных управлений Поволжья⁵. В сочетании с протоколами совещаний они позволяют с высокой степенью подробности реконструировать историю лесного хозяйства и лесной промышленности Поволжья второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. В объяснительных записках и докладах территориальных управлений лесоохраны Поволжья 1936–1941 гг. были представлены разделы, в которых давалась подробная характеристика условий работы, площади лесов, отводу лесосек основным лесозаготовителям, рубкам ухода, посевам и посадкам леса, борьбе с самовольными порубками, лесными пожарами. Аналогичные материалы местных территориальных управлений лесоохраны хранятся и в соответствующих фондах региональных архивов⁶. Преимуществом региональных архивохранилищ в аспекте информационной насыщенности является наличие помимо годовых отчетов еще подборок в отдельных единицах хранения приказов и протоколов производственных совещаний.

Наихудшее состояние сохранности документов можно констатировать по лесохозяйственным трестам Поволжья. Так, в Самарском госархиве (ЦГАСО) имеется фонд Средне-Волжского лесхозтреста⁷. Среди 52 единиц хранения

за период 1932–1936 гг., сгруппированных в одну опись, нет ни одного годового отчета треста, отсутствуют материалы о заготовке и вывозке деловой и дровяной древесины, которые составляли важный аспект производственной деятельности треста. Основная часть сохранившихся документов данного фонда относится к обследованию и инвентаризации лиственных и хвойных насаждений и лесоустройству. Другими словами, материалы о производственной деятельности данного треста оказались в подавляющем большинстве утрачены. Также в Ульяновском и Самарском госархивах (ГАУО и ЦГАСО) отсутствуют фонды отдельных производственных единиц (лесхозов) Средне-Волжского лесхозтреста, в то время как отдельные фонды леспромхозов трестов «Средлес», «Куйбышевлес» и лесхозов Куйбышевского, Пензенского управлений лесоохраны имеются в региональных архивах.

Фонд лесохозяйственного треста «Саратовлес» в Саратовском госархиве (ГАСО) существует, только называется он почему-то «Саратовский лесхоз»⁸. Первый годовой отчет в данном фонде имеется только за 1937 г., в то время как Саратовский лесхозтрест прекратил существование в конце 1936 г. Поэтому данный отчет характеризует деятельность уже Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений. К периоду деятельности именно лесохозяйственного треста относятся только три единицы хранения с приказами, две – с протоколами собраний и заседаний рабочкома, одна – со сведениями о стхановцах⁹.

Средне-Волжский и Саратовский лесохозяйственный тресты входили в систему Наркомзема СССР. В фонде Наркомата земледелия СССР Российского государственного архива экономики (РГАЭ. Ф. 7486) материалы о лесозаготовках как по Поволжью, так и по другим регионам страны автору статьи обнаружить не удалось.

Следует отметить, что эпоха 1930-х гг. не предполагала фатальной неизбежности исчезновения документов именно лесохозяйственных трестов Поволжья. В частности, годовые отчеты с протоколами производственных совещаний и другими материалами функционировавшего в Татарской АССР в 1931 – 1936 гг.

Татлесхозтреста благополучно сохранились в отдельном фонде Государственного архива Республики Татарстан¹⁰.

Процесс исчезновения документов не обошел и лесопромышленные тресты Поволжья. Материалы по истории лесной промышленности Советского Союза 1930-х гг. представлены в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) фондом Наркомата лесной промышленности СССР (Ф. 7637), в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) – фондом Наркомлеса РСФСР (Ф. А. 215). Но годовые отчеты Наркомлеса СССР большей частью дают общую сводку по стране, без дифференциации по отдельным краям и областям. Фонд Наркомлеса РСФСР содержит годовые отчеты как наркомата в целом, так и отдельных производственных объединений в Поволжье, например, «Куйбышевлес», «Пензолеса», но только с 1940–1941 гг.

Материалы о деятельности крупнейшего заготовителя лесных материалов Средне-Волжского края в годы первой и второй пятилеток треста «Средлес» выделены в отдельные фонды в региональных архивохранилищах. Годовые отчеты данной организации за 1927–1938 гг. были сгруппированы в опись 3 фонда Р-1810 Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). При этом совершенно отсутствуют приказы треста по основной производственной деятельности, протоколы совещаний и материалы делопроизводственной переписки.

Еще более странным представляется подбор материалов фонда треста «Средлес» Самарского государственного архива (ЦГАСО. Ф. Р. 4107). 50 единиц хранения данного фонда охватывают период 1929 – 1931 гг. Таким образом, материалы о деятельности треста за 1932 – 1938 гг. отсутствуют. По своему содержанию единицы хранения данного фонда включают преимущественно материалы лесоустройства и лесоэкономических обследований отдельных леспромхозов. Между тем основным видом производственной деятельности «Средлеса» являлась заготовка и вывозка деловой и дровяной древесины и переработка лесных материалов на лесозаводах.

В региональных архивохранилищах Поволжья в ряде случаев материалы о деятельности лесопромышленных трестов оказались сгруппи-

рованы в фонды отдельных производственных единиц – лесопромышленных хозяйств, именовавшихся по устойчивой традиции леспромхозами (далее – ЛПХ). В Пензенском госархиве (ГАПО) имеется фонд Пензенского леспромхоза треста «Средлес» за период 1931 – 1937 гг. Но при этом не вполне понятным выглядит отсутствие в ГАПО отдельных фондов Верхне-Мокшанского, Кузнецкого, Ломово-Чембарского, Лунинского, Николо-Пестровского, Чаадаевского, Шемьшейского леспромхозов «Средлеса», функционировавших на территории, вошедшей в образованную в 1939 г. Пензенскую область. Особенно труднообъяснимым выглядит исчезновение документов Кузнецкого ЛПХ, располагавшегося в восточной части Пензенской области и отличавшегося наиболее масштабным по сравнению с другими леспромхозами объемом работ по лесозаготовкам. Например, среднесписочное количество рабочих в данном леспромхозе составило в 1934 г. 2135 человек, в 1935 г. – 1942 человека. В других наиболее крупных хозяйствах «Средлеса» в эти годы данный показатель был ниже: в Зубовском ЛПХ – 1828 и 1455, Барышском ЛПХ – 1586 и 1405, Пензенском ЛПХ – 1263 и 1223 человека¹¹. После ликвидации треста «Пензолес» Кузнецкий леспромхоз продолжал функционировать в составе «Волгостройлеса» ещё и в 1940-е гг. Наличие в ГАПО фонда Кузнецкого леспромхоза за 1947 – 1950 гг., состоящего из одной единицы хранения никак не объясняет отсутствия массива документации о производственной деятельности данного хозяйства за 1930-е гг., которая могла насчитывать сотни единиц хранения. Для сравнения: в фонде Пензенского леспромхоза «Средлеса» ГАПО за период 1931–1937 гг. насчитывается 254 дела.

Верхне-Мокшанский, Лунинский и Чаадаевский ЛПХ с 1938 г. входили в систему треста «Тамбовлес» Наркомлеса РСФСР. В 1941 г. трест «Тамбовлес» был разделен на две самостоятельные структуры – тресты «Тамбовлес» и «Пензолес». В состав треста «Пензолес» вошли Верхне-Мокшанский, Лунинский, Чаадаевский леспромхозы, Петровский и Сердобский лесопункты¹². В Государственном архиве Тамбовской области фонд треста «Тамбовлес» Наркомлеса РСФСР периода 1930-х–1940-х гг. отсутствует¹³.

Также нет в ГАПО фонда треста «Пензолес» Наркомлеса РСФСР периода 1940-х гг. Сохранились только годовые отчеты «Пензолеса» и «Тамбовлеса» 1940 – 1941 гг. в фонде Наркомлеса ГАРФ¹⁴.

Не лучше ситуация и с документацией леспромхозов «Средлеса», которые функционировали в районах Средне-Волжского края, образовавшихся в 1943 г. Ульяновскую область. В частности, в 1935 г. на данной территории действовали Барышский, Инзенский, Канадейский, Карсунский, Кузоватовский, Майнский, Мелекесский, Сенгилеевский, Славкинский, Старо-Майнский, Сурский, Ульяновский, Черемшанский ЛПХ. В Ульяновском госархиве оказались сформированы фонды только Мелекесского, Карсунского, Сенгилеевского, Славкинского леспромхозов¹⁵. Как и в случае с Кузнецким ЛПХ в Пензенской области, особенно невосполнимой представляется утрата документов наиболее крупного Барышского леспромхоза, который помимо значительного количества рабочих располагал еще и значительным по масштабам тех лет количеством автотранспорта. Основная часть грузовых автомобилей и тракторов была сосредоточена в нескольких леспромхозах, например, в начале 1939 г. в Кузнецком ЛПХ было 33 грузовых автомобиля, в Барышском ЛПХ – 31¹⁶. Материалы о производственной деятельности Барышского и Кузнецкого леспромхозов, если бы таковые сохранились и были сгруппированы в отдельные фонды ГАПО и ГАУО, могли бы существенно расширить представления историков о развитии механизации лесной промышленности Поволжья в годы предвоенных пятилеток.

Исчезновение документов не обошло стороной и фонд треста «Куйбышевлес» ЦГАСО. В частности, там отложились годовые отчеты треста за 1939 – 1941 гг.¹⁷ Поскольку трест образовался в конце 1936 г. на базе ликвидированного Куйбышевского лесхозтреста, отсутствие отчета за этот год вполне оправданно. Но полное отсутствие в материалах фонда «Куйбышевлеса», включавшего в начале 1939 г. девять леспромхозов и три лесозавода, годовых отчетов за 1937 и 1938 гг. представляется труднообъяснимым.

Одной из возможных версий отсутствия в региональных архивохранилищах документов по

производственной деятельности лесопромышленных и лесохозяйственных трестов может быть их изъятие работниками госбезопасности НКВД после арестов руководящих работников. Руководители трестов «Средлес» и «Куйбышевлес» в 1937 г. были репрессированы¹⁸.

Но следует отметить, что неизбежности исчезновения где-то в недрах местных управлений НКВД документов лесопромышленного треста при аресте руководителей в 1937 – 1938 гг. не существовало. В тресте «Чувашлес», который функционировал в расположенной по соседству со Средним Поволжьем Чувашской АССР, в эти годы были арестованы управляющий Н.М. Белянин и его заместитель С.А. Храбров¹⁹. Но в фонде треста «Чувашлес» Государственного исторического архива Чувашской Республики годовые отчеты, протоколы совещаний, документы обследований отдельных леспромхозов сохранились как за 1937 – 1938 гг., так и за предшествующие годы²⁰.

Версия репрессий руководителей также не объясняет отсутствия в региональных архивах Среднего Поволжья материалов о производственной деятельности большинства леспромхозов треста «Средлес». Кроме того, Средне-Волжский лесхозтрест, по которому сохранилось наименьшее количество документации, был ликвидирован в 1936 г., то есть до начала массовых репрессий.

Многочисленные реорганизации лесозаготовительных трестов в 1930-е гг. также не могли не отразиться на сохранности отчетов, протоколов совещаний, приказов и других материалов. Документацию Средне-Волжского лесхозтреста, лесопромышленных трестов «Средлес» и «Куйбышевлес» могли сдать в макулатуру или просто выбросить вместо передачи в архив в военные или послевоенные годы. Например, массив документов «Средлеса» явно достался «по наследству» созданному в 1939 г. тресту «Волгостройлес», являвшемуся новым юридическим лицом в составе другого наркомата. Зачем другому тресту было бережно хранить документацию своего предшественника? Представляется, что наиболее ценные годовые отчеты «Средлеса» сохранили, остальное списали как устаревшую и ненужную документацию. Аналогичным образом могли попасть в макулатуру и папки с бумага-

ми Средне-Волжского лесхозтреста, с той только разницей, что в этом случае уничтоженным оказался практически весь массив документов.

В Саратовском госархиве отсутствует отдельный фонд созданного в 1936 г. лесопромышленного треста «Саратовлес» системы Наркомата лесной промышленности СССР. Есть вероятность, что это связано с произошедшим в архиве пожаром 1974 г., когда погибли материалы нескольких сотен фондов, преимущественно советского периода. Продублированные годовые отчеты данного треста сохранились в фонде Саратовского статистического управления²¹, но в силу специфики данного фонда там отсутствуют приказы треста, делопроизводственная переписка и материалы совещаний «Саратовлеса».

Вместе с тем отсутствие материалов в одних архивных фондах в некоторой степени компенсируется наличием хорошо сохранившихся документов в других. Например, особую значимость приобретают материалы фонда Пензенского леспромхоза треста «Средлес» ГАПО, где, в частности, оказались сгруппированы приказы «Средлеса» за 1931 – 1937 гг.²² Документом, относительно подробно характеризующим деятельность Средне-Волжского лесхозтреста, является докладная записка о лесном хозяйстве треста за период 1932 – 1935 гг., подготовленная для совещаний при крайплане²³. Насыщены подробностями производства и быта на лесозаготовках протоколы совещаний лесозаготовителей Куйбышевской области с участием работников треста «Средлес» за период 1937 – 1938 гг. фонда Куйбышевского обкома ВКП (б) и протоколы первой и второй областных профсоюзных конференций 1937 г. и 1939 г., сохранившиеся в фонде Куйбышевского обкома профсоюза леса и сплава Самарского областного государственного архива социально-политической истории²⁴. Содержание выступлений работников лесной промышленности Поволжья на этих совещаниях не всегда соответствует сформированному на уровне массового сознания стереотипу о царившей в конце 1930-х гг. в обществе атмосфере всеобщего страха, люди откровенно высказывались о существующих на лесозаготовках проблемах, критиковали свое руководство за недостаточно оперативное принятие мер по улучшению ситуации.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что по истории лесной промышленности Поволжья периода довоенных пятилеток наибольшей степенью сохранности отличаются только документы фонда Главного управления лесоохраны и лесонасаждений РГАЭ и фонды территориальных управлений данного объединения в региональных госархивах. В целом корпус архивных материалов имеет многочисленные лакуны, связанные с полной или частичной утратой документов Средне-Волжского лесохозяйственного треста, лесопромышленных трестов «Средлес», «Куйбышевлес», «Саратовлес». Информационные пробелы частично компенсируются материалами о деятельности этих промышленных объединений в документах фондов Куйбышевских крайплана, обкома ВКП (б) и обкома профсоюзов рабочих леса и сплава, Пензенского леспромхоза, Саратовского статуправления.

В связи с рассмотренной в статье проблемой автор убежден, что тенденция труднообъяснимых массовых исчезновений документов охватывает не только лесную промышленность периода предвоенных пятилеток, но гораздо большее количество отраслей индустрии как в Поволжье, так и в других регионах России. Представляется перспективным обмен опытом историков и архивистов по данной проблеме. Архивные документы по промышленной истории России должны внести свой вклад в объективное изучение сложного и противоречивого пути, пройденного нашей страной в период предвоенной модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Зыкин И.В.* «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2021. 303 с.
- ² *Зыкин И. В.* Лесопромышленный комплекс Советского Союза в годы первых пятилеток: проблемы управления, финансирования, лесопользования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 83–91.

- ³ *Макеева Е.Д.* Архивные источники по истории взаимоотношений власти и общества в России в сфере охраны природы. 1917–1991 гг. // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 385.
- ⁴ *Зыкин И.В.* Информационный потенциал муниципальных архивов для изучения истории лесопромышленного комплекса Северного Зауралья в 1930-х гг. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы XIV Всероссийской с международным участием научной конференции. Тобольск: Тобольская государственная социально-педагогическая академия, 2013. С. 127–130.
- ⁵ Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики» (ФКУ РГАЭ). Ф. 9449. Оп. 1. Д. 278, 280, 341, 384, 414, 419.
- ⁶ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области» (далее – ГБУ ГАПО). Ф. Р. 2539 (Пензенское управление лесоохраны и лесонасаждений); Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (ГБУСО ЦГАСО). Ф. Р. 4104 (Средне-Волжское территориальное управление лесоохраны и лесонасаждений).
- ⁷ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 4109. Оп. 1.
- ⁸ Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области» (ОГУ ГАСО). Ф. Р. 2170. Оп. 1. Д. 1–52.
- ⁹ ОГУ ГАСО. Ф. Р. 2170. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 9, 13.
- ¹⁰ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Республики Татарстан» (ГБУ ГАРТ). Ф. Р. 1435. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 55, 89, 92, 104, 116, 118, 164, 227, 228, 274, 305, 338, 341.
- ¹¹ Областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Ульяновской области» (ОГБУ ГАУО). Ф. Р. 1810. Оп. 3. Д. 11. Л. 239–240; Д. 12. Л. 172–173.
- ¹² Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (ФКУ ГАРФ). Ф. А. 215. Оп. 1. Д. 3039. Л. 68 об. – 69, 148; ФКУ РГАЭ. Ф. 9449. Оп. 1. Д. 388. Л. 342; ОГБУ ГАУО. Ф. Р. 1810. Оп. 3. Д. 16. Л. 144.
- ¹³ Государственный архив Тамбовской области. Путеводитель. Тамбов: Гос. учреждение «Гос. архив Тамбовской области», 2006. С. 436–440, 741–742.
- ¹⁴ ФКУ ГАРФ. Ф. А. 215. Оп. 1. Д. 3027, 3055, 3057.
- ¹⁵ ОГБУ ГАУО. Ф. Р. 475; Ф. Р. 1578; Ф. Р. 2422; Ф. Р. 3934.
- ¹⁶ ОГБУ ГАУО. Ф. Р. 2481. Оп. 1. Д. 1. Л. 191 об.
- ¹⁷ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 3386. Оп. 1. Д. 13, 20, 34.
- ¹⁸ Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической

- истории» (ГБУСО СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 28. Д. 258. Л. 4 об.– 5 об., 15.
- ¹⁹ ФКУ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 56. Л. 72.
- ²⁰ Бюджетное учреждение Чувашской Республики «Государственный исторический архив Чувашской Республики» (БУ ГИАЧР). Ф. Р. 222. Оп. 1. Д. 1802, 1813, 1835, 1896, 1897, 1913, 1993, 1994, 2053, 2131, 2133.
- ²¹ ОГУ ГАСО. Ф. Р. 2052. Оп. 20. Д. 892, 1167, 1346, 1593, 2049.
- ²² ГБУ ГАПО. Ф. Р. 430. Оп. 1. Д. 7, 17, 18, 43 а), 72, 73, 109, 161, 216.
- ²³ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 751. Оп. 9. Д. 152. Л. 42 – 67.
- ²⁴ ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 28. Д. 258. Л. 1–93; Оп. 29. Д. 23. Л. 1–104; Ф. 9452. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 – 264; Д. 10. Л. 35 – 254.

**THE HISTORY OF THE FOREST INDUSTRY OF THE VOLGA REGION
OF THE PRE-WAR FIVE-YEAR PLANS IN THE MATERIALS OF ARCHIVAL FUNDS:
THE PROBLEM OF MISSING DOCUMENTS**

© 2022 E.V. Voyeikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Penza Branch)

The forestry industry of the USSR played an important role in the pre-war industrialization. At present, there are no studies that examine and analyze in detail all the main aspects of the development of forestry and the forest industry both in the Volga region as a whole and individual administrative-territorial formations of this region during the years of pre-war industrialization. The main materials on the history of the exploitation of the forests of the Volga region in the 1930s are contained precisely in the archival funds. In this article the main attention is focused on the disappearance from the archival funds of the documentation of the largest logging organizations, i.e., forest trusts, which is valuable for researchers of the industrial development of the region. Only the safety of documents of the territorial departments of forest protection and forest plantations of the Penza, Kuibyshev and Saratov regions, created in 1936, can be considered satisfactory.

Keywords: forest trusts, forestry enterprises, archival funds, disappearance of documents.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-32-38

УДК 94(47)084.8

**«БОЛЬШИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ»: ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА А.М. СОЙФЕРА
О ПРОБЛЕМАХ СОЗДАНИЯ КУЙБЫШЕВСКОГО АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА В 1942 г.**

© 2022 С.Д. Чеботарев, М.М. Леонов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 08.01.2022

В статье исследуется пассивное сопротивление как реакция представителей бюрократической среды на требования центральной власти об открытии Куйбышевского авиационного института. Предпринята попытка интерпретировать мотивы и логику поведения чиновников, очертить сценарий выхода из конфликтной ситуации. Изучен механизм взаимодействия руководства авиационного института с органами власти Куйбышевской области. В приложении к статье впервые опубликован текст докладной записки первого руководителя института А.М. Сойфера секретарю Куйбышевского обкома ВКП(б) по авиационной промышленности Н.И. Мосалову «О развертывании работы Куйбышевского авиационного института».

Ключевые слова: Куйбышевский авиационный институт, бюрократия, волокита, пассивное сопротивление, наука, образование, война.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-39-45

Куйбышевский авиационный институт был организован стремительно. Он стал полноценной образовательной организацией через шесть месяцев после принятия решения СНК СССР о его создании: 8 июня 1942 года было подписано постановление №891, 1 июля приступил к исполнению обязанностей первый руководитель института Александр Миронович Сойфер, 1 октября, с производственной практики, начался учебный год, 26 октября были проведены первые аудиторные занятия, 28 декабря был утвержден состав Учебного Совета¹. Такие темпы стали возможны благодаря слаженной работе коллектива, а также деятельной поддержке Куйбышевского обкома ВКП(б).

С первых дней руководители института включились в бескомпромиссную борьбу за человеческие и материальные ресур-

*Чеботарев Сергей Давидович, аспирант кафедры
Отечественной истории и историографии.*

E-mail: 04031962@mail.ru

*Леонов Михаил Михайлович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой
Отечественной истории и историографии.*

E-mail: leonov@ssau.ru

сы с другими организациями города. При помощи обкома ВКП(б) им удалось de facto получить здание на ул. Кооперативной, 151. В 1943 году институту были переданы часть общежития на ул. Галактионовской, 118, и большая часть здания лабораторного корпуса на ул. Ульяновской, 18.

Поддержка властей не носила безусловный характер. А.М. Сойферу приходилось аргументировать свою позицию в ходе личных встреч с секретарями обкома, а также посредством докладных записок, в которых акцентировались потребности нового учебного заведения. Надо отметить, что руководители области прислушивались к этим просьбам и по возможности удовлетворяли их, поскольку авиационный институт в годы военных испытаний имел большое стратегическое значение. При этом коммуникация не была односторонней: по первому требованию властей институт направлял своих студентов и сотрудников на лесозаготовки, сельскохозяйственные работы, разгрузку вагонов, расчистку железнодорожных или трамвайных путей, прокладку газопровода и т.д. Повседневная практика

взаимодействия с органами власти предполагала обмен ресурсами.

Нельзя сказать, что создание института шло гладко. Помимо трудностей военного времени коллективу пришлось столкнуться с противодействием руководителей разного уровня. В своих воспоминаниях А.М. Соيفер указывал на многочисленные попытки «доброжелателей» закрыть институт.² Данная статья посвящена одному из таких эпизодов. В ней будет предпринята попытка интерпретации примечательного документа той эпохи - докладной записки А.М. Соифера на имя секретаря обкома ВКП(б) по авиационной промышленности Н.И. Мосалова, датированной 18 августа 1942 года.

Сюжет записки охватывал ряд злободневных проблем формирования материально-технической базы института, в решение которых были вовлечены три главных действующих лица: А.М. Соифер, Н.И. Мосалов и Д.Е. Кофман, возглавлявший 15-е Главное управление Народного комиссариата авиационной промышленности.³

При поверхностном знакомстве с текстом записки ситуация представляется простой и понятной: близилось начало учебного года, но помещения института еще не были готовы и оснащены; дело упиралось в пассивность отдельных руководителей, прежде всего Давида Ефимовича Кофмана. А.М. Соифер критиковал Д.Е. Кофмана за бездействие и побуждал партийное руководство принять меры в отношении нерадивого чиновника.

Однако при ближайшем рассмотрении дело оказывается не таким однозначным. Прежде всего вопросы вызывает линия поведения Д.Е. Кофмана. Известно, что Народный комиссар авиационной промышленности А.И. Шахурин характеризовал Кофмана как «крепкого хозяйственника и руководителя»⁴. Еще до начала войны Д.Е. Кофман сотрудничал со знаменитым конструктором С.В. Ильюшиным, а с 1948 года и до конца 70-х возглавлял завод при ОКБ Ильюшина, где были собраны первые экземпляры многих самолетов марки Ил, вплоть до Ил-86. За

свои заслуги Кофман был награжден двумя орденами Ленина, орденом Отечественной войны 1 степени и тремя орденами Трудового Красного Знамени.⁵ Почему же этот человек, которого без обвиняков можно назвать исполнительным и «системным» руководителем, вопреки решению СНК СССР тормозил процесс создания авиационного института?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться в мотивах и логике поведения участников тех событий. Начнем с автора записки, А.М. Соифера. К рассматриваемому моменту он обладал солидным жизненным опытом: начал свою трудовую деятельность в 14 лет и проделал путь от рабочего-штамповщика авиабазы до заместителя начальника конструкторского отдела Запорожского моторостроительного завода № 29. В 1928 году А.М. Соифер окончил авиационное отделение Харьковского технологического института, а в 1932 году был переведен в Харьковский авиационный институт на должность начальника конструкторского бюро при кафедре авиационных двигателей. До начала войны А.М. Соифер занимался научной и преподавательской деятельностью, возглавлял кафедру, защитил диссертацию, получил ученое звание доцента. По воспоминаниям учеников, «А.М. Соифер гармонически сочетал в себе качества ученого, педагога, общественного деятеля».⁶ В 1941 году, после эвакуации института в Казань, он занял должности заведующего кафедрой и декана факультета авиадвигателей.⁷ Получив назначение в Куйбышев, А.М. Соифер сосредоточился на решении трех непростых задач: во-первых, формировании преподавательского коллектива, во-вторых, организации набора студентов (притом сразу на четыре курса, общей численностью 1000 человек), в-третьих, создании материально-технической базы института.

Здание на улице Кооперативной, выделенное институту, находилось в удручающем состоянии. В нем не было воды, не работала канализация, окна были заколочены

фанерой.⁸ Но главное, оно не пустовало: в нем размещалось заводское общежитие, где в тесноте ютились около двух тысяч человек. «Захожу – ничего не могу понять: одни крохотные каморки с фанерными стенками, шум примусов, визг детей», – вспоминал А.М. Сойфер.⁹ Он энергично принялся за дело. Ведь освободить и оснастить аудитории, лаборатории, столовую, общежития для преподавателей и студентов – значило не только запустить учебный процесс, но и воодушевить коллектив, продемонстрировав тем людям, кто решил связать судьбу с молодым институтом, что ситуация стремительно меняется к лучшему.

Большие задачи распадалась на множество малых. Например, институт не имел своего транспорта и не получил лимитов на горючее, поэтому простая перевозка груза из одного конца города в другой превращалась в серьезную проблему. Обращения в профильные организации зачастую не давали результата, поэтому А.М. Сойферу приходилось задействовать свой главный ресурс – поддержку секретаря обкома ВКП(б) Н.И. Мосалова. Собственно, докладная записка от 18 августа 1942 года была как раз попыткой через посредничество власти добиться нужных результатов.

Записка А.М. Сойфера обрисовывала ситуацию в целом. В ней отмечались как успехи молодого института (формирование преподавательского коллектива, начавшийся набор студентов), так и многочисленные трудности. Среди них А.М. Сойфер особо выделил четыре: плохая подготовка здания к учебному году, нехватка мебели и инвентаря, проблемы с транспортом, а также затруднения с расселением иногородних преподавателей и студентов.

Одним из немногих людей, упомянутых в записке, был Д.Е. Кофман. Его имя встречается трижды и всякий раз в негативном контексте. В первом случае речь шла о том, что вопреки указаниям Кофмана выселение жильцов из здания института не производилось. Во втором – о том, что Кофман не выполнил свое обещание предоставить

рабочих для ремонта. Наконец, в третьем – о том, что Кофман откладывал решение жилищного вопроса преподавателей до конца года. Столь частые упоминания должностного лица в коротком тексте, по всей видимости, были неслучайны. Примечательно, что в той же докладной записке, касаясь действий руководства завода №1, А.М. Сойфер обезличивал критику: «Большинство учебного инвентаря (столы, скамейки, стулья, доски, шкафы) вывезено заводом из здания и неизвестно где находится. Разбазаривание продолжается в настоящее время и грозит принять большие размеры в связи с выселением». В этой фразе А.М. Сойфер исключил из текста фамилию директора авиационного завода №1 А.Т. Третьякова, ограничившись расплывчатой формулировкой «вывезено заводом»; точно так же он поступил и в другой раз, когда речь зашла об этом заводе.¹⁰ Можно предположить, что это было сделано сознательно, чтобы не распылять критику и привлечь внимание читателя докладной записки именно к проблемам Д.Е. Кофмана.

Судя по всему А.М. Сойфер прекрасно понимал, что его нарекания в адрес Д.Е. Кофмана не останутся тайной. В некотором смысле Кофман был одним из адресатов этой записки: если он и был лишен возможности прочесть ее лично, то, несомненно, ознакомился с ее содержанием опосредованно, когда руководство обкома ВКП(б) включилось в урегулирование проблемы. Так почему же, обладая колоссальным административным опытом и, вероятно, предугадывая развитие событий, Д.Е. Кофман все-таки довел ситуацию до грозного окрика из обкома, а не попытался снять напряжение заблаговременно?

Думается, поведение Д.Е. Кофмана определялось тем, что он находился в ситуации жесткого дефицита ресурсов. В Куйбышев был эвакуирован ряд крупных предприятий. Население города стремительно росло, жилого фонда не доставало. В среднем на человека приходилось около двух квадратных метров жилья: по имеющимся данным,

в марте 1942 года руководство области прогнозировало, что контингент работающих на куйбышевских заводах НКАП составит 155 тысяч человек, из которых 115 тысяч работающих (без учета членов семей) будут нуждаться в жилье.¹¹

В этих условиях выселение двух тысяч рабочих из здания, предоставленного институту, было по-настоящему тяжелой миссией: требовалось найти для них новый кров и пережить все те дразги, какие обычно сопровождают вынужденное перемещение людей. Неудивительно, что перед лицом таких хлопот и репутационных издержек руководители пасовали, а дело стопорилось. Д.Е. Кофман предпочел не принимать судьбоносных решений в одиночку. Он выбрал практику уклонения, с одной стороны, подавая команды об отселении людей (о таких распоряжениях упомянул в докладной записке и А.М. Соيفер), а с другой, не требуя их своевременного выполнения.

Это не сбой, это осознанная бюрократическая игра. Текст докладной записки позволяет заключить, что А.М. Соيفер хорошо понимал ее правила. Он не оставил Д.Е. Кофману пространства для маневра, вскрывая суть его тактики: «несмотря на неоднократные заявления тов. Кофмана... фактически выселение жильцов не происходит». Для решения вопроса требовалась политическая воля, прямое вмешательство руководства области.

И секретарь обкома сыграл свою роль. Сам инженер-механик по специальности, прежде работавший парторгом на авиационном заводе, он ясно видел мотивацию сторон.¹² Н.И. Мосалов осознавал, как трудно будет выселять людей и, по выражению А.М. Соифера, сидел в кабинете «мрачный, как туча».¹³ Но государственные интересы взяли верх. Н.И. Мосалов принял решение в пользу института, фактически взвалив на себя груз ответственности и репутационных рисков. Его дальнейшие действия зафиксированы в воспоминаниях А.М. Соифера: «Вызывает по телефону директора завода и решительно требует освобождения

здания института. Директор ссылается, что тов. Кофман решил отложить организацию института на неопределенный срок. После этого Мосалов звонит Кофману и втолковывает ему, что не он, Кофман, принял решение открыть институт, не ему и откладывать или отменять его открытие и предлагает немедленно начать отселение. После этого разговора довольно быстро освободили несколько комнат, в основном на первом этаже, там, где теперь библиотека»¹⁴.

Нажим со стороны обкома существенно упростил положение Д.Е. Кофмана. Теперь он мог сослаться на команду сверху как обстоятельство непреодолимой силы. По существу такой расклад давал ему возможность позиционировать себя как человека, пытавшегося сохранить status quo, но вынужденного подчиниться требованиям областного руководства.

По сути дела стороны пришли к модели отношений, в которой А.М. Соифер играл роль истца, апеллировавшего к приказам вышестоящих органов, Н.И. Мосалов – роль арбитра, изучавшего позиции сторон и выносившего вердикт, а Д.Е. Кофман – роль ответчика, понуждаемого к исполнению решений. Показательно, что требование об освобождении корпуса не было выполнено полностью: как следует из приведенной выше цитаты, жильцы съехали лишь из нескольких комнат, по преимуществу на первом этаже. Впереди было еще несколько раундов переговоров, мало-помалу приближавших авиационный институт к заветной цели. Д.Е. Кофман действовал осторожно, получая указания властей на каждый шаг. Как представляется, он выбрал меньшее из зол: его упрекали в волоките, но вместе с тем он разбивал на части болезненный процесс выселения рабочих. Тем самым он, с одной стороны, снижал риски массового недовольства жильцов, а с другой – получал личную страховку на случай, если ситуация с выселением выйдет из-под контроля.

Таким образом, центральной проблемой в исследуемом сюжете является проблема распределения ответственности, в том чис-

ле моральной. Под этим углом зрения обычная бюрократическая документация предстает в новом свете: через нее виднеется глубина человеческих отношений, исторические акторы обретают второй план. Имущественный спор обнажает правила игры, которых придерживались стороны. Разделение ролей, с которым мы столкнулись в данном эпизоде, позволяло всем участникам процесса в значительной степени амортизировать негативные последствия и «сохранить лицо» в глазах подчиненных. Такая комбинация устраивала всех; возможно, именно поэтому противостояние А.М. Сойфера и Д.Е. Кофмана в дальнейшем не вылилось в межличностный конфликт.

Публикуемый ниже документ – докладная записка «О развертывании работы Куйбышевского авиационного института»¹⁵ – был обнаружен в фондах Самарского областного государственного архива социально-политической истории¹⁶. Записка датирована 18 августа 1942 года, текст машинописный, напечатан на одном листе с двух сторон.

Секретарю обкома ВКП(б) по авиации
Тов. Мосалову

От И.О. директора Куйбышевского Авиационного Института - доц. Сойфер А.М.

Докладная записка
«О развертывании работы Куйбышевского
Авиационного Ин-та»

Куйбышевский Авиационный Институт в настоящее время находится в весьма напряженной стадии развертывания.

Комплектование Института профессорско-преподавательским составом проходит довольно успешно, на замещение должностей по большинству кафедр имеется по одному и больше заявлений, так что можно будет провести конкурс.¹⁷

Удовлетворительно протекает набор студентов Института. На 18 августа подано заявлений: оформленных документами, свыше 300, в процессе оформления 300-350 человек.¹⁸

Неблагополучное положение с подготовкой здания к учебному году.

Несмотря на неоднократные заявления тов. КОФМАНА и его распоряжения заводу № 1 об освобождении здания, предоставленного для Института, фактически выселение жильцов не происходит. Сроки, указанные в приказе Наркома¹⁹, будут сорваны в первую очередь из-за вышеуказанных обстоятельств.

Большинство учебного инвентаря /сто-лы, скамейки, стулья, доски, шкафы/ вывезено заводом²⁰ из здания и неизвестно где находится. Разбазаривание продолжается в настоящее время и грозит принять большие размеры в связи с выселением. Трудности с приобретением и заказом мебели, в особенности специальной, затормозят подготовку к учебному году.

Ремонт здания задерживается как по тому обстоятельству, что здание не освобождается жильцами, так и из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы, мы привлекаем поступающих в Институт студентов, как подсобных рабочих.²¹

Попытка передать заказ какой-либо строительной организации на ремонт Института была пока безуспешна. Здание находится в чрезвычайно запущенном состоянии: санитарные узлы находятся в антисанитарном виде, крыши текут, в помещении паразиты, электропроводка оборвана и т.д.

Тов. КОФМАН, обещавший ранее Начальнику ГУУЗа тов. АНАНЬЕВУ выделить некоторое количество рабочей силы для ремонта, в дальнейшем от этого отказался.²²

Исключительно тяжелое положение создается с транспортом, вернее без транспорта.

Институт не имеет ни автомашин, ни лошадей, не имеет также фондовна горючее. Приходится пользоваться случайным автотранспортом и добывать горючее от случая к случаю для работы на машинах 15 Главного Управления.

Институту предстоят большие затруднения с расселением иногородних студентов и приезжающих профессоров и преподавателей /известное число преподавателей неизбежно придется приглашать из др. городов/

ввиду полного отсутствия жилой площади в Институте.

В этом году Начальник 15 Главного Управления НКАП тов. КОФМАН обещает предоставить площадь для общежития студентов и для жилья профессорско-преподавательского состава лишь в ноябре-декабре тек/года.

Убедительно прошу Вашей помощи в решении вышеприведенных основных задач, стоящих перед Институтом, ибо они не могут быть решены силами только самого Института и каждая из них может оказаться причиной, срывающей нормальный пуск АвиаИнститута в сроки, указанные Наркоматом.²³

18 / VIII - 42 г.

г. Куйбышев. И.О. Директора
АвиаИнститута – /доц. Сойфер/²⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 8 июня 1942 года № 891 «Об открытии авиационного института в городе Куйбышеве» // Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 33. Д. 21. Л. 10; Белоусов А.И. Слово об Александре Мироновиче Сойфере // От КуАИ до СГАУ : сборник очерков / Сост. В.Л. Балакин, А.Л. Новикова. Самара, 2002. С. 202; Приказ Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР от 17 июля 1942 года № 143/М «Об открытии авиационного института в городе Куйбышеве» // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3951. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.

² Александр Миронович Сойфер: сб. очерков / сост. Е.А. Панин, С.В. Фалалеев. Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2006. С. 10.

³ Отметим, что должности секретаря обкома ВКП(б) по авиационной промышленности, начальника 15-го Главного управления Народного комиссариата авиационной промышленности, директора авиационного института, а также директора авиационного завода № 1 относились к номенклатуре ЦК ВКП(б). Список должностей, входящих в номенклатуру ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области на 1 октября 1943 г. См. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 101. Д. 16. Л. 2-3об.

⁴ Шахурин А.И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1990. С. 160.

⁵ Первым орденом Ленина Д.Е. Кофман был награжден 21 июня 1943 года вместе с работни-

ками авиационного завода № 18 за успешное выполнение заданий Правительства по выпуску боевых самолетов, орденом Отечественной войны 1 степени - 2 июля 1945 года вместе с работниками авиационного завода № 1 за образцовое выполнение заданий Правительства по производству боевых самолетов.

⁶ Александр Миронович Сойфер: сб. очерков. С. 18.

⁷ Там же. С. 13-14.

⁸ Плотникова Н.К. За здоровое поколение // Полет. 1962. № 35.

⁹ Александр Миронович Сойфер: сб. очерков. С. 5.

¹⁰ Анатолий Тихонович Третьяков возглавлял авиационный завод № 1 с февраля 1941 года. Он прошел путь от чертежника до директора. 8 сентября 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся достижения в области организации и осуществления серийного производства новых типов боевых самолетов ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

¹¹ Докладная записка по жилищному и коммунально-бытовому строительству для обеспечения Куйбышевских заводов НКАП на 1942 год первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) В.Д. Никитина секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, Наркому НКВД СССР Л.П. Берии, Наркому НКАП СССР А.И. Шахурину. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 20. Д. 6. Л. 61-65.

¹² Личный листок по учету кадров Мосалова Николая Ивановича. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 44. Д. 2022. Л. 4; Козлов П.Я. «Илы» летят на фронт. М.: ДОСААФ, 1976. С. 12.

¹³ Сойфер А.М. Вопреки трудностям // Полет. 1962. № 35-37.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В левом верхнем углу красным карандашом - резолюция Н.И. Мосалова «Внести на бюро» и его подпись.

¹⁶ Докладная записка «О развертывании работы Куйбышевского Авиационного Ин-та» от 18 августа 1942 г. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 320. Л. 24 об.

¹⁷ К 1 октября 1942 года профессорско-преподавательский состав Куйбышевского авиационного института насчитывал 36 человек, в том числе: 3 – доктора наук, профессора (все совместители), 10 кандидатов наук, доцентов, 5 старших преподавателей, 12 преподавателей, 6 ассистентов. В структуре института было создано 14 кафедр. С октября по декабрь 1942 года на работу было принято еще 32 преподавателя, а 8 человек из первого состава уволились.

¹⁸ Приказом Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР от 17 июля 1942 года

№ 143/М «Об открытии авиационного института в городе Куйбышеве» был установлен контингент набора по 150 человек на первый курс по двум специальностям: технология самолетостроения и технология авиационного моторостроения. Общий контингент обучающихся должен был составить 1000 человек. В докладной записке от 19 декабря 1942 года директор института Ф.И. Стебихов сообщал первому секретарю обкома ВКП(б) В.Д. Никитину о трудностях комплектования: на 1 октября было зачислено 914 студентов, «но из-за отсутствия необходимого общежития и неопуска части студентов с местных заводов, контингент подвергся изменению. После того, как часть площади занимаемого институтом здания была отдана под общежитие и после длительных переговоров с дирекциями заводов об отпуске зачисленных в институт» контингент обучающихся составил 793 студента. Среди студентов было много фронтовиков, в том числе получивших ранения и контузии и награжденных боевыми наградами. СОГАСПИ Ф.656. Оп.33. Д. 320. Л. 4-14.

¹⁹ Скорее всего, речь идет об уже упоминавшихся постановлении СНК СССР от 8 июня 1942 года № 891 «Об открытии авиационного института в городе Куйбышеве» и приказе Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР от 17 июля 1942 года № 143/М «Об

открытии авиационного института в городе Куйбышеве», в которых были пункты: «Установить начало работы Куйбышевского авиационного института 1 октября 1942 года». СОГАСПИ Ф.656. Оп.33. Д.21. Л.10; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) Ф.3951.Оп.1. Д. 1. Л.2.

²⁰ Упомянут Авиационный завод № 1 им. И.В. Сталина Народного комиссариата авиационной промышленности СССР. Предприятие было эвакуировано из Москвы. На этом заводе производился штурмовик Ил-2, здесь же начальником цеха работал будущий директор КуАИ Ф.И. Стебихов.

²¹ Слова «как подсобных рабочих» дописаны ручкой.

²² Главное управление учебных заведений Народного комиссариата авиационной промышленности СССР (ГУУЗ) в тот момент возглавлял Ф.Т. Ананьев. Авиационный институт находился в двойном подчинении – у Народного комиссариата авиационной промышленности СССР и Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР.

²³ Слова «они» и «только» дописаны ручкой.

²⁴ 16 сентября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за особые заслуги в области подготовки инженеров и техников для авиационной промышленности А.М. Соيفер был награжден орденом Красной Звезды.

«GREAT DIFFICULTIES»: A.M. SOIFER'S REPORT ON THE PROBLEMS OF ESTABLISHING THE KUIBYSHEV AVIATION INSTITUTE IN 1942

© 2022 S.D. Chebotarev, M.M. Leonov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The paper is devoted to passive resistance as a reaction of bureaucracy to the decision of the central government to establish the Kuibyshev Aviation Institute. The authors try to interpret the motives and logic of the behavior of officials, and also draft scenarios for resolving the conflict. Special attention is paid to the mechanism of interaction between the management of the Aviation Institute and the authorities of the Kuibyshev region. In the appendix to the article the authors publish the text of the memorandum of the first director of the institute A.M. Soifer to the secretary for the aviation industry of the Kuibyshev Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks N.I. Mosalov "On the deployment of the work of the Kuibyshev Aviation Institute".

Keywords: Kuibyshev Aviation Institute, bureaucracy, official red tape, passive resistance, science, education, war.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-39-45

Sergey Chebotarev, Post Graduate Student, Department of Russian History and Historiography. E-mail: 04031962@mail.ru
Mikhail Leonov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History and Historiography. E-mail: leonov@ssau.ru

УДК 94(416)

**ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ: СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ИДЕОЛОГИИ УЧАСТНИКОВ ОЛЬСТЕРСКОГО КОНФЛИКТА (1969-1998 гг.)**

© 2022 Д.А. Афанасьева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 04.11.2021

Автор рассматривает особенности интерпретации событий Первой мировой войны радикальными юнионистскими и республиканскими группами в период Ольстерского конфликта 1969-1998 годов. Основными источниками являются городские мемориальные объекты Северной Ирландии. В ходе исследования были обозначены истоки мотивов героизации образов участников Первой мировой войны, в частности, битвы на Сомме, и Пасхального восстания. Описан механизм взаимовлияния исторической памяти, нарративов, связанных с коллективной травмой или коллективным триумфом и мифологии, конструируемой радикальными группами для трансляции собственной идеологии. Автор заключил, что события и явления прошлого, имеющие особое символическое значение для идентичности католиков и протестантов Северной Ирландии, интерпретируются в рамках радикальной идеологии, выступая инструментами легитимации насилия, мобилизации населения и сохранения этноконфессиональной поляризации.

Ключевые слова: Ольстерский конфликт, Северная Ирландия, ольстерский юнионизм, ирландский республиканизм, историческая память.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-46-55

Принято считать, что Североирландский конфликт начался в 1969 году, когда произошли столкновения между католиками и протестантами в Дерри, однако в действительности кризисные социальные явления стали проявляться намного раньше указанного времени. Несмотря на то, что отчуждение католического населения региона юнионистскими силами от владения средствами производства, материальными благами и возможности реализации политических прав наблюдалось на протяжении многих веков, особенно критичной указанная ситуация стала после отделения свободного Ирландского государства от Великобритании в 1922 году.

Шесть графств провинции Ольстер остались в составе Соединенного Королевства и сформировали административно-полити-

ческую единицу «Северная Ирландия». Католическое население составило всего одну третью часть региона и столкнулось с подавляющим характером политики как местной, так и центральной администрации¹. У власти в Северной Ирландии оказались юнионистски настроенные протестантские круги, их деятельность практически никак не ограничивалась вышестоящими органами, и это привело к всесторонней дискриминации католиков под лозунгом сдерживания республиканских настроений и сохранения региона в составе Великобритании. К примеру, протестантской администрацией создавалось такое деление на избирательные округа, чтобы большинство голосов всегда оставалось за протестантами. В итоге представителям католического сегмента было крайне сложно получить какие-либо должности. К примеру, по данным на 1969 год, они занимали лишь 11% управляющих постов². Показательным фактом является со-

Афанасьева Дарья, магистрант, кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения. E-mail: afanasyevm98@gmail.com

держание закона о выборах: до 1969 года существовал имущественный ценз, согласно которому до голосования допускались лишь лица, владеющие определенным, достаточно крупным, объемом имущества, а также успешные предприниматели. Учитывая высокий процент протестантов среди перечисленных групп, католическое меньшинство практически не имело шансов на продвижение своих кандидатур в парламент.

Произошла резкая поляризация общества и на бытовом уровне. Протестантские кварталы стали «закрыты» для католиков, а католические - для протестантов³, причем, несмотря на условные наименования, происходило деление не столько по религиозным разногласиям, сколько по объективным социально-экономическим и политическим причинам.

Недовольство католического населения сложившейся ситуацией вылилось в создание Ассоциации борьбы за гражданские права. Движение, сплотившее вокруг себя республиканские силы региона, выдвигало требования, не связанные с самостоятельностью Северной Ирландии, а также не предъявляло политических требований, кроме тезиса о необходимости предоставления равных политических прав всему населению шести графств⁴, однако само существование активной протестантской политической силы вызвало недовольство у радикально настроенных юнионистов. Протестантские группировки проводили контрдемонстрации и открыто протестовали против деятельности Ассоциации, организуя погромы в католических кварталах городов северо-восточного Ольстера⁵. Это вылилось в масштабное столкновение между республиканскими и юнионистскими силами в Дерри в 1969 году.

Для нормализации обстановки в регион были введены войска, которые, несмотря на первоначально довольно лояльное отношение к их присутствию католиков, вскоре потеряли доверие религиозных меньшинств⁶. Ввод войск и усиление мер чрезвычайного положения привело к воз-

никновению в рядах республиканцев сторонников более решительных мер. От Ирландской Республиканской армии (ИРА) откололось радикальное крыло, получившее название Временной Ирландской Республиканской армии. Участники этого сегмента ИРА выступали за жесткие меры по противостоянию английскому присутствию в Северной Ирландии. В противовес ИРА была создана организация Ольстерских Добровольцев, Ассоциация Оборона Ольстера и ряд иных военизированных юнионистских формирований.

Присутствие в регионе противодействующих милитаристических вооруженных группировок, а также регулярной армии усугубило положение в Северной Ирландии и во многом стало причиной затяжного характера «смуты». Армейские подразделения противостояли одновременно ИРА и сопутствующим республиканским группировкам, а также, хоть и реже, юнионистским вооруженным формированиям, препятствующим проведению отдельных операций и производящим террористические акты. В этот же момент происходила конфронтация между республиканскими и юнионистскими группировками. Вооруженная борьба шла не только между различными силами, но и внутри них – нередкими были столкновения между различными ответвлениями ИРА, бои между группировками юнионистов.

Все это не могло не отражаться на качестве жизни населения Северной Ирландии. Во-первых, боевые действия шли непосредственно на улицах городов, что сопровождалось повреждением окружающих зданий, появлением жертв среди мирного населения. Во-вторых, общая враждебность среды, а также угроза насилия со стороны вооруженных формирований приводили к ситуации усиления поляризации населения. Одно сообщество старалось максимально дистанцироваться от другого с целью минимизации опасности пересечения с представителями радикальных сил. Скрытность действий представителей нелегальных вооруженных группировок, а также отсутствие

у них постоянной формы обмундирования усиливали атмосферу подозрительности. Повседневность членов этноконфессиональных общин оказалась тесно связана с деятельностью радикальных вооруженных и политических групп. Широкая поддержка населением юнионистских и республиканских сил радикального толка во многом была обусловлена не столько крайне негативным отношением к другой конфессиональной группе, сколько страхом перед насилием с ее стороны. Постепенно в сознании широких слоев населения социальная мифология, выполняя защитную функцию ограничения «своего» от «чужого», стала основой организации быта и неотъемлемой частью мышления в целом. Она была структурирована и стала частью идеологических программ конкретных партий, протопартийных структур и военизированных организаций: ИРА, Шинн Фейн, Ассоциации Ольстерских Добровольцев, Демократической юнионистской партии и других.

Значительную роль в сконструированной идеологии играло обращение к историческим событиям. Особым образом интерпретируемые факты прошлого служили подтверждением тех или иных представлений о враждебности и отрицательных качествах, присущих «врагам» - представителям соседней этно-конфессиональной общины. Кроме того, они обосновывали необходимость осуществления деятельности «дружественных» конкретной общине радикальных групп, героизировали те персоналии и организации, которые были назначены их идеологическими предшественниками. Показательным примером оказалось обращение юнионистов и республиканцев к событиям и явлениям, относящимся к периоду Первой мировой войны. Они стали неотъемлемой частью исторической памяти населения Северной Ирландии и, осмысленные в идеологическом ключе, превратились в основу для пропагандистских сюжетов, транслируемых с помощью различных медиумов.

Данное явление было частично рассмотрено в западной историографии. Часть

этих исследований посвящена связи исторической памяти населения о событиях Первой мировой войны и практик радикальных групп, являющихся основными акторами в период Ольстерского конфликта. Это, к примеру, совместная статья Б. Грэма и П. Ширлоу «The Battle of the Somme in Ulster memory and identity», в которой рассматривается роль битвы на Сомме как объекта исторической памяти в идеологии ольстерского юнионизма и идентичности североирландских протестантов⁷. Авторы заключают, что битва на Сомме в связи с участием в ней 36-й Ольстерской дивизии символизировала для юнионистов главенство локального над национальным и глобальным. Участие именной ольстерской части в одной из наиболее кровопролитных битв Великой войны было воспринято сторонниками лоялизма как добровольная жертва, принесенная протестантами Ирландии во имя защиты Британии. По мнению Б. Грэма и П. Ширлоу, битва на Сомме стала примером самостоятельности ольстерских юнионистов, их значимости для страны. В то же время память о ней использовалась идеологией радикальных лоялистских организаций как инструмент нормализации насилия путем уравнивания сути Ольстерского конфликта и Первой мировой войны как ситуаций, требующих всеобщей мобилизации для защиты родины от врагов, во имя личного и общего блага. К проблеме сопряженности исторической памяти о Великой войне и риторики радикальных групп обращается и израильский историк Г. Бейнер в статье «Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland»⁸. Анализируя характер республиканских и юнионистских идеологических нарративов, связанных с битвой на Сомме и Пасхальным восстанием, автор приходит к выводу, что особая «популярность» этих событий была вызвана тем, что они одновременно связывались и с триумфом, и с трагедией. Смешение обоих компонентов в исторической памяти, актуализируемой в рамках пропагандистской

деятельности, позволяло, с одной стороны, мобилизовать население, а с другой - обосновать правомерность насилия по отношению к идеологическим врагам.

Существует также ряд работ, в которых авторы рассматривают конкретные случаи и способы использования радикальными группами Северной Ирландии сюжетов, образов, связанных с Первой мировой войной. Например, Дж. Белл в монографии «For God, Ulster or Ireland? Religion, identity and Security in Northern Ireland»⁹, называя религиозный фактор основной причиной начала и затягивания конфликта, заключает, что почитание «павших героев» - участников Первой мировой войны и Пасхального восстания - в условиях господства сектантских настроений становилось нормативной частью религиозных культов. То есть поминовение героев прошлого превращалось в обязанность для «порядочных» протестантов и католиков, выходя за границы светских практик. Иной подход предлагает А. Джадж в монографии «Neither Here Nor There: Northern Ireland, Myth, and the People In Between»¹⁰. Рассматривая аспекты идентичности двух противоборствующих общин и идеологии радикальных групп, автор приходит к выводу, что имеет дело с цельными мифологическими системами, в которых и события настоящего, и образы прошлого становятся частью единого нарратива. Интерпретацию событий Первой мировой войны юнионистами и республиканцами автор называет «мифом о принесенной жертве», обосновывающим как виктимизацию, так и триумфализм.

Исследователи не обходят вниманием и вопрос отражения событий Первой мировой войны в городских памятниках, созданных в период Ольстерского конфликта. Работы, выполненные в этом ключе, к примеру, исследования Б. Роллстона¹¹, М. Форкера и Дж. Маккормика¹², носят в основном дескриптивный характер и не содержат глобальных выводов, однако фиксируют содержание ряда ныне утраченных мемориальных объектов и предлагают способы

группировки рассматриваемых материальных источников.

Использование городских мемориальных объектов, пропагандирующих образы, связанные с Великой войной, в качестве источников характерно и для данной работы. Эти памятники активно использовались юнионистскими и республиканскими силами для трансляции собственной идеологии, а потому анализ их сюжетов позволяет сделать вывод о том, какое место отводилось памяти о Первой мировой войне в конструируемой радикальными группами картине мира. Следует также отметить, что в условиях городской среды мемориальные объекты являлись постоянной составляющей жизни человека. Они созерцались практически непрерывно и не могли не оказывать влияния на самоопределение членов религиозных общин.

Целью исследования является рассмотрение аспектов и способов использования исторической памяти о Первой мировой войне радикальными группами юнионистов и республиканцев в качестве инструмента для распространения собственной идеологии в рамках Ольстерского конфликта 1969-1998 годов.

Для сторонников юнионизма было характерно уделение особого внимания движению Ольстерских Добровольцев, боевому пути и персоналиям 36-й Ольстерской дивизии, а также событиям и последствиям битвы на Сомме (1 июля - 18 ноября 1916). Эти элементы составляли значительную часть исторического мифа о героизме ольстерских лоялистов.

Организация «Ольстерские Добровольческие Силы» была основана в январе 1913 года. Это стало ответом лоялистских сил на попытки парнеллиста Дж. Редмонда при поддержке либеральной партии Великобритании добиться принятия Парламентом Билля о самоуправлении Ирландии. В 1912 году с подачи лидера юнионистов Эдварда Карсона и биржевого маклера Дж. Крейга была организована кампания в поддержку «Ольстерской Торжественной лиги и Кове-

нанта», документа, который предполагал противодействие проекту Ирландской автономии. «Ковенант» был подписан почти четвертью миллиона человек и в том же году был представлен Парламенту¹³. Для отстаивания его положений, а также активного противостояния движению за самоуправление Ирландии и была создана военизированная организация «Ольстерские Добровольческие Силы». Предполагалась вербовка в ее ряды ста тысяч мужчин-протестантов, готовых вступить в открытое противостояние с противниками лоялизма¹⁴. Выступая под лозунгами защиты протестантского меньшинства, проживающего на территории Ирландии, «Ольстерские Добровольческие Силы» стремились помешать формированию местного парламента путем запугивания и применения насилия по отношению к католическому населению. На пике популярности организация насчитывала более ста тысяч человек в своих рядах¹⁵.

Первоначально организация не была воспринята сторонниками самоуправления Ирландии всерьез. Они назвали кампанию, развернутую ольстерскими юнионистами, «комическим цирком Карсона»¹⁶, однако вскоре осознали опасность, исходящую от «Ольстерских Добровольческих Сил». Открытая подготовка лоялистов к вооруженному конфликту, а также распространяющаяся информация о закупке ими винтовок¹⁷ привели к волнению в рядах ирландских националистов и последующему созданию военизированной организации «Ирландских Добровольцев». Антагонизм был столь высок, что гражданскую войну, по мнению исследователей, смогло предотвратить лишь начало в 1914 году Первой мировой войны¹⁸.

В рамках мифологии радикальных юнионистских групп, активно действовавших в Северной Ирландии в период с 1969 года до подписания соглашения Страстной Пятницы в 1998 году, образ «Ольстерских Добровольческих Сил» был героизирован. Цели противников Билля о самоуправлении были настолько близки лоялистам второй половины XX века, что одна из военизированных

групп, созданная в 1966 году при поддержке Иана Пейсли, была названа в честь данной организации¹⁹. Считая себя наследниками формирования, созданного в 1913 году, члены данной группы считали своей целью борьбу за конституционное сохранение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства²⁰. В понимании юнионистов борьба с республиканцами и возможностью усиления католиков в настоящем, очевидно, была прямым продолжением процессов, происходящих в прошлом. Соответственно, как и прежде, номинально их деятельность была направлена на защиту прав протестантского населения, интересов Британии.

Об этом свидетельствовало содержание ряда юнионистских городских памятников. К примеру, в 1997 году на улице Шанкил-роуд в Белфасте появился мурал, изображавший силуэты солдат 36-й Ольстерской дивизии, короля Вильгельма III, а также вооруженного бойца UVF²¹. Композицию обрамляла надпись: «Ольстерские Добровольческие Силы, 1912-1997. Битва на Сомме 1 июля 1916. Мы не забудем». Это указывает на то, что в рамках юнионистской идеологии две различные организации – существовавшая в прошлом и действующая в настоящем, сливались в одну. Военные подвиги, героизм, проявленный членами «Ольстерских Добровольческих Сил», принявшими участие в сражениях Первой мировой войны в составе 36-й Ольстерской дивизии, фактически становились достоянием UVF и всех лоялистов, действовавших во время Североирландского конфликта. Подобный нарратив прослеживался, к примеру, и в содержании мурала, располагавшегося в округе Баллимакаррет в Восточном Белфасте²². Портреты участников «Ольстерских Добровольческих Сил» (Фредрика Кроуфорда и Джеймса Крейга) и членов UVF (Роберта Сеймура и Джо Лонга) помещены на изображении рядом. Между деятелями прошлого и юнионистами современности расположена стела, увенчанная печатью с символом «Алой Руки Ульстера» и обвитая лентой с надписью «За Веру и Ольстер!».

Можно заключить, что символически конфликт в Северной Ирландии приравнивался юнионистской идеологией к войне, причем однозначно праведной, так как целью выступала исключительно защита Родины. Подобная интерпретация доказывала свою весомость путем совмещения анти-республиканских образов и элементов, характерных для коммеморативных практик, связанных с поминовением участников Первой мировой войны, к примеру, маков и традиционной для англоязычной традиции фразы: «Мы не забудем». Показательно также, что «Ольстерские Добровольческие Силы» были представлены как некая единая юнионистская сила, существовавшая на фронте несмотря на то, что в действительности члены организации поступали в распоряжение единой британской армии как частные лица и зачастую определялись в различные части, вне зависимости от принадлежности к лоялистским силам и убеждений. Кроме того, многие «Ольстерские Добровольцы» вовсе не участвовали в сражениях, оставаясь в тылу как сила, необходимая для сдерживания ирландских националистов. Эти факты намеренно упускались пропагандой, позволяя создавать героический образ лоялистских сил, являющихся прямыми «предками» юнионистов, действовавших в Северной Ирландии в 1960-1990-е годы.

По подсчетам исследователей, почти 31 000 человек из числа участников «Ольстерских Добровольческих Сил» отправились на фронт в составе британских вооруженных сил²³. Вопреки распространенным представлениям далеко не все члены организации оказались в составе 36-й Ольстерской дивизии, официально сформированной 28 октября 1914 года. Во многом это было вызвано тем, что, несмотря на регулярные военные сборы и кампании по подготовке членов организации к возможным столкновениям с католиками, фактическая их готовность к участию в боевых действиях оказалась весьма низкой²⁴. Тем не менее факт создания особой Ольстерской дивизии являл собой символ победы юнионистов,

признания правительством особого статуса региона, его отличия от прочих провинций Ирландии. Подобная идеологическая нагрузка делала боевой путь 36-й Ольстерской дивизии особо значимым для историко-мифологического нарратива, создаваемого радикальными юнионистами Северной Ирландии. Участие этого подразделения в битве на Сомме, одном из наиболее крупных и кровопролитных сражений Первой мировой войны, а также иных битвах стало в результате основой для героизации опыта военнослужащих 36-1 Ольстерской дивизии. Служба уроженцев Ольстера, в особенности протестантов и сторонников юнионизма, на фронтах Великой войны фактически определялась как проявление преданности Короне, коллективная кровавая жертва²⁵.

Это подтверждается содержанием большого числа памятников, принадлежащих к юнионистской традиции. К примеру, мурал, некогда находившийся на Блейт-стрит в Белфасте и зафиксированный фотографиями, изображал силуэты трех солдат, символизирующих, согласно надписи, бойцов 36-й Ольстерской дивизии.²⁶ Основное изображение было окружено различными традиционными юнионистскими силами – перекрещенными «Ольстерским знаменем» и «Юнион Джеком», «Алой Рукой Ульстера», а также помещенным на геральдическую ленту названием организации «Ольстерских Добровольческих Сил». Помещенный слева от композиции стилизованный текст сообщал следующее: «Они восстали в темные времена, чтобы защищать нашу родную землю. За Веру и Ольстер». Справа располагалась цитата из Библии: «И предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их». Очевидно, что в данном случае коммеморация оказалась тесно связанной с целями и идеологией радикальных групп, о чем свидетельствовало не только обилие лоялистской символики на изображении, номинально посвященном событиям Первой мировой войны, но и характер текстового сопровождения. Следует предположить, что

защита Родины в рамках Великой войны «восставшими», мобилизованными юнионистскими силами должна была служить примером для протестантского населения Северной Ирландии в 1969-1998 годах, когда угрозой для Великобритании, согласно лоялистской идеологии, провозглашались республиканские силы. Чтобы оказаться «достойными» своих предков, сторонники юнионизма должны были принять активное участие в межобщинном конфликте, принести «жертву» Родине, подтверждая героическую преемственность. На это указывает также, например, содержание юнионистского мурала, располагавшегося в Белфасте на Аппер-Ньютаунардс-роуд: изображение вооруженных бойцов UVF соседствовало с фигурами солдат 36-й Ольстерской дивизии и сопровождалось следующим текстом: «Добровольцы Восточного Белфаста. Сегодня, завтра и всегда. Мы должны запомнить их»²⁷. Сочетание элементов можно, пожалуй, безошибочно трактовать как указание на прямую преемственность задач, которые стояли перед уроженцами Ольстера во времена Великой войны и юнионистами второй половины XX века.

Важно отметить, что указание на несомненно героический характер действий ольстерских юнионистов во время Первой мировой войны служило противовесом истории о «предательском» Пасхальном восстании 1916 года, совершенном националистами, а, соответственно, обосновывало необходимость сохранения политического доминирования юнионистских сил²⁸. Подобный антагонизм, существовавший в исторической памяти, породил ряд специфических глубоких идеологических противоречий между двумя общинами и политическими движениями, так как сюжеты, связанные с восстанием 1916 года, являлись одним из центральных сюжетов республиканской исторической мифологии.

Решение правительства Великобритании в 1914 году отложить принятие проекта о самоуправлении Ирландии до окончания войны вкупе с объявлением о всеобщем

призыве на фронт в 1916 году привели к масштабному военному выступлению национальных сил в апреле того же года. Событие было впоследствии названо «Пасхальным восстанием». 24 апреля 1916 года объединенные силы «Ирландских Добровольцев», Ирландской Гражданской армии, а также Cumann na mBan захватили несколько ключевых мест в Дублине и провозгласили независимость Ирландской Республики. Они рассчитывали на то, что в условиях Первой мировой войны правительственные войска не смогут оказать существенного сопротивления силам республиканцев, однако в течение шести дней все укрепления повстанцев были взяты. Главпочтамт держался до последнего, лишь 30 апреля Патрик Пирс подписал капитуляцию и призвал к прекращению огня. В результате восстания было убито 500 человек, среди них были преимущественно гражданские лица. Еще около 3000 человек были арестованы. Лидеров восстания было решено казнить по законам военного времени. Если первоначально отношение населения Ирландии к организациям Патрика Пирса и Джеймса Коннолли было достаточно равнодушным, то после поражения восстания и воплощения жестких решений военного трибунала в обществе распространились сочувственные настроения²⁹, что стало толчком для зарождения более централизованного и масштабного движения за независимость Ирландии.

На основе исторической памяти был создан национальный героический миф, который вошел в идеологию североирландских республиканцев. Об этом говорит, например, то, что годовщины Пасхального восстания традиционно сопровождалось различными республиканскими мероприятиями с присутствием на них обоих крыльев Ирландской Республиканской армии³⁰. Подтверждением выступают также использование республиканскими организациями пасхальной лилии в качестве символика³¹ и достаточно большое число памятников, посвященных указанному событию. К подобным объектам можно отнести, к приме-

ру, мурал, размещавшийся на Фоллс-роуд в Белфасте и состоявший из надписи: «Пасха 1916 – 1991. 75 лет сопротивления. Присоединяйтесь к борьбе. ИРА»⁵². Схожим характером обладало, например, также монументальное изображение, располагавшееся на Бичмаунт-авеню: центром композиции являлся круг с вписанным в него силуэтом Ирландии и рукой в цепях, сжимающей пасхальную лилию. В верхней части изображения помещалось схематическое изображение горящего здания Главпочтамта с восстающим из него фениксом, а также надпись «1916-1991. Свободная Ирландия».

Указание на то, что Пасхальное восстание 1916 года было отправной точкой незавершенного процесса, не только сообщало о том, что республиканские организации Северной Ирландии являются прямыми продолжателями борьбы за свободу и независимость ирландского народа, но и то, что положение ирландцев во многом осталось неизменным. Идеология ирландского республиканизма предполагала рассмотрение ирландского (католического) населения, проживающего на территории Великобритании, исключительно как страдающего и угнетенного, нуждающегося в защите и обретении свободы от угнетателей – юнионистской администрации и воли центральных властей. Интерпретация событий прошлого ориентировалась на легитимацию насилия по отношению к тем, кто так или иначе препятствовал полному освобождению Ирландии и ее народа, а также на мобилизацию населения для вступления в борьбу с идеологическим врагом.

Североирландский конфликт характеризовался поляризацией общества по этноконфессиональному признаку. Конфронтация между протестантской и католической общинами сопровождалась массовыми случаями совершения преступлений на почве ненависти и усугублялась действиями введенных в Северную Ирландию частей регулярной армии. Чувство незащищенности в условиях нахождения в постоянной опасности заставляло население шести графств

Ольстера искать поддержки у вооруженных республиканских и юнионистских групп. Это обстоятельство формировало тесную связь между членами этнорелигиозных общин и радикальными силами. Последние стремились к сохранению подобной зависимости, усилению своего влияния и привлечению к активному сотрудничеству как можно большего числа лиц, а потому вели активную пропаганду собственной идеологии. Одним из способов трансляции положений этой идеологии выступало внедрение ее компонентов в сюжеты создаваемых городских памятников. Эти объекты не только помогали маркировать территории, «принадлежащие» той или иной этноконфессиональной общине, но и активно влияли на идентичность городских жителей, так как созерцались ими на постоянной основе. Обращение к исторической памяти населения делало данный способ трансляции радикальной идеологии еще более эффективным, что можно наблюдать на примере использования республиканскими и юнионистскими силами образов, связанных с Первой мировой войной. Нарратив о событиях периода Первой мировой войны оказался интерпретирован радикальными организациями юнионистов и республиканцев в соответствии с их идеологией и стал частью пропаганды. Героизация деятелей прошлого – членов организации «Ольстерских Добровольческих Сил», солдат 36-й Ольстерской дивизии, участников Пасхального восстания 1916 года, автоматически придавала героический характер и деятельности тех лиц, организаций, которые провозглашали себя их идеологическими последователями, потомками. Этому способствовало и приравнивание межобщинного конфликта 1969-1998 годов к событиям прошлого, традиционно интерпретируемым как «защита Отечества» или «борьба за свободу народа». То есть в рамках идеологии юнионистов Ольстерский конфликт находился в тех же координатах, что и Первая мировая война, и также требовал консолидации всех сил для защиты интересов Великобритании. В

то же время в концепции республиканцев он был прямым продолжением борьбы угнетенного ирландского населения за свои права и свободы. Создавался миф о «жертве», принесенной религиозными общинами в прошлом, которая давала им право быть главенствующей силой в Северной Ирландии. Призыв «соответствовать» планке, заданной героями прошлого, не забывать их подвиги, обращенный к католикам или протестантам, оказывался сопряжен с попытками радикальных сил привлечь как можно больший процент населения на свою сторону. Жителей шести графств Ольстера агитировали участвовать в открытой борьбе, применять «исторически оправданное» насилие по отношению к «соседям», назначенным врагами. Обращение юнионистов и республиканцев к историческим сюжетам, образам Великой войны, являющимся важными элементами для официальной коммеморативной традиции в Великобритании и Республике Ирландия, а также тесно связанным с категориями горя, травмы, делало идеологическую интерпретацию конкретных событий и явлений легко воспринимаемым широкими массами способом пропаганды. Воздействие на патриотические чувства, эмоции католиков и протестантов сочеталось с использованием хорошо знакомых населению лозунгов, а также предложением предельно простых способов решения существующих проблем. Это наравне с прочими факторами способствовало широкому распространению радикальной идеологии в социуме и усугублению противоречий между двумя общинами, в том числе в области исторической памяти, что, несомненно, вело к затягиванию конфликта и усложнению путей его мирного разрешения. Таким образом, историческая память населения Северной Ирландии о событиях Первой мировой войны, так или иначе оказавших влияние на жизнь в провинции Ольстер, была использована радикальными группами республиканцев и юнионистов в качестве одной из основ распространения собственной идеологии. Интерпретация

событий прошлого в рамках предлагаемой ими системы объясняла необходимость межобщинной конфронтации и мобилизации широких масс, героизировала деятельность вооруженных организаций и легитимизировала насилие, делая его одобряемой нормой и объективной необходимостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Whyte J. How Much Discrimination was there Under the Unionist Regime, 1921-1968? // Gallagher, T., O'Connell J. Contemporary Irish Studies. Manchester, 1983. [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/discrimination/whyte.htm> (Дата обращения: 03.05.2019).
- ² Walker G. A History of the Ulster Unionist Party: Protest, Pragmatism and Pessimism. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 162.
- ³ Heatley R.W. Direct Rule: Civil Rights Not Civil War. Belfast, 1972. P. 5.
- ⁴ Это отражено в новостной кинохронике, например, см.: Armagh March Meets Protest // RTE News [Digital resource] URL: <https://www.rte.ie/archives/exhibitions/1031-civil-rights-movement-1968-9/1037-armagh-march-meets-loyalist-protest/> (Дата обращения: 11.05.2019).
- ⁵ Newsinger J. British counter-insurgency myth. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 164.
- ⁶ Graham B., Shirlow P. The Battle of the Somme in Ulster memory and identity // Political Geography. №21. 2002. P. 881–904.
- ⁷ Beiner G. Between Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland // Journal of British Studies. Vol. 46, № 2, 2007. P. 366 – 389.
- ⁸ Bell J. For God, Ulster or Ireland? Religion, identity and Security in Northern Ireland. Belfast: Institute for Conflict Research, 2014. 118 p.
- ⁹ Judge A.L. Neither Here Nor There: Northern Ireland, Myth, and the People In Between. West Ontario: The University of Western Ontario, 2017. 625 p.
- ¹⁰ Rolston B. Politics and Painting: Murals and Conflict in Northern Ireland. New Jersey: Fairleigh Dickinson University Press, 1991. 150 p.
- ¹¹ Forker M., McCormick J. Walls of history: the use of mythomoteurs in Northern Ireland murals // Irish Studies Review. 2009. №17. P. 423–465.
- ¹² McGarry F. The Rising. Ireland: Easter 1916. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 44.
- ¹³ Op. cit. P. 45.
- ¹⁴ Grob-Fitzgibbon B. Neglected Intelligence: How the British Government Failed to Quell the Ulster Volunteer Force, 1912-1914 // Journal of Intelligence History. Vol. 6. 2006. P. 2.
- ¹⁵ Parkinson A.F. Friends in High Places. Ulster's

- resistance to Irish Home Rule, 1912-1914. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2012. P. 12.
- ¹⁶ Op.cit. P.12.
- ¹⁷ *Grob-Fitzgibbon B.* Op. cit. P. 4; *Haberfeld M.R., King F.J., Lieberman C.A.* Terrorism Within Comparative International Context: The Counter-Terrorism Response and Preparedness. New York: Springer, 2009. P. 42.
- ¹⁸ В дальнейшем в рамках данной работы эта организация будет обозначена как UVF (Ulster Volunteer Forces) во избежание путаницы и разночтений.
- ¹⁹ *McDonald H., Cusack J.* UVF. The Endgame. Dublin: Poolbeg Press, 2016. P. 18.
- ²⁰ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/murals.pl> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²¹ East Belfast – Memorials, Long, Cordner, Seymour and Bennett - UVF // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: https://cain.ulster.ac.uk/viggiani/east_mural.html (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²² *Foy M.T.* The Ulster Volunteer Force: its domestic development and political importance in the period 1913 to 1920, Belfast: The Queen's University. 1986. P. 206.
- ²³ *Bowman T.* The Ulster Volunteer Force and the Formation of the 36th (Ulster) Division // Irish Historical Studies, Vol. 32. № 128. P. 500.
- ²⁴ *Graham B., Shirlow P.* The Battle of the Somme in Ulster memory and identity // Political Geography. №21. 2002. P. 888.
- ²⁵ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/photos/no113.htm#photo> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²⁶ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/murals.pl> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²⁷ *Beiner G.* Between Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland // Journal of British Studies. Vol. 46, №. 2, 2007. P. 386.
- ²⁸ *McGarry F.* Revolution 1916-1923 // The Cambridge History of Ireland. Cambridge, 2018. P. 369.
- ²⁹ A Chronology of the Conflict – 1971 // CAIN Web Service [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/othelem/chron/ch77.htm> (Дата обращения: 03.08.2019).
- ³⁰ *Coogan T.P.* The Troubles: Ireland's Ordeal 1966–1995 and the Search for Peace. London: Head of Zeus, 2015. P. 122.
- ³¹ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/murals.pl> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ³² *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/photos/no42.htm#photo> (Дата обращения: 01.11.2021).

TRIUMPH AND TRAGEDY: THE EVENTS OF WORLD WAR I IN THE IDEOLOGY OF THE TROUBLES PARTICIPANTS (1969-1998)

© 2022 D.A. Afanasyeva

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The paper covers the specifics of the interpretation of the World War I events by radical unionist and republican groups during the Troubles in 1969-1998. The main sources are urban physical memorials in Northern Ireland. The author identifies the origins of the motives for the glorification of the figures of the World War I participants, in particular, the Battle of the Somme, and the Easter Rising. The mechanism of mutual influence of historical memory, narratives associated with collective trauma or collective triumph, and mythology constructed by radical groups to broadcast their own ideology is described. The author concludes that events of the past which have a special symbolic meaning for the identity of Catholics and Protestants in Northern Ireland, are interpreted within the framework of radical Unionist and Republican ideology, and act as tools for legitimizing violence, mobilizing the population and preserving social polarization.

Keywords: The Troubles, Northern Ireland, Ulster unionism, Ireland republicanism, historical memory.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-46-55

*Daria Afanasyeva, Graduate Student, Department of General History, International Relations and Documentation Science.
E-mail: afanasyevm98@gmail.com*

УДК 94(47)

**ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ О ЛАПЛАНДСКОМ ВОПРОСЕ
В ПОГРАНИЧНОМ СПОРЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ДАТСКО-НОРВЕЖСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
(НА ПРИМЕРЕ ЦАРСКОЙ ГРАМОТЫ ДАТСКОМУ КОРОЛЮ ФРЕДЕРИКУ II ОТ МАРТА 1586 ГОДА)**

© 2022 М.В. Толкачев

Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

Статья посвящена изучению переписки царя Федора Иоанновича с королем Дании-Норвегии Фредериком II в рамках лапландского вопроса – крупного пограничного спора о разграничении территорий в Европейской Арктике. На примере царской грамоты от марта 1586 года в настоящей статье рассматривается система аргументов русской стороны в рамках лапландского спора. Также в статье излагается точка зрения датской стороны на различные вопросы, связанные с лапландским территориальным диспутом в русско-датских дипломатических отношениях.

Ключевые слова: Лапландия, Арктика, Крайний Север, Кола, Кольский полуостров, Финн-марк, граница, грамота, договор, спор, вопрос, аргумент, дань.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-56-68

Предисловие

Данная статья является продолжением предыдущей работы, публиковавшейся в третьем номере журнала за 2020 г.¹ В опубликованной ранее статье рассматривалась грамота царя Федора Иоанновича датскому королю Фредерику II от августа 1585 года, где от имени государя излагалась точка зрения русской стороны о лапландском² вопросе. Напомним, суть лапландского вопроса сводилась к разграничению территорий, находившихся в Европейской Арктике. Надо сказать, что две царские грамоты – от августа 1585 и от марта 1586 года – тематически тесно взаимосвязаны между собой, но вместе с тем грамоты различаются методами, к которым обращался Федор Иоаннович для утверждения своей точки зрения в спорном вопросе. Тексты обеих царских грамот были исследованы в Дании и в дальнейшем опубликованы в числе других до-

кументов в рамках сборника «Русские акты Копенгагенского государственного архива» российским историком и дипломатом Ю.Н. Щербачевым³. Описание этих грамот наравне с описанием множества других документов можно найти на страницах «Датского архива» – другого обширного труда, подготовленного Ю.Н. Щербачевым в конце XIX века⁴. Отдельные тексты, относящиеся к переписке между Федором Иоанновичем и Фредериком II, отложились в Фонде № 53 Российского государственного архива древних актов⁵.

Необходимо отметить, что в историографии, на наш взгляд, уделено недостаточно пристальное внимание всему комплексу «лапландских» аргументов, изложенных в царской грамоте от марта 1586 года. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы исследователи полностью обошли этот документ стороной. Так, датский исследователь Дж. Линд обращает внимание на то, что в грамоте от марта 1586 года царь Федор Иоаннович предъявляет претензии на те объекты в Ла-

Толкачев Михаил Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии. E-mail: mikh.tolkachev@mail.ru

пландии, которые Дания считала принадлежащими исключительно ей – в частности, на Вардехус (Варагв), являвшийся административным центром датской Лапландии (Финнмарка)⁶. Обращая внимание на этот же факт, норвежский историк Л.И. Хансен предполагает, что русские власти воспринимали Норвегию (объединенную с Данией в рассматриваемое нами время) в качестве стороны, нарушившей средневековые границы в Финнмарке⁷. В любом случае исследователи отмечают, что в марте 1586 года Москва в определенной степени изменяет свою позицию в рамках «лапландского» диалога с Данией. В настоящей статье мы постараемся рассмотреть и оценить обстоятельства, в которых была составлена интересующая нас царская грамота, попытаемся проанализировать систему аргументации, которая была сформулирована от имени Федора Иоанновича в марте 1586 года, и сравнить ее с аргументацией, сформулированной годом ранее – в августе 1585 года.

Предшествовавшая дипломатическая переписка и ситуация на лапландских рубежах

Для начала необходимо сделать небольшой обзор событий, предшествовавших царской грамоте от марта 1586 года. На дипломатическом уровне лапландский вопрос начал регулярно обсуждаться в русско-датских отношениях в период правления Ивана IV Васильевича. В свое время Иван IV сформулировал ряд аргументов для обоснования прав на Лапландию⁸, однако датская сторона не приняла эту точку зрения. Лапландский вопрос резко обострился в конце правления Ивана IV Васильевича и в самом начале царствования Федора Иоанновича. Ситуацию осложнял тот факт, что датская сторона не подтвердила русско-датское соглашение (перемирие) от 1578 года, которое должно было заменить старый мирный договор от 1562 года, во многом утративший к тому времени свою актуальность из-за накопившихся противоречий. Основным предметом спора между Иваном IV и дат-

ским королем Фредериком II на тот момент являлась Ливония, однако обострение взаимоотношений между двумя странами, имевшими общее пограничье на Севере, не могло не отразиться на международной обстановке в Арктике. В 1582 году к побережью Лапландии была направлена датская военная эскадра, которая прибегла к грабительским действиям по отношению к иноземным торговым судам, шедшим к Кольскому полуострову и обратно⁹. Подобными действиями датская сторона недвусмысленно заявила о своих намерениях по осуществлению контроля над побережьем русской части Лапландии. Складывавшаяся обстановка потребовала от русских властей предпринять срочные меры по укреплению Колы – основного русского поселения в Лапландии. В 1582 году в Коле было учреждено воеводское управление, а в 1583 году было начато сооружение Кольского острога¹⁰.

Весной 1584 года король Дании–Норвегии Фредерик II распорядился направить датских уполномоченных на Кольский Север. Датские представители должны были собрать дань с лопарей, русских поселенцев, православных монастырей¹¹. Летом 1584 года датские уполномоченные – капитан Томас Норман, фогт Вардехуса Лавер Круш (Laurentz Crouss) и нидерландец на датской службе Симон ван-Салинген (Simon van Salinghen) – прибыли в Колу. Датчане сразу же выразили возмущение по поводу постройки укреплений в Коле, посчитав, что возведение острога ущемляет права датского короля на обладание всей Лапландией. Однако в большей степени датских представителей возмутил отказ местных жителей выплачивать королевскую дань. При этом датчане потребовали, чтобы кольский воевода М.Ф. Судимантов приказал жителям выплатить дань в адрес короля¹². Таким образом, обе стороны – русская и датская – претендовали на сбор податей с одних и тех же жителей, находившихся на территориях, прилегавших к русско-норвежской (русско-датской) межгосударственной границе. Подобный принцип двойного нало-

гообложения распространялся и на датскую часть Лапландии – Финнмарк, куда ходили русские сборщики дани¹⁵. При этом, судя по всему, датские уполномоченные не смогли собрать королевской дани во время своей поездки на Кольский Север в 1584 году. Это говорит о том, что в рассматриваемое нами время функционирование общего налогооблагаемого округа сопровождалось существенными проблемами. 2 июля 1584 года датские уполномоченные объявили протест кольскому воеводе¹⁴. Воевода М.Ф. Судимантов в ответ заявил о том, что никому не запрещал платить дань в адрес датского короля; также воевода сообщил, что его власть распространяется не на всю Лапландию, а только на пять деревень – Керети (Кереть), Кандалакша, Порагуба (Порья Губа), Кауда (Ковда) и Кола¹⁵ (см. карты в приложениях). Тем же летом 1584 года датские уполномоченные отправились на переговоры к настоятелям монастырей, располагавшихся в русской Лапландии. Монахи также отказались платить королевскую дань¹⁶, после чего в августе 1584 года датчане объявили очередной протест – теперь уже русским монастырям¹⁷. Таким образом, можно говорить об усугублении противоречий во взаимоотношениях между двумя пограничными администрациями – русской и датской. Вместе с тем представители русских властей в Лапландии в 1584 году воздерживались от каких-либо категоричных заявлений, ожидая, по-видимому, инструкций из Москвы.

В следующем году соответствующие инструкции были доставлены в Колу. В июле 1585 года кольский воевода Г.Б. Васильчиков одновременно с просьбой о сопровождении¹⁸ одной из царских грамот, предназначенной для Фредерика II, писал к фогту Вардехуса (варгавскому державцу) Лавер Крушу следующие строки: «...и та поморская земля исстари вотчина государя нашего царя и великого князя, а не дацких королей; и посямест годаря вашего люди государя нашего вотчину не вступалися мимо прежней обычай и пошлин некоторых с поморских волостей не имывали ...»¹⁹. Этими словами

кольский воевода решительно оспорил право датчан на сбор податей с поморских волостей в Кольской земле, а также четко заявил о том, что Кольский Север принадлежит России.

На дипломатическом уровне диалог между Россией и Данией также складывался непросто. В 1585 году в Россию была доставлена датская королевская грамота, в которой содержались претензии относительно всей Лапландии²⁰. В мае 1585 года Федор Иоаннович в ответ с возмущением писал Фредерику II о протестах датских уполномоченных в русской Лапландии²¹. В августе 1585 года в Россию вновь прибыл датский гонец с королевской грамотой (от 19 мая 1585 года), содержащей на этот раз ряд любезностей, полагавшихся в рамках дипломатического этикета: сожаление о кончине Ивана IV, поздравление с восшествием на престол Федора Иоанновича, пожелание о содержании добрососедских отношений²². В ответ была составлена царская грамота (от августа 1585 года), в которой Федор Иоаннович в свою очередь также написал о желании сохранить дружественные отношения с королем Дании²³. Наряду с ответными дипломатическими любезностями Федор Иоаннович заявил о том, что Лапландия принадлежит России. От лица царя был сформулирован ряд аргументов:

Аргумент 1: Лапландия ранее принадлежала Великому Новгороду с Двинской землей; в Лапландии находятся старинные русские поселения и монастыри²⁴.

Аргумент 2: Местное лапландское население регулярно выплачивает дань московским государям со времен Ивана III²⁵.

Аргумент 3: Ранее датские и норвежские короли не посягали на русскую часть Лапландии²⁶.

Аргумент 4: В русской Лапландии есть православный Печенгский монастырь (см. карты в приложениях), основанный, по словам царя Федора, около ста лет назад²⁷.

Аргумент 5: В русско-датском договоре 1562 года сказано, что рубеж между русскими и норвежскими землями должен про-

легать в окрестностях города Варгава (Вардехус, расположенный у Варангер-фьорда): «... про те места толко и написано: а что наши земли с твоим городом с Варгавом сошлись, ино рубеж по старине»²⁸.

Аргумент 6: Изначальный рубеж в Лапландии между русскими людьми, живущими в Коле, и датскими подданными, живущими в Варгаве, проходил по реке Полной²⁹.

Аргумент 7: Король не давал указаний своим послам о каких-либо спорных вопросах в Лапландии при заключении мирного договора в 1562 году³⁰.

Далее в царской грамоте от августа 1585 года содержится предложение о том, чтобы все земли, расположенные западнее Варгава (то есть к западу от Варангер-фьорда), по-прежнему оставались бы за Фредериком II, а принадлежавшие русскому государю территории оставались бы за Россией³¹. Таким образом, в соответствии с царской грамотой от августа 1585 года русская сторона предлагала подтвердить старую межгосударственную «политическую» границу между Россией и Датско-Норвежским государством, проходившую внутри Лапландии в районе Варангер-фьорда. Эта граница делила Лапландию на две части – русскую, находившуюся на Кольском Севере, и датскую, находившуюся в Финнмарке. Примечательно, что царская грамота не содержала предложений о налаживании общего русско-датского налогооблагаемого округа, сосуществовавшего, предположительно, одновременно с межгосударственной границей.

В 1586 году в Москву прибыл датский гононец с ответной королевской грамотой (от 17 декабря 1585 года). В этой грамоте Фредерик II вновь выражал пожелание о мирном соседстве с Россией и просил царя направить уполномоченных судей на русско-норвежское пограничье для размежевания спорных территорий³². Вместе с тем король вновь предъявлял претензии на всю Лапландию, прибегая к следующим аргументам:

Аргумент 1: В старых норвежских книгах написано, что Лапландия во все времена принадлежала Норвегии³³.

Аргумент 2: Русские называют Лапландию «Мурманской землей»³⁴, что является производным от слова «Норманнская».

Аргумент 3: Норвежские короли взимали дань не только с Мурманской, но и с Печорской земли³⁵.

Аргумент 4: Датская сторона сообщала Ивану IV о спорных территориях³⁶.

Аргумент 5: Печенгский православный монастырь стоит в Лапландии только 40 или 50 лет, то есть не так давно, как утверждает русская сторона³⁷.

Аргумент 6: В переписке царь не упоминает многих лапландских поселений³⁸.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что датская сторона не приняла изложенных ранее от имени Федора Иоанновича аргументов. Более того, король усилил претензии, намекнув о своих правах на Печорскую землю, расположенную к востоку от Белого моря. Таким образом, лапландский спор постепенно усугублялся.

Царская грамота от марта 1586 года

В марте 1586 года от имени царя Федора Иоанновича была составлена новая грамота, содержащая ответ королю Фредерику II. По сложившейся традиции в переписке с датским королем Федор Иоаннович в ответ на предложение о сохранении добрососедских отношений также выразил пожелание о поддержании мирных и дружественных отношений: «И мы, услышав твое любовное приязнство и суседство, по тому же хотим с тобою, приятелем нашим, быти в любви и в соединенье и в докончанье ...»³⁹. Эти строки указывают на то, что в целом диалог между двумя правителями проходил в достаточно вежливой манере, насколько тому позволяли обстоятельства, ведь оба государя заняли достаточно твердую позицию в отношении разграничения Лапландии. Для утверждения точки зрения России в лапландском вопросе от лица Федора Иоанновича были сформулированы следующие аргументы:

Аргумент 1: Лапландия с давних времен принадлежит Великому Новгороду с Двинской землей: «... та Лопская земля искони

вечная наша вотчина за много лет к нашей отчине к Великому Новгороду з Двинскою землею»⁴⁰. Это один из фундаментальных доводов, поддерживающих всю систему аргументации. Здесь говорится об исконной принадлежности Лапландии к Великому Новгороду. Аргумент о принадлежности Лапландии к Новгородскому государству не является новым, он уже звучал в царской грамоте от августа 1585 года.

Аргумент 2: Со времен правления Ивана III Лапландия вместе со всем Новгородским государством находится в подчинении у Москвы, и с тех самых времен население Лапландии выплачивает дань в пользу московских государей⁴¹. Этот довод конкретизирует предыдущий аргумент. Московское государство подчинило Новгород в конце XV века – обращая внимание на этот факт, Федор Иоаннович обосновывает свое право на владение Лапландскими землями, перешедшими во владение его прародителям – московским государям – вместе с Новгородом Великим. Этот аргумент также обозначался ранее в царской грамоте от августа 1585 года.

Аргумент 3: Ранее датские и норвежские короли не предъявляли претензии относительно русской Лапландии⁴². Этот довод мы также встречаем не впервые в числе аргументов Федора Иоанновича. Данный аргумент должен был напомнить датской стороне о том, что на дипломатическом уровне лапландский спор фигурирует не так давно, и, следовательно, претензии датской стороны не имеют прочных исторических оснований.

Аргумент 4: Во время заключения русско-датского договора в 1562 году датская сторона не предъявляла какие-либо претензии относительно Лапландии⁴³. Примечательно, что Федор Иоаннович обращается в данном контексте именно к мирному договору 1562 года. В тексте последующего мирного соглашения – перемирия 1578 года⁴⁴ – уже содержались строки о наличии некоторых спорных территорий в русско-датском (русско-норвежском) лапландском пограничье, но перемирие не было под-

тверждено датским королем, что в свою очередь давало возможность русской стороне ссылаться на статьи договора 1562 года, не содержащего каких-либо пунктов о спорных территориях в Лапландии. Надо сказать, что этот аргумент был одним из основных доводов, озвученных в царской грамоте, составленной в августе 1585 года. В новой царской грамоте от марта 1586 года русская сторона решила вновь его озвучить.

Аргумент 5: В русской Лапландии в течение около ста лет находится Печенгский монастырь (см. карты в приложениях), и споров об этом православном монастыре ранее не возникало. В соответствии с доводом царя Федора Иоанновича даже если Печенгский монастырь был основан только сорок лет назад (как утверждает датская сторона), то это уже достаточный срок, чтобы «вступить» за него⁴⁵. Аргумент о Печенгском монастыре можно также неоднократно встретить в русско-датских переговорах о Лапландии. Находим этот довод и в прошлой царской грамоте от августа 1585 года. Примечательно, что русская сторона пытается максимально «удревнить» Печенгский монастырь, в то время как датчане стараются максимально сократить возраст монастыря. На самом деле возникновение монастырского хозяйства на Печенге связано с деятельностью преподобного Трифона Печенгского во второй четверти XVI века⁴⁶. Крещение саамов, проживавших на Кольской земле, было частью процесса распространения христианства среди народов Северо-Запада и Севера России, этот процесс, соответственно, закреплял позиции Москвы в приграничных регионах⁴⁷.

Аргумент 6: Город Варгав (Вардехус – датский административный центр, располагавшийся у Варангер-фьорда) возведен на землях, принадлежащих царю; этот город является так называемым «Новым» Варгавом, который был основан для того, чтобы вторгаться на территории, принадлежащие Русскому государству; в землях, принадлежащих датскому королю, есть другой город Варгав – так называемый «Старый» Варгав,

который находится на рубеже с Норвежской землей: «А толко сыскати старых рубежей, ино и Варгав город поставлен в нашей же отчине на Лопской земле. А Старой Варгав есть в вашей в Дацкой земле на рубеже Норвецкие земли. А тот Новой Варгав поставили люди твои, вступаючися напрасно в нашу отчину в Лопскую землю»⁴⁸. Необходимо отметить, что этого аргумента нет в царской грамоте от августа 1585 года. Вместе с тем данный довод значительно меняет вектор всего комплекса аргументов, сформулированных русской стороной. Дело в том, что так называемый Старый Варгав по логике русской стороны должен был располагаться значительно западнее Нового Варгава (то есть значительно западнее Вардехуса, располагавшегося у Варангер-фьорда). Судя по всему Старый Варгав должен был находиться на рубеже, отделяющем лапландский регион от собственно территории Норвегии, на что указывает фраза «на рубеже Норвецкие земли». Таким образом, сформулировав этот аргумент, Федор Иоаннович в своей грамоте заявил о своих правах на всю Лапландию, включая Финнмарк, находившийся под преимущественным контролем Дании. Напомним, в грамоте от августа 1585 года Федор Иоаннович отстаивал свои права только на Кольский Север (Кольский полуостров и территории, прилегающие к Варангер-фьорду).

Аргумент 7: Федор Иоаннович отметил, что не стал упоминать в предыдущих своих грамотах села Кандалакша, Ковда, Кереть, Варзуга, Умба (см. карты в приложениях), потому что они не являются частью Лапландии. Перечисленные села, по словам царя, относятся к Новгородской и Двинской земле, в них живут русские люди, которые платят дань только московскому государю⁴⁹. Этим доводом царь указал на то, что южная часть Кольского полуострова вместе с побережьем Белого моря, где жили русские поморы, относились к другой административной единице, которая управлялась холмогорским, а не кольским воеводой. Обращая внимание на этот факт, царь пы-

тался вывести из разряда спорных территорий южную часть Кольского полуострова, полностью отвергнув какие-либо попытки претензий датской стороны на побережье Белого моря⁵⁰.

Аргумент 8: Норвежские короли ранее не собирали дань с Мурманской и тем более с Печорской земли, потому что эти территории находились на значительном удалении от Норвегии и ранее никогда не принадлежали норвежцам⁵¹. С помощью этого аргумента Федор Иоаннович вновь пытался опровергнуть право датского короля на взимание дани с жителей русской Лапландии, исключив тем самым Кольский Север из общего налогооблагаемого округа.

Из числа перечисленных выше аргументов нам хотелось бы рассмотреть более подробно один из доводов, сформулированных в царской грамоте, – о Новом и Старом Варгаве. Но прежде нам нужно обратиться к прошлой царской грамоте от августа 1585 года. Как мы уже отмечали выше, в грамоте от августа 1585 года этот аргумент отсутствовал. Федор Иоаннович упоминал лишь один город Варгав, не прибегая к использованию дополнительных определений «Новый» или «Старый». В дополнение Федор Иоаннович упоминал в грамоте от августа 1585 года еще один маркер для определения границы – реку Полную: «А рубеж был изначала межь наших (в документе РГАДА – «государевых») людей, которые живут в Коле и по иным местам, и которые люди твои (в документе РГАДА – «королевские») живут в городе в Варгаве, и межа межь их была река Полная»⁵². Из данного отрывка следует, что река Полная протекала на пространстве между русской Колой и датским (норвежским) Варгавом. Такая формулировка наталкивает на мысль о том, что Кола и упомянутый в грамоте от августа 1585 года Варгав должны быть соседними по отношению друг к другу городами. Таким образом, в 1585 году царь подразумевал тот Варгав, который располагался у Варангер-фьорда (то есть Новый Варгав в соответствии с позднейшей терминологией). К сожалению,

мы не располагаем сведениями о точном месторасположении реки Полной; предполагаем, что эта река протекала в окрестностях Варангер-фьорда, разделявшего русскую и датскую Лапландию. Не исключено, что под названием «Полная река» русская сторона могла подразумевать какой-либо более крупный водный объект. Датский исследователь Дж. Х. Линд по этому поводу отмечает, что название «Полная река» могло применяться по отношению к целой водной системе, которая рекой (в традиционном понимании) не является⁵⁵.

Возвращаясь к царской грамоте от марта 1586 года, нам нужно понять, каким же образом в системе аргументации Федора Иоанновича появилось упоминание о двух Варгавах – Старом и Новом – в интересующем нас регионе. Неужели русское правительство ошибалось или пыталось ввести в заблуждение датскую сторону? Думаем, что нет. Дело в том, что упоминание о двух Варгавах неоднократно встречается в русских документах. Так, в «Росписи лопарским погостам», составленной в 1623-1624 годах, содержится не только упоминание о Старом и Новом Варгавах, но и указывается их взаимное месторасположение. Старый Варгав в соответствии с «Росписью» находился к западу от Нового Варгава (Новый Варгав – тот, что у Варангер-фьорда), но не далее норвежского города Тромсе⁵⁴. Если расположение Нового Варгава нам хорошо известно, то точное месторасположение Старого Варгава пока для нас остается не совсем ясным. Мы не знаем, какой город русская сторона принимала за Старый Варгав. Однако если этот город действительно существовал, он должен был располагаться ближе к Люнген-фьорду в Северной Норвегии. Люнген-фьорд в данном контексте для нас имеет большое значение, поскольку является местом впадения реки Ивгей (см. карты в приложениях), по которой проходил старинный русский рубеж в Норвегии. Назначение этого рубежа несколько отличалось от назначения границы, находившейся в районе Варангер-фьорда – Ивгей-река являлась

западным рубежом общего русско-датского налогооблагаемого округа, в пределах которого перемещались и датские, и русские сборщики дани⁵⁵. Предполагаем, что значение рубежа, проходившего по Ивгей-реке, для русской стороны было не менее весомым, чем статус русско-датской границы, располагавшейся в окрестностях Варангер-фьорда, а потому русская сторона имела все основания заострить свое внимание на Старом Варгаве, расположенном западнее датского Вардехуса /Нового Варгава. Примечательно также, что, как отмечает датский историк Дж. Линд, на старинных европейских картах действительно присутствует упоминание о двух населенных пунктах с названием Вардехус, расположенных в интересующем нас регионе, однако традиция именовать Варгав «Старым» и «Новым» встречается только в русских документах⁵⁶. Если предположить, что упоминание двух Варгавов действительно соотносилось с западноевропейскими картами, то можно говорить о вполне неплохой осведомленности русского правительства относительно географии Лапландского побережья.

Для нас важен еще один вопрос – с какой целью русская сторона ввела Старый Варгав в дипломатический диалог в марте 1586 года? Норвежский историк Л.И. Хансен предполагает, что Русское государство воспринимало Норвегию в качестве стороны, нарушившей средневековые границы в Финнмарке⁵⁷. В какой-то степени это верно. Формулируя аргумент о Старом Варгаве, Федор Иоаннович сделал намек относительно своих претензий на Финнмарк, находившийся под преимущественным контролем Дании -Норвегии. Подобный ход русской дипломатии, на наш взгляд, имеет весьма рациональное объяснение. Предъявление своих прав на датский Финнмарк являлось зеркальным дипломатическим ответом на претензии датской стороны относительно Кольского Севера и Печорской земли. Столь обширные аппетиты Датского королевства были совсем неслучайными – в Западной Европе ценилась пушнина, а лучшие охот-

ничьи территории простирались восточнее Белого моря, поэтому европейцам было выгоднее двигаться в этом направлении⁵⁸. Для России подобные претензии со стороны европейских соседей являлись тревожным сигналом.

Наряду с изложением «лапландских» аргументов царская грамота от марта 1586 года содержала согласие русской стороны на отправку уполномоченных послов в Лапландию к 1 июля 1586 года. Русские и датские дипломаты должны были совместно разыскать старые рубежи в Лапландии, распросить старожилов и договориться между собой о межгосударственной границе. Каждое из направляющихся в Лапландию посольств – от России и от Дании – должно было, в соответствии с предложением Федора Иоанновича, включать помимо послов еще до двухсот человек сопровождения. При этом царь предлагал организовать переговорный процесс следующим образом: русские и датские дипломаты не должны были утверждать в Лапландии какого-либо окончательного постановления о границе, послам нужно было только собрать необходимые данные и предварительно договориться о границах между собой, после чего королевские уполномоченные возвращаются в Данию, а русские послы – в Двинскую землю. В соответствии с предложением Федора Иоанновича, только после того, как датские судьи уведомят короля, а русские – известят царя о результатах лапландских изысканий и переговоров, Фредерику II нужно будет направить в Россию великих послов для заключения нового русско-датского договора, который включал бы статьи о границе в Лапландии⁵⁹. Пока же, как заявлял Федор Иоаннович, в Лапландию будет направлен приказ, в соответствии с которым русские подданные должны жить в мире с подданными датского короля⁶⁰.

Также Федор Иоаннович в грамоте от марта 1586 года в очередной раз уведомил короля Фредерика II о том, что весь торг с Кольского Севера переносится в новый Двинский город (Архангельск). Царь пред-

лагал торговцам из Дании и Норвегии приезжать в этот город и торговать своими товарами⁶¹. Данное решение о переносе торга из Лапландии можно расценивать в качестве меры предосторожности, предпринятой ввиду непростой обстановки в лапландском пограничье.

Вместе с рассмотренной выше царской грамотой в марте 1586 года была также составлена специальная «опасная» грамота на датских послов, которых король пожелает направить в Лапландию для переговоров. В соответствии с дипломатическим обычаем подобные «опасные» грамоты гарантировали иностранным дипломатам неприкосновенность и свободу. В указанной «опасной» грамоте датским послам предлагалось свободно съехаться для переговоров «...на съезд с нашими послы межъ нашии отчины Колы в Лопской земле и межъ твоего (короля Фредерика II. – прим. М.Т.) города Варгава ...»⁶². Примечательно, что в «опасной» грамоте при упоминании города Варгава не указано, какой точно город имелся в виду – Старый или Новый. Кроме того от имени Федора Иоанновича в марте 1586 года была составлена еще одна «опасная» грамота – для свободного прибытия великих датских послов в Москву⁶³ на переговоры о заключении нового русско-датского мирного договора.

Итоги

В заключение следует отметить, что при сравнении аргументации, обозначенной русской стороной в марте 1586 года, можно наблюдать определенное сходство «лапландских» аргументов с доводами, приводившимися ранее в рамках русско-датского дипломатического диалога. Вместе с тем грамота Федора Иоанновича датскому королю от марта 1586 года все же в значительной степени отличается в плане формирования общей позиции Русского государства в рамках обсуждения лапландского вопроса. Позиция русской стороны, сформулированная в марте 1586 года, содержала очевидный намек на претензию относительно Финнмарка – той части Лапландии, которая

находилась под преимущественным контролем Дании. Претензии на Финнмарк могли быть обозначены русской стороной в ответ на претензии Датско-Норвежского государства относительно русской Лапландии. Предъявление прав на обладание Финнмарком могло также упрочить позиции русских уполномоченных судей в намечавшихся в то время русско-датских пограничных переговорах. Забегая вперед, однако отметим, что намечавшийся на 1586 год пограничный съезд не состоялся, поскольку русские и датские послы разминулись в Лапландии⁶⁴. После этого в дипломатических переговорах о Лапландии между царем и датским королем наступила пауза, длившаяся в течение нескольких лет. Од-

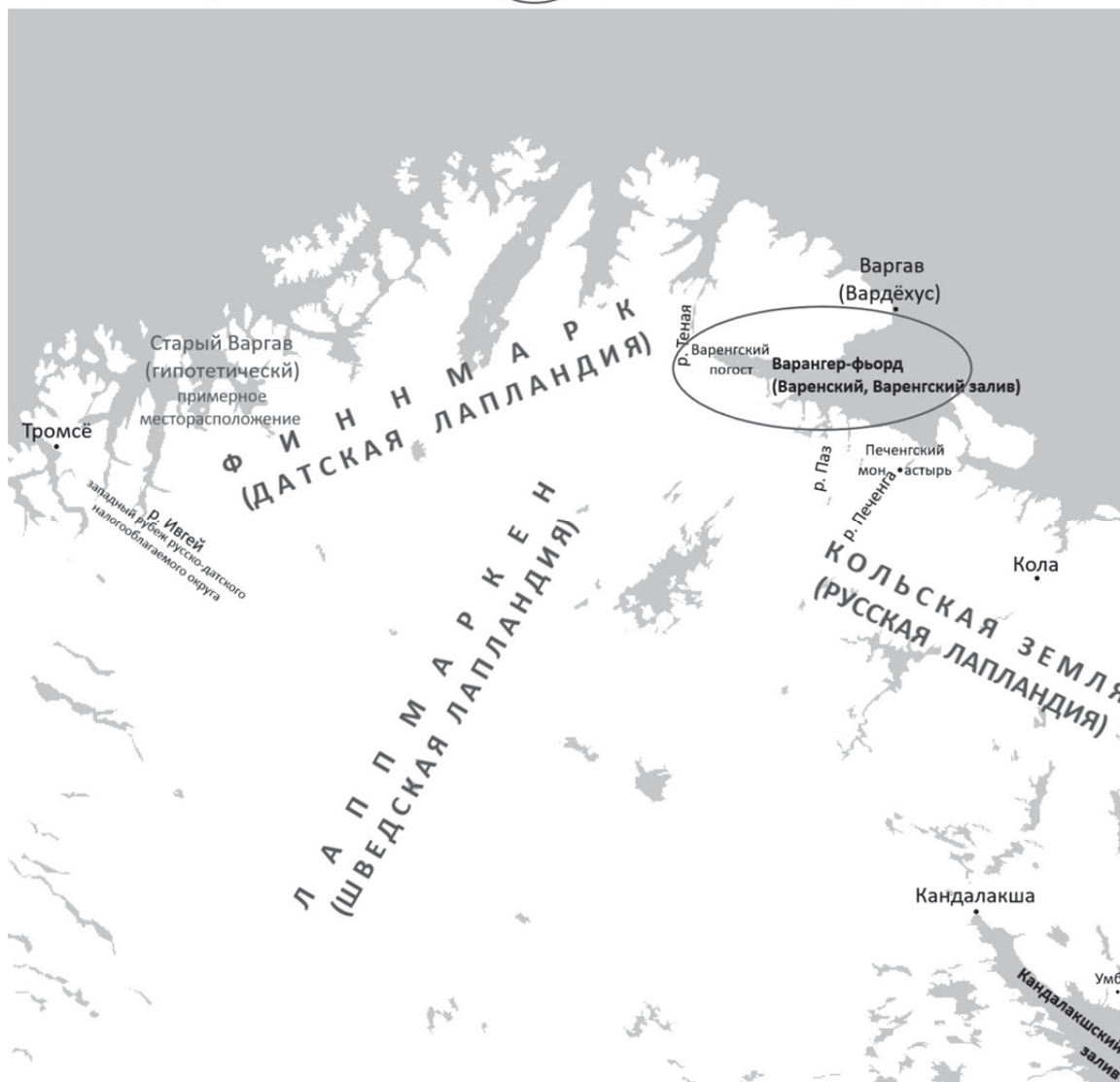
нако очень скоро лапландский спор вновь занял значительное место в дипломатических отношениях между Россией и Датско-Норвежским государством, потребовав от русской дипломатии значительных усилий для подтверждения своих позиций в Европейской Арктике.

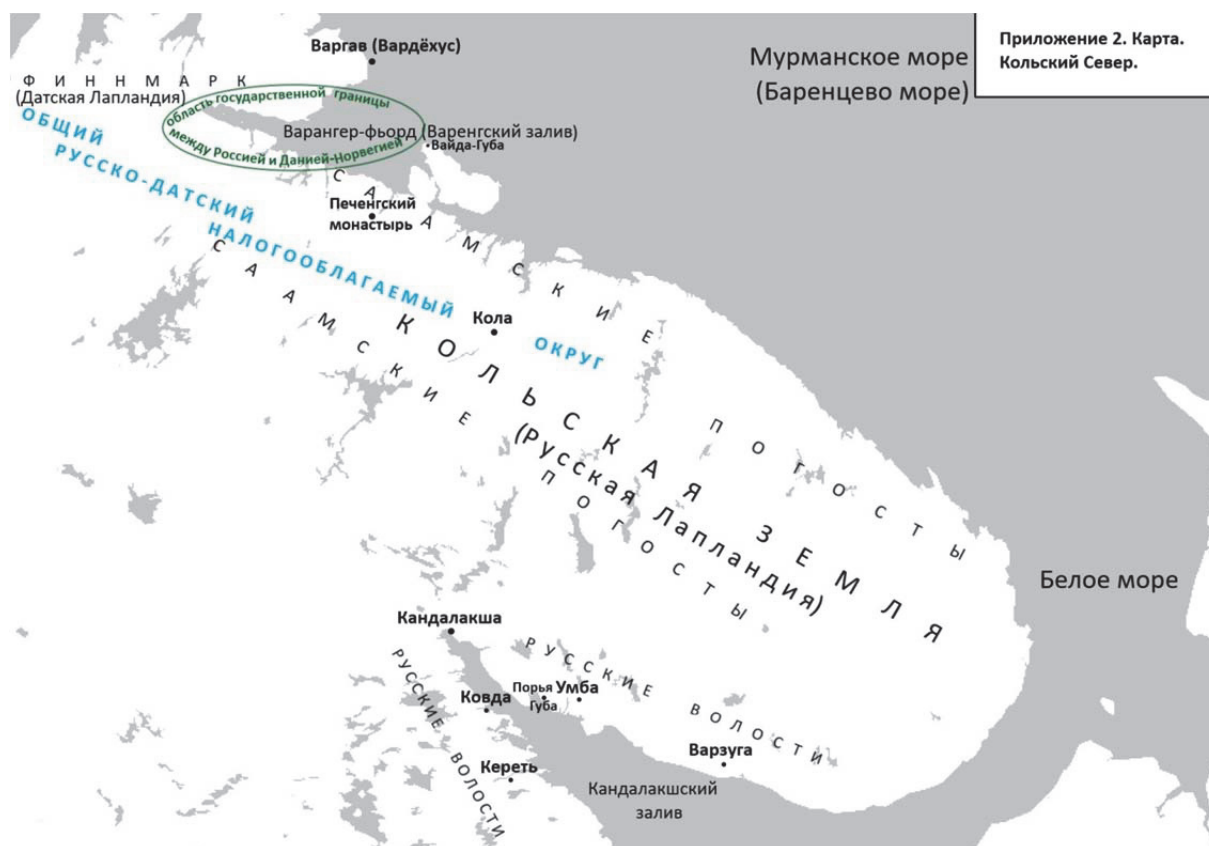
ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. статью: Толкачев М.В. Царь Федор Иоаннович о лапландском вопросе в пограничном споре между Россией и Датско-Норвежским государством (на примере царской грамоты датскому королю от августа 1585 года) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 3. С. 5-16.

Приложение 1. Карта

○ Приблизительная область границы между Русским государством и Датско-Норвежским королевством у Варангер-фьорда

² Лапландия – обширный регион, располагающийся на территории Кольского полуострова (современная Мурманская область) и северной Скандинавии (северные регионы Норвегии, Швеции и Финляндии). Лапландия является исконной территорией проживания саамов – местного финно-угорского народа.

³ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым (далее – Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев) // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 16. СПб., 1897.

⁴ Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326-1690 гг. / Собр. Ю.Н. Щербачев (далее – Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев). // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). М., 1893. Кн. 1.

⁵ См., напр., архивное дело: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.53. Сношения России с Данией. Оп.1. (1516-1719 гг.). Д. 2, 1578 г. Выписка из датских посольств о посылке на съезд в Колу межевых судей для размежевания спорных с датским королем лопских (лапландских) земель и о происходившей между обоими государствами о сих землях с послами и посланиками переписке.

⁶ Lind J. The Tsar's Patrimony and the Duplication of VardØ–Vargav (Borders at the Arctic Ocean and Levels of Information in the Late Middle Ages and Early Modern Times) // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 252-253.

⁷ Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders. Moscow, 2005. P. 52-53.

⁸ См. подробнее об аргументации Ивана IV: Толкачев М.В. Лапландский вопрос и аргументация царя Ивана IV Васильевича в рамках пограничного спора между Россией и Датско-Норвежским государством (на примере царской грамоты датскому королю от июля 1582 года) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2. С. 41-51.

⁹ См. подробнее о грабительских действиях датской эскадры, напр.: Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 73; Федоров П.В. «Лапландский спор» // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 153-154; и другие исследования.

¹⁰ См. подробнее, напр.: Сообщение Симонаван-Салингена de Ao. 1591. // Литературный

- вестник. Издание Русского Библиологического Общества. Т. 1. Кн. 3. СПб., 1901. С. 305; *Ушаков И.Ф.* Кольский острог (1583-1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960. С. 4-5; и другие исследования.
- ¹¹ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 445 (400), 10 мая 1584 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 123.
- ¹² Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 449 (404), июнь или июль 1584 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 124.
- ¹³ Судя по всему русско-датская (русско-норвежская) «политическая» граница в Лапландии одновременно сосуществовала с общим русско-датским налогооблагаемым округом. См. подробнее об этой конфигурации русско-датского пограничья: *Pape S.* Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders.* Moscow, 2005. P. 29-39.
- ¹⁴ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 450 (405), 2 июля 1584 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 124.
- ¹⁵ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 451 (406), 5 июля 1584 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 125; См. также: *Державин В.Л.* Северный Мурман в XVI-XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. С. 99.
- ¹⁶ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 453 (408), август 1584 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 125-126.
- ¹⁷ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 454 (409), 9 августа 1584 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 126.
- ¹⁸ См. относительно просьбы Г.Б. Васильчикова о препровождении грамоты: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 55 (54), Грамота кольского воеводы Г.Б. Васильчикова к варгавскому державцу, с препровождением, для доставления по назначению, грамоты царя Федора Ивановича датскому королю..., 17 июля 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 215-216; См. также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 459 (414), 17 июля 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 127-128.
- ¹⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 55 (54), 17 июля 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 215-216; См. также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 459 (414), 17 июля 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 127-128.
- ²⁰ См. о прибытии датского гонца: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год) в 4 ч. Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С. 212.
- ²¹ См. об этой грамоте: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 456 (411), май 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 126-127; См. об этом также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 212.
- ²² РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. 1585 г. Перевод с грамоты датского короля Фредерика II к царю Федору Иоанновичу от 19 мая 1585 г. Л. 1-4; 5-8; См. об этой грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 457 (412), 19 мая 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 127; Упоминание об этой королевской грамоте содержится также в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), Царская грамота датскому королю Фредерику II, в коей царь доказывает свои права на Печенгский монастырь и на лопские волости..., август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 217-219; См. об этой грамоте также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 212.
- ²³ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), Царская грамота датскому королю Фредерику II, в коей царь доказывает свои права на Печенгский монастырь и на лопские волости..., август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 217-220.
- ²⁴ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 221; См. также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 460 (415), август 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 128.
- ²⁵ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 221.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 20-23; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 221.
- ²⁷ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 221.
- ²⁸ Там же. Стб. 222.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 24; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 222.
- ³⁰ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 222.
- ³¹ Там же. Стб. 223-224.
- ³² См. об этой королевской грамоте: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 464 (418), 17 декабря 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129; Об этой королевской грамоте упоминается также в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, Царская грамота к датскому королю Фредерику II, в которой царь доказывает свои права на Лопскую землю и на

- другие места, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 225-228; См. о прибытии датского гонца и о королевской грамоте также: *Бантиш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 212.
- ³³ См. об этом: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 464 (418), 17 декабря 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129; Об этом аргументе Фредерика II упоминается в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 228; См. об этом аргументе также: *Державин В.Л.* Северный Мурман... С. 100.
- ³⁴ См. об этом: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 464 (418), 17 декабря 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129; Об этом аргументе Фредерика II упоминается в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 228; См. об этом аргументе также: *Державин В.Л.* Северный Мурман... С. 100.
- ³⁵ Об этом аргументе Фредерика II упоминается в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 228.
- ³⁶ Об этом аргументе Фредерика II упоминается в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 228.
- ³⁷ См. об этом: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 464 (418), 17 декабря 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129; Об этом аргументе Фредерика II упоминается в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 230; См. об этом аргументе также: *Державин В.Л.* Северный Мурман... С. 100.
- ³⁸ См. об этом: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 464 (418), 17 декабря 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129; Об этом аргументе Фредерика II упоминается в царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 230-231.
- ³⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, Царская грамота к датскому королю Фредерику II, в которой царь доказывает свои права на Лопскую землю и на другие места, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 227; См. об этой грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 465 (419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129.
- ⁴⁰ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 229.
- ⁴¹ Там же. Стб. 229.
- ⁴² Там же. Стб. 229.
- ⁴³ Там же. Стб. 229-230.
- ⁴⁴ См. текст перемирной грамоты: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 39, 1578 г. августа 28. Перемирная грамота царя Ивана Васильевича с датским королем Фредериком II на пятнадцать лет, с 1 сентября 1578 г. по 1 сентября 1593 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 147-160.
- ⁴⁵ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 230.
- ⁴⁶ *Никонов С.А.* Промысловые владения Троицкого Печенгского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI – середине XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 1 (февраль). С. 8.
- ⁴⁷ См. подробнее: *Никонов С.А.* О начале христианизации саамов Кольского полуострова во второй четверти XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 60-69.
- ⁴⁸ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 230; См. также: *Lind J.* The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø–Vargav... P. 252-253; *Hansen L.I.* The Overlapping Taxation Areas... P. 52.
- ⁴⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 231.
- ⁵⁰ См. также об этих особенностях административного деления Кольского полуострова: *Федоров П.В.* О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 64-65.
- ⁵¹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 231.
- ⁵² РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 24; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 56 (55), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 222.
- ⁵³ *Линд Дж. Х.* Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001. С. 220-222; См. также об использовании Полной реки и Вардехуса (Варгава) в качестве ориентиров: *Lind J.* The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø–Vargav... P. 251-252.
- ⁵⁴ Документ № 27. 1623-24 г. «Роспись лопарским погостам» // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 59. Вообще данные о расстоянии между Старым и Новым Варгавом достаточно противоречивы – см. подробнее о вероятном расположении Старого и Нового Варгава: *Lind J.* The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø–Vargav... P. 252-253; *Hansen L.I.* The Overlapping

- Taxation Areas... P. 53.
- ⁵⁵ Условный западный рубеж общего русско-датского налогооблагаемого округа проходил по реке Ивгей (Ivgojohka, Skibotnelva), впадающей в Люнген-фьорд на севере Норвегии. Река Ивгей служила ориентиром для русских сборщиков дани, название этой реки неоднократно упоминается в русских источниках в качестве рубежа с Норвегией – см., напр.: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 17. Жалоба на датчан, стесняющих рыбный промысел на Мурманском море, 1559 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 53-54.
- ⁵⁶ Lind J. The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø–Vargav... P. 253.
- ⁵⁷ Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas... P. 52-53.
- ⁵⁸ Кристенсен С.О. Датско-русские связи в период 1602-1658 годов // Дания и Россия – 500 лет / Под ред. Л.П. Поульсена-Хансена, пер. с дат. М. Тюриной. М., 1996. С. 38-39.
- ⁵⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 232-235; См. также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 465 (419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129.
- ⁶⁰ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 235.
- ⁶¹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 57, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 235-236; См. также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 465 (419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129.
- ⁶² Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 58, Опасная грамота на приезд датских послов для определения спорных рубежей между Лопской землей и городом Варгавом, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 237-238; См. об этой опасной грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 466 (420), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 129-130.
- ⁶³ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 59, Опасная грамота на приезд в Москву датских великих послов, март 1586 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 237-240; См. об этой опасной грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 467 (421), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 130.
- ⁶⁴ См. об обстоятельствах срыва пограничного съезда, напр.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 45; Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. § 471 (425), Actum Malmoss, am abendt Jacobi, weicher ist der 24-te Iulij anno 1586 etc. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 131; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 212.

THE TSAR FEODOR IVANOVICH'S POINT OF VIEW IN THE LAPLAND DISPUTE BETWEEN RUSSIA AND DENMARK-NORWAY (ON THE EXAMPLE OF THE TSAR'S LETTER OF MARCH 1586 ADDRESSED TO KING FREDERICK II OF DENMARK)

© 2022 M.V. Tolkachev

Samara Federal Research Center of the RAS

The article is devoted to the correspondence of Tsar Fyodor Ivanovich with the King of Denmark-Norway Frederick II on the Lapland issue, a major border dispute on the delimitation of the territories of European Arctic. In this paper, the author examines the system of the argumentation of the Russian power in the Lapland dispute on the example of the tsar's letter of March 1586, as well as the point of view of the Danish government on various issues related to the Lapland dispute in the Russian-Danish diplomatic relations.

Keywords: Lapland, Arctic, Far North, Kola, Kola Peninsula, Finnmark, border, letter, treaty, dispute, question, argument, tribute.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-56-68

УДК 94 (497.16)

**РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА БАЛКАНАХ:
МИССИИ Я.Н. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО И Е.П. КОВАЛЕВСКОГО
В ЧЕРНОГОРИИ (1837 - 1838). Часть 1**

© 2022 М. Милошевич, С. Станоевич

Приштинский университет в г. Косовска-Митровица, Сербия

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

В статье представлена деятельность в Черногории русских офицеров, посланников российского правительства, в период правления черногорского владыки Петра II Петровича Негоша. Их прибытие в Цетинье было важным не только для укрепления черногорско-российских отношений, но и для урегулирования внутренней и внешней ситуации в Черногории. Миссия подполковника Я.Н. Озерецковского пришлась на период после окончания визита Негоша в российскую столицу в 1837 г. Задача Озерецковского заключалась в том, чтобы как можно лучше и всесторонне изучить социально-экономическую ситуацию в Черногории, способствовать государственным преобразованиям Петра II Негоша. На основании его сведений в Петербурге принимается решение откомандировать в Черногорию другого эмиссара – молодого капитана, горного инженера Е.П. Ковалевского. Хотя Ковалевский и не нашел предполагаемых следов золота в реке Златица, он, проявляя дипломатический талант, совершенно неожиданно для себя оказался в роли эффективного переговорщика во время острого черногорско-австрийского пограничного конфликта в 1838 г., а его действия при этом способствовали благополучному разрешению последнего.

Ключевые слова: Черногория, Россия, Петр II Петрович Негош, Я.Н. Озерецковский, Е.П. Ковалевский, донесения, статистические и географические сведения.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-69-77

Сербско-русские культурные и политические связи датируются средними веками и стали особенно важны в XVIII - XIX столетиях, когда присутствие русской дипломатии на Балканах усилилось¹. Отношения между Черногорией (черногорцы и в XIX в. не отделяли себя от сербов, хотя и осознавали свою специфику) и Россией в первой половине XIX века зависели в основном от международной обстановки и от деятельности там эмиссаров российского двора. Черногория сохраняла и защищала свою самобытность от мощного влияния соседних стран, противостоящих основным принципам славянской культуры, с помощью и

при поддержке одноплеменной России². Во времена владыки Петра I Петровича (1784-1830) между Цетинье и Петербургом существовали противоречивые отношения. Посланнику царского правительства Степану Андреевичу Санковскому в 1805 г. удалось окончательно наладить русско-черногорские взаимоотношения, ухудшившиеся в 1803-1804 гг. из-за попытки митрополита предложить Наполеону Бонапарту вооруженную поддержку Черногории в борьбе против Османской империи. Идя на этот шаг, Петр I Негош не предполагал порвать связи с Россией, а его контакты с французским правительством связаны с тем, что он, заблуждаясь, предполагал наличие наступательно-оборонительного союза между Францией и Россией³.

Как и его дяде, митрополиту Петру II Петровичу Негошу (1830-1851), пришлось столкнуться с поисками внутренней оп-

Милошевич Мирослав, докторант кафедры истории философского факультета.

E-mail: mikizinjo@gmail.com

Станоевич Саша, ассоциированный профессор кафедры истории философского факультета.

E-mail: sasa.stanojevic@pr.ac.rs

позиции, во главе которой был губернатор (губернадур) Вуколай Радонич и бывшие члены Сената Иван Вукотич и Матия Вучичевич. Их безосновательные попытки дискредитировать черногорского правителя в глазах российского двора в конечном итоге не принесли ожидаемых ими результатов, а прибытие в Черногорию русских офицеров Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского положило конец разногласиям между Петербургом и Цетинье. Следует заметить, что политика России после заключенного в 1829 г. Адрианопольского мира с Османской империей была направлена на сохранение Турции как «слабого соседа». Это в дальнейшем негативно скажется на освободительной борьбе балканских народов, в том числе и черногорцев, стремившихся увеличить свою территорию за счет присоединения ранее захваченных турками у Черногории земель в ходе завоевания Балкан. В отчете российского МИД за 1834 год отмечалось, что любое расширение границ Черногории с применением военной силы приведет черногорцев к «неизбежной гибели, от которой Россия их спасти не сможет, как по отдаленности своей, так и по чистоте политических убеждений»⁴. Царское правительство не хотело какой-либо конфронтации с Портой из-за Черногории, крайне неодобрительно относилось к самой идее расширения черногорских владений, но одновременно желало сохранить за собой фактически независимую Черногорию как важную точку опоры российского влияния на Балканах. Именно во время правления Петра II Петровича Негоша отношения между Черногорией и Россией выходят на новый, более качественный уровень. Это было особенно важно для Черногории, поскольку со стороны турецких владений в Северной Албании и Герцеговине часто совершались вооруженные нападения на Черногорию. Поддержка Российской империи и присутствие ее эmissаров стали существенным фактором для стабилизации внутреннего положения Черногории и Брды (примыкавшая к Черногории горная об-

ласть и частично входящая в нее), ослабления внешней угрозы. Существенную роль в этом сыграла поездка Петра II Петровича Негоша в Петербург, куда он прибыл 30 мая 1837 года⁵. Вскоре, 4 июня, состоялась его встреча с Николаем I. Убедившись, что деятельность Негоша отвечает интересам страны, а также в том, что в случае отсутствия поддержки со стороны России внутренняя и внешняя ситуация в Черногории может резко ухудшиться и выйти из-под контроля, было принято решение оказать ей экстренную финансовую помощь, выделив для этого на 10 лет дополнительную ежегодную субсидию в 80000 рублей; кроме того, сохранялась старая (1000 червонцев) субсидия, учрежденная еще Павлом I⁶. После успешного завершения переговоров в российской столице в середине июня 1837 года Негош отбыл в Черногорию. По прибытии в Варшаву он направил на родину письмо, в котором просил подготовить встречу для одного «скромного» человека. Этим человеком был специальный российский посланник, находившийся тогда еще в Вене, подполковник Корпуса жандармов Яков Николаевич Озерецковский⁷. Надо сказать, что еще во время пребывания Петра II Негоша в России было уже принято решение о направлении в Черногорию именно Я.Н. Озерецковского для сбора обширных и разнообразных сведений о Черногории. Из Вены, куда по пути домой прибыл Негош, Я.Н. Озерецковский информировал своего непосредственного начальника управляющего III Отделением А.Н. Мордвинова о благополучном завершении визита Петра II Негоша в Россию и о щедрой помощи императора Николая I Черногории⁸. Отправляясь в Черногорию, Я.Н. Озерецковский увозил с собой треть ежегодной субсидии, то есть 26666 рублей 66 копеек⁹.

6 августа Я.Н. Озерецковский отправился из Вены в Триест, где его уже ждал Негош. В инструкции для Озерецковского директора Азиатского департамента МИД К.К. Родфиникина была четко обозначена идея о том, что в Петербурге теперь должны более

активно заниматься делами и проблемами Черногории. Я.Н. Озерецковскому следовало наблюдать за тем, чтобы российская субсидия была действительно употреблена на «обеспечение беднейших из черногорцев и на внутреннее благоустройство народа»¹⁰. Во время своего пребывания в Черногории российский эmissар должен был собрать как можно больше сведений о стране, о ее социальной и экономической жизни, политической и военной ситуации, культурной среде. Его миссия заключалась и в том, чтобы следить за работой черногорского правителя и давать ему советы по внутренней организации государства. Кроме того, на Я.Н. Озерецковского возлагалась задача повлиять на владыку в вопросе установления добрососедских отношений с пограничными турецкими владениями¹¹.

Негош и Озерецковский прибыли 23 августа в Котор, бывший тогда австрийским владением, где его самого и владыку ждал торжественный прием, а затем они вместе отбыли в Черногорию в Цетинье. Еще по дороге Я.Н. Озерецковский информировал А.Н. Мордвинова о нападении североалбанцев на черногорское укрепление вблизи Скадарского озера, что в очередной раз свидетельствовало о нестабильной ситуации на границах с османскими владениями. Он также известил о кровавой имущественной ссоре между отцом и сыном, которая закончилась гибелью последнего¹².

Вскоре по их приезде Петр II Негош собрал в Цетинье сабор (народное собрание), в котором участвовали представители всех черногорских нахий (областей). Митрополит хотел использовать приезд русского представителя для завершения еще ранее принятых преобразований черногорского общества. Само присутствие Я.Н. Озерецковского придавало его реформам правовое обоснование, поскольку они тем самым получали официальное одобрение со стороны представителя России. На саборе было принято решение о реформе всего государственного аппарата. Это относилось к организации и работе учрежденных еще в

1831 г. Сената, гвардии и перяников (телохранителей главы государства). В частности, был избран новый Сенат, в котором теперь было 12 сенаторов и председателем которого был брат Негоша Перо Томов. Избрано и 30 перяников и около 400 членов гвардии¹³. Были оглашены рекомендации из Петербурга по укреплению порядка в стране, недопущению произвола и розни в племенах (черногорское племя – административно-территориальная единица, аналог сербской кнежины) и борьбе за поддержание мира на границе с Османской империей. При достижении этих целей можно было рассчитывать на помощь России и в будущем¹⁴. По совету Я.Н. Озерецковского владыка направил письма скадарскому и герцеговинскому визирям, призывая их к установлению мира¹⁵. Впрочем, сам Озерецковский, столкнувшись с жизненными реалиями, полагал, что рассчитывать на миролюбивые отношения между народами, разделенными практически нескончаемой враждой, не приходится¹⁶. Я.Н. Озерецковский самым тесным образом общался с владыкой, его секретарем Дмитрием Милаковичем, предлагал наиболее целесообразно использовать денежные суммы русской субсидии. В частности, это касалось острой необходимости заняться строительством дорог, поскольку их полное отсутствие существенно замедляло экономическое развитие Черногории, ее внешнюю торговлю, в частности, с австрийским Котором. «Глыбы гор, через которые пробираются черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать, с камня на камень, позволяет им посещать Катаро», куда черногорцы приносили на базар связки дров, шерсть, кожи, пригоняли скот¹⁷. Путь от Цетинского монастыря до Котора занимал у черногорца от четырех до пяти часов ходьбы. Однако все это требовало больших денежных средств. Даже для того, чтобы «по ущельям и скатам гор провести тропинку» до Котора, удобную для поклажи и «небольших экипажей», требовалось 200 тысяч рублией¹⁸.

Таким образом, строительство дорог откладывалось до лучших времен, а русскую субсидию, продление которой, по мнению Озерецковского, нужно было на 10 лет, следовало употребить «на устройство прочного правительства, которое могло бы вести народ к повиновению и порядку», – сообщал он в письме Д.П. Татищеву¹⁹. Я.Н. Озерецковский предлагал установить для черногорцев хотя бы небольшую подать. Сообщал он и о том, что в Черногории проживает до 20000 мужчин, готовых в любой момент взяться за оружие. Также он упомянул об экономической ситуации в этой бедной стране. Из сельскохозяйственных культур здесь выращивали рожь, ячмень и кукурузу, но плодородных земель для возделывания было очень мало. Настоящее богатство Черногории – животноводство. Катунская нахия торговала крупным рогатым скотом и сушеным мясом с соседними австрийскими областями. Риечская нахия славилась большим количеством рыбы. Также Озерецковский сообщил о возможном наличии золота в реке Златица (Брда, племя Кучи), которое могли бы проверить геологи²⁰.

Тогда же Я.Н. Озерецковский отправил донесение своему высшему начальству, шефу Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфу, где информировал о политическом и экономическом положении в Черногории и реформах Петра II Негоша. Я.Н. Озерецковский предполагал, что за два месяца ему удастся собрать достаточно необходимой информации о Черногории, но затем зима и непроходимые дороги скажутся на его дальнейшей работе, и тогда он предлагал вернуть его в Вену. Заключая письмо, Я.Н. Озерецковский подчеркивал, что любая помощь, оказанная российским императором Черногории, будет являться в полном смысле этого слова «помощью человечеству». Она, безусловно, повлияет на то, чтобы избавить этот многострадальный народ от невежества, в котором он погряз, будет способствовать его процветанию и в то же время увеличит славу «нашего великого государя»²¹.

Во время своего пребывания в Черногории Я.Н. Озерецковский также повлиял на определение внешнеполитического курса этой страны. Мы уже упоминали его советы по поддержанию мира на границах с Османской империей, одновременно он оказывал сильное влияние на Негоша и его старейшин и в вопросе скорейшего разграничения между Черногорией и соседними австрийскими владениями в Далмации, нормализации черногорско-австрийских взаимоотношений²².

В целом удовлетворенный государственными преобразованиями, которые Негош сумел провести с его помощью, Я.Н. Озерецковский старался как можно ближе познакомиться с Черногорией, ее экономической и социальной структурой, национально-политическими стремлениями и возможностями, историей, нравами и обычаями народа. В этом отношении, помимо долгих бесед с владыкой, значительную помощь Я.Н. Озерецковскому оказывал Димитрий Милакович. Он снабжал его информацией обо всем, что интересовало российского посланца, помогал составлять записи и готовить материалы исторического характера. В начале октября 1837 года Озерецковский провел две недели вместе с владыкой, посещая Риечскую и Црмницкую нахии. Работу Якова Николаевича облегчал тот факт, что уже на первом этапе его миссии ему удалось завоевать большую симпатию и доверие черногорского правителя. Это стало одной из основных причин, по которой российский посланник пользовался любовью всех соратников Негоша²³. Он тесно общался и даже побратался с воеводой Дж. Кнежевичем, которого не забыл и после своего возвращения в Россию. Еще одной страстью, сблизившей Озерецковского и Негоша, стала общая любовь к литературе. Помимо этого, как на основании австрийских источников, так и письма черногорского владыки, можно установить, что Озерецковский сыграл существенную роль в возведении строения «Бильярда» в Цетинье. Адъютант губернатора Далмации графа

Лилиенберга капитан Фридрих Орешкович в докладе ему писал, что в Цетинье ведется строительство дома для сенаторов и что российский подполковник уже составил для него проект. В письме к русскому вице-консулу в Дубровнике (Рагузе) Й. Гагичу в конце января 1838 года Негош упоминал, что много денег было потрачено на материалы для здания, которое он строит вместе с русским подполковником²⁴.

Долгая дорога, морское путешествие, смена климата, а также трудные переходы по черногорским горам существенно ослабили здоровье Озерецковского. Почти две недели он испытывал крайнее истощение и в конце концов решил отправиться на лечение в Котор. «Меня перенесли туда на руках черногорцы», – сообщал он в письме к А.Н. Мордвинову 18 сентября 1837 года²⁵. С помощью опытного доктора Августина через пять дней он снова встал на ноги и вернулся в Цетинье к своим прежним обязанностям. Я.Н. Озерецковский воспользовался возможностью, чтобы опровергнуть в своем донесении А.Н. Мордвинову обвинения и сплетни в адрес владыки, соглашаясь только с тем, что это очень молодой правитель. Военная угроза делает даже священника воинственным человеком. «Теперь черногорский поп с обритой бородою и двумя пистолетами за поясом – тот же воин», – замечал Озерецковский²⁶.

Между тем состояние здоровья русского подполковника не улучшалось. Обеспокоенный владыка попросил окружного предводителя Котора Габриеля Ивачича направить ему врача в Цетинье. Ивачич отозвался на эту просьбу и послал доктора Августина²⁷. Тот провел в Цетинье три дня, сделав вывод, что болезнь Озерецковского очень серьезна. Каждый день температура чередовалась у него с нервными приступами. Озерецковский страдал бессонницей и совсем ничего не ел. По совету доктора Августина 22 октября Озерецковский снова из Цетинье приехал в Котор, чтобы здесь находиться под постоянным его присмотром. В его честь Негош, проявляя дальновид-

ность и повышая Озерецковского в чине, написал стихотворение «Отъезд из Черногории г-на полковника Озерецковского», опубликованное в альманахе «Горлица» за 1839 год²⁸. Власти Австрии живо интересовались здоровьем русского посланника. В первую очередь и больше всего их интересовало то, какие известия Озерецковский повезет с собой в Вену, а затем и Петербург. В. Лилиенберг даже гостеприимно приглашал его в свой дом в Задаре. Командующий крепостью в Которе граф Теодор Карачай сообщал губернатору Далмации, что 2 ноября российский подполковник отправился в Триест. Я.Н. Озерецковский показал Карачаю «меморандум», который он в то время подготавливал для русского императора, а также карту Черногории. Поделится он и своими хорошими впечатлениями о Негоше и Черногории. По словам Г. Ивачича, во время лечения Озерецковский высказывал и проявлял необычайную привязанность к Черногории и самому Негошу. Он всюду расхваливал его предприимчивость, энергию и большие способности. Даже слабое здоровье не помешало ему в дальнейшем продолжить эффективно выполнять свою миссию в защиту Черногории в Вене и Петербурге²⁹, хотя лечащий его врач предрекал Озерецковскому всего лишь 5 месяцев жизни³⁰.

Прибыв в Вену и доложив о результатах своей миссии, Озерецковский остался недоволен тем, как российское посольство отреагировало на доставленные им сведения. Позже в письме Негошу он с огорчением отмечает, что в российском посольстве все безразлично к делам и положению черногорского народа и что «многим, если не всем, казался даже помешанным на мысли о Черной Горе»³¹. Несмотря на болезнь он все же выехал из Вены в Петербург, поставив перед собой две задачи: 1) сообщить императору подробные и достоверные сведения о Черногории; 2) представить Петра II Петровича Негоша перед российским двором «с правильной точки зрения» и тем самым разоблачить всю ложь о Черногории и привлечь внимание Николая I к пробле-

мам этой страны³². После отъезда Озерецковского черногорский владыка направил российскому послу Д.П. Татищеву письмо с положительной оценкой работы русского посланника во время его пребывания в Черногории. «Не только я, но и весь народ черногорский и брдский доволен миссией г-на подполковника», – отмечал Негош³³.

В начале 1838 года, после двенадцати дней путешествия, Озерецковский прибыл в Петербург. О его энергичной деятельности свидетельствует тот факт, что всего через несколько дней многие при дворе стали интересоваться судьбой Черногории. Он вручил своему начальнику А.Х. Бенкендорфу альбом с рисунками из Черногории. Император Николай I и его семья были в восторге от этого альбома. Тогда Озерецковский попросил Бенкендорфа показать императору черногорские народные костюмы. Выставку этих костюмов в Аничковом дворце посетили император, императрица и престолонаследник³⁴.

Воспользовавшись благосклонностью императорского двора, 24 февраля 1838 г. Озерецковский представил Бенкендорфу обширное донесение «О Черногории», где обрисовал политическую, демографическую и экономическую ситуации в стране. Он сообщал, что в Черногории проживает около 100000 человек, исповедующих православие, говорящих на сербском языке, безоговорочно преданных России и видящих в русском царе своего «державного государя». Геополитическое положение страны крайне неблагоприятно, так как она окружена территориями, занятыми герцеговинскими и скадарскими «турками», а адриатическое побережье находится в австрийском владении. В донесении Я.Н. Озерецковский выдвинул идею о переселении нескольких черногорских семей на Кавказ, поясняя, что этот воинственный народ, безусловно, будет полезен России в борьбе против горцев. Экономическое положение Черногории было крайне тяжелым из-за малого количества пригодных к сельскохозяйственной обработке земель,

частых неурожаев. В связи с этим Я.Н. Озерецковский вносил предложение о доставке в Черногорию из Одессы «хлеба и соли, чтобы митрополит мог на случай голода и неурожая иметь запасы продовольствия»³⁵. Вопрос о поставке зерна Я.Н. Озерецковский обсуждал и с вице-канцлером К.В. Нессельроде. Российский министр иностранных дел выразил по этому случаю готовность составить предложение для императора о направлении Черногории зерна в виде безвозмездной помощи. Он подсчитал, что на первое время будет достаточно 5000 четвертей, но по настоянию Я.Н. Озерецковского согласился предложить Николаю I увеличить количество зерна до 10000 четвертей (2000000 килограммов). Впечатленный всесторонними сведениями, полученными от Я.Н. Озерецковского, российский император без колебаний принял рекомендации вице-канцлера и разрешил отправить предложенное количество зерна в Черногорию с пояснением, что это позволит черногорскому правителю создать склады с запасами продовольствия на случай неурожайных лет. О решении Николая I Негош узнал только в конце июля 1838 г. Осознавая огромное значение для Черногории этого решения, Негош в специальном письме Николаю I подчеркнул, что это еще один большой знак внимания к Черногории и ее народу. Первый груз зерна прибыл в порт Дубровника из Одессы в начале ноября. Несколько недель спустя прибыло и другое судно, которое доставило только пшеницу и рожь. Общий груз зерна, доставленный обоими судами, составил 1230 четвертей пшеницы, 850 четвертей ржи и 1400 четвертей кукурузы³⁶.

К своему донесению Бенкендорфу Озерецковский приложил и статистические данные по Черногории, таблицу ее административно-территориального устройства, а также записку со сведениями о монастырях. По его информации, на тот момент в Черногории проживало 39 племен в 334 селах. Из примерно 100000 жителей 19500 человек были способны воевать³⁷. В Черногории, по

сведениям Озерецковского, действовало 15 монастырей, живущие там монахи содержались на добровольные пожертвования прихожан. Каждый дом был обязан дать церкви мешок кукурузы (около 30 венецианских фунтов). Я.Н. Озерецковский замечал, что духовенство редко совершало богослужения, в основном это происходило два-три раза в год. Священники в основной массе не отличались от мирян, и почти все из них даже не носили священнической одежды, а «носят за поясами пистолеты и ятаганы»³⁸. Николай I лично ознакомился с донесениями Я.Н. Озерецковского и остался ими доволен. За свои заслуги Я.Н. Озерецковский Николаем I был произведен в чин полковника и получил от императора золотую табакерку с бриллиантами. «Видите ли, Ваше Высокопреосвященство, как милосерден Бог, как праведен и могуч русский царь – как моя работа и наш совместный труд привели к успеху...» – замечал он в письме черногорскому правителю в начале мая 1838 года³⁹.

В своем докладе А.Х. Бенкендорфу Я.Н. Озерецковский указывал на реальную опасность со стороны Австрии для независимости Черногории. У Я.Н. Озерецковского были все предпосылки, чтобы реалистично оценивать политические претензии Габсбургской монархии, поскольку, являясь представителем России, он имел возможность следить за политическими играми венского правительства, когда еще был в австрийской столице. Участие России в делах Черногории было для венского правительства не только «неприятным», но и нацеленным, как оно полагало, непосредственно против австрийских интересов. Как подчеркивал Озерецковский, австрийское правительство систематически поощряло кампанию против Черногории в Вене и через своих дипломатов в Петербурге, стремясь скомпрометировать черногорцев и их правителя в глазах России и тем самым лишить черногорское руководство и митрополита ее поддержки⁴⁰.

Усилия Якова Николаевича Озерецковского не пропали даром. После 1837 года

царское правительство все политические и дипломатические шаги в отношении этой страны предпринимало исходя уже из того факта, что среди черногорцев выстроена система государственной власти и что Черногория фактически является полностью оформленным независимым государством. С тех времен Петербургский кабинет считал своим долгом никогда не упускать из виду интересы этого маленького славянского государства на Балканах, поскольку исходил из той точки зрения, что Черногория играет существенную роль в сложных комбинациях восточной политики⁴¹. Его миссия, без сомнения, повлияла на императора Николая I и российский двор, заставив их поверить в то, что черногорский правитель Петр II Петрович Негош действовал во благо своей страны и в соответствии с интересами российской политики на Балканах.

В дальнейших черногорско-русских отношениях были и трудности, и взаимные разногласия, однако русское правительство никогда больше надолго не забывало и не игнорировало полностью проблемы этой страны. На протяжении всего XIX века Черногория постоянно фигурировала в планах внешней политики России⁴². В мае 1838 года Озерецковский вернулся в Вену и приступил к своей прежней деятельности. Казалось, это было новое начало его богатой дипломатической карьеры. Однако удача в этот раз была к нему менее благосклонной. В 1842 г. он был назначен управляющим Крымским соляным правлением в Перекопе. В этом маленьком уединенном городке он все же находил в себе духовные силы для продолжения своей литературной деятельности. Покровительствуя искусству, он на собственные деньги построил театр, открыл библиотеку, организовывал литературные вечера и концерты. Во время Крымской войны он в своем доме организовал лечение раненых. Умер в Одессе 26 октября 1864 года в возрасте 63 лет⁴³.

Окончание в следующем номере.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Атлагич М.П., Элезович Д.М.* Служба сербов в Российской империи в XVIII-XIX вв. // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 156-161.
- ² *Распопович Р.* Возможности сохранения и укрепления славянской идентичности в условиях распада славянских государств // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2. С. 80.
- ³ *Аншаков Ю.П.* Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. Жизнь общества, становление государства, освободительная борьба, внешняя политика (1711-1860 гг.). М., 2019. С. 199.
- ⁴ *Белов М.В., Вишняков Я.В.* Сентиментальный жандарм: миссия Я.Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 159.
- ⁵ Все даты указаны по новому стилю.
- ⁶ *Аншаков Ю.П.* Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах... С. 345.
- ⁷ Яков Николаевич Озерецковский родился в Петербурге в 1801 году. Его отец, Николай Озерецковский, академик времен Екатерины II, был известен в России своей научной и культурной деятельностью. Я.Н. Озерецковскому посчастливилось получить в отцовском доме хорошее образование. Достигнув совершеннолетия, он вступил в Московский лейб-гвардии полк в Петербурге. Будучи офицером, он не скрывал своего литературного таланта. Его короткие и остроумные очерки, напечатанные в столичных газетах и литературных журналах на темы разных уголков России, от Соловецкого монастыря до персидской границы, где он в качестве офицера участвовал в военных походах и операциях, пленили внимание петербургской читающей публики. Еще будучи адъютантом графа А.Х. Бенкендорфа, Я.Н. Озерецковский проявил склонность и способности к дипломатической службе. Именно поэтому его назначили на работу при российском посольстве в Вене, где он смог еще больше развить в себе эти качества, представляя дипломатические и политические интересы своей отчизны.: *Павићевич Б.* Његош и Јаков Николајевич Озерецковски // *Историјски записи*. 1967. № 24. С. 6-7.
- ⁸ *Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е гг.).* Документы / Ответственные редакторы: Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013. Док. 145. С. 393.
- ⁹ Там же. Док. 148. С. 399.
- ¹⁰ *Петр II Петрович Негош и Россия ..* Док. 140. С. 383-384.
- ¹¹ *Павићевич Б.* Његош и Јаков Николајевич Озерецковски... С. 9-10.
- ¹² Тайная миссия полковника Я.Н. Озерецковского / Публ. В. Боковой // *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII - XX вв.: Альманах*. М., 2003. С. 337.
- ¹³ *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе 1711 - 1918. С. 241-242.
- ¹⁴ *Пејовић Ђ. Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Народна књига. Београд. 1981. С. 375.
- ¹⁵ *Петр II Петрович Негош и Россия...* Док. 151. С. 402-403. Я.Н. Озерецковский перевел письмо албанскому Осману-паше на русский язык и отправил его в Петербург. Тем самым он хотел продемонстрировать своему руководству, что черногорский владыка действует исключительно в русле российских политических рекомендаций.
- ¹⁶ *Петр II Петрович Негош и Россия...* Док. 153. С. 411.
- ¹⁷ Там же. С. 407.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С.408.
- ²⁰ Там же. С. 409-410.
- ²¹ Там же. Док. 152. С. 404-405.
- ²² *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. ЦАНУ. Титоград. 1984. С. 234.
- ²³ *Павићевич Б.* Његош и Јаков Николајевич Озерецковски... С. 24.
- ²⁴ *Миловић Ј.М.* Његошева Биљарда // *Историјски записи*. 1951. № 7. С. 1-2.
- ²⁵ *Петр II Петрович Негош и Россия...* Док. 154. С. 413.
- ²⁶ Там же. С. 413-414.
- ²⁷ *Павићевич Б.* Његош и Јаков Николајевич Озерецковски ... С. 25.
- ²⁸ *Аншаков Ю. П.* Черногория - «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах... С. 357.
- ²⁹ *Миловић Ј.М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. С. 244-249.
- ³⁰ *Павићевич Б.* Његош и Јаков Николајевич Озерецковски ... С. 27.
- ³¹ *Вуксан Д.* Писма Озерецковског, Коваљевског и Чевкина владици Раду // *СКА Споменик*. 1935. № LXXXI. С. 7.
- ³² *Аншаков Ю.П.* Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах... С. 358.
- ³³ *Петр II Петрович Негош и Россия...* Док. 156. С. 416-417.
- ³⁴ *Вуксан Д.* Писма Озерецковског, Коваљевског и Чевкина... С. 7-8.
- ³⁵ *Петр II Петрович Негош и Россия ...* Док. 158. С. 419-425.
- ³⁶ *Павићевич Б.* Руска помоћ у житу Црној Гори 1838. године // *Историјски записи*. 1968. № 25. С. 13-16.

³⁷ Петр II Петрович Негош и Россия ... Док. 160. С. 428-429.

³⁸ Там же. Док. 162. С. 432-433.

³⁹ Вуксан Д. Писма Озерецковског, Ковалевског и Чевкина... С. 8.

⁴⁰ Павићевић Б. Његош и Јаков Николајевић Озерецковски ... С. 30-31.

⁴¹ Там же. С. 43.

⁴² В 1840 году Озерецковский представил Бенкендорфу свою статью «О политическом положении Черногории». Тот принял его предложения, однако считал, что подходящий момент раскрывать это не настал. Вице-канцлер Несельроде полностью согласился с таким выво-

дом. К сожалению, данная рукопись Озерецковского не сохранилась. Предполагается, что в содержании данной рукописи присутствовали критические суждения Озерецковского в адрес политики турецкого правительства относительно Черногории. Возможно, в условиях турецко-египетского кризиса 1839-1840 гг., в котором Россия встала на сторону султана, нежелательно было напоминать Порте о Черногории, еще одной ее болевой точке (Аниш-ков Ю.П. Черногория «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах... С. 359-360).

⁴³ Павићевић Б. Његош и Јаков Николајевић Озерецковски... С. 8-9.

**RUSSIAN DIPLOMACY IN THE BALKANS:
MISSION OF YA. OZERECKOVSKY AND E. KOVALEVSKY
IN MONTENEGRO (1837 - 1838). Part 1**

© 2022 M. Milosevic, S. Stanojevic

University of Pristina – Kosovska Mitrovica, Serbia

The paper is devoted to the activities of Russian officers and envoys of the St. Petersburg government during the reign of Bishop Petar II Petrović Njegoš in Montenegro. Their arrival in Cetinje at that time was of great importance not only for strengthening Montenegrin-Russian relations, but also for settling the internal and external situation in Montenegro. The appointment of Lieutenant Colonel Jakov Nikolajevich Ozereckovski took place immediately after Njegoš's second visit to the Russian capital. Ozereckovski's tasks were to study the social and economic situation in Montenegro as comprehensively as possible, as well as to contribute to the state reforms of Petar II Njegoš. Based on his reports, the Russian government decided to send a new envoy to Montenegro, a young captain and mining engineer Yegor Petrovich Kovaljevski. Although he failed to find the alleged traces of gold in the river Zlatica, Kovaljevski nevertheless unexpectedly found himself in the role of a talented negotiator during the Montenegrin-Austrian border dispute, and his actions contributed to the successful resolution of the conflict.

Keywords: Montenegro, Russia, Petar II Petrović Njegoš, Ya.N. Ozereckovski, E.P. Kovaljevski, reports, statistical and geographical information.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-69-77

Miroslav Milosevic, Doctoral Student, Department of History, Faculty of Philosophy.

E-mail: mikizinjo@gmail.com

Sasa Stanojevic, Dr. Sc. in History, Associate Professor, Department of History, Faculty of Philosophy.

E-mail: sasa.stanojevic@pr.ac.rs

УДК 94 (73)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КИНЕМАТОГРАФЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ США

© 2022 С.О. Буранок

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 28.12.2021

Изучая представления о Второй мировой войне в американском кинематографе на основе историографии США, автор выделил три принципиально разных подхода к проблеме анализа «боевых фильмов»: 1) исследование фильмов как одного из инструментов пропаганды и идеологии. В таких трудах доказывается, что происходила очень тесная работа федерального правительства и Голливуда, особенно в период 1939 – 1945 гг., по созданию через фильмы нужных образов войны, союзников и врагов; 2) исследование фильмов с культурологических позиций, где на первый план выступает соотношение вымысла и реальности, авторские подходы и концепции режиссёров, влияние фильмов на искусство США. Ключевыми в этой категории являются такие проблемы, как определение жанра фильмов, особенностей сюжета, мотивов и смыслового содержания; 3) изучение ведомств и структур, создающих фильмы (прежде всего крупнейших киностудий). Это направление связано с анализом пропаганды, но делает большой акцент на исследование взаимодействия внутри кинособщества.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-78-82

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00099, <https://rscf.ru/project/22-28-00099/>

Изучение особенностей визуализации и мифологизации Второй мировой войны в американском кинематографе – важнейший этап для изучения развития специфики американской пропаганды, т.к. методы и приемы изображения войны, врагов и союзников, сформировавшиеся в 1941 – 1945 гг., сохраняют свое значение и на современном этапе. В современных гуманитарных науках постоянно идет процесс расширения методов анализа, подходов к пониманию предмета исследования, междисциплинарному синтезу. Кинематограф США в годы войны и создавал новые мифы, и активно эксплуатировал старые, совмещая их с традиционными голливудскими клише о «хорошей войне», «счастливом финале», «благородном поражении» – все это служило краеу-

гольным камнем в создании воображаемой войны на экране, которая была призвана решить множество внутривластных задач, связанных не только с пропагандой и агитацией военных займов.

В американской историографии существует большой массив работ, посвященный различным аспектам истории кинематографии периода Второй мировой войны. На данный момент сформировалось несколько направлений изучения этой проблемы. Прежде всего, это труды, анализирующие идеологическую составляющую военных фильмов. Так, наиболее известные историки боевого кинематографа Дж. Бейсингер и С. Нил поднимают вопрос о зависимости идеологии фильма от его жанра¹. Н. Браун и Р. Эбервейн, отмечая жанровый приоритет в изучении фильмов, доказывают, что большое влияние и на идеологию, и на образы в кино оказывают такие элементы, как «раса», «гендер» и «историзм»². Как правило,

*Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения.
E-mail: witch-king-1@mail.ru*

указанные авторы не делают сильных различий между терминами «боевой фильм», «военный фильм», относя их к одному жанру исходя из одинаковой идеологической базы данных фильмов.

Исследователи данного направления отмечают, что мифы и образы Второй мировой войны, созданные в американском кино, оказывали немедленное влияние на средства массовой информации, общественные настроения и мнения³. Многие из приемов по визуализации данных метафор, концептов и оценок продолжают функционировать и в современном кинематографе.

Другая группа авторов сосредоточена на изучении индустрии кино, специфики именно производства фильмов, на вопросах взаимодействия режиссеров-актеров-продюсеров и государственных структур. Для Г.Блэка и К. Копписа Вторая мировая война представляется ключевым временем, когда государственные ведомства США установили наиболее тесное сотрудничество с кинематографом и даже своеобразный диктат над Голливудом⁴. Они показывают, что после Перл-Харбора старый конфликт интересов государства и Голливуда не исчез на волне патриотизма. Как и не исчезла напряженная борьба между режиссерами и продюсерами за влияние, доходы и общественное мнение⁵. В указанных работах проводятся исторические параллели между процессом формирования образа 7 декабря и другими ключевыми датами американской истории. Государственная пропаганда США с 1941 г. стремилась придать формированию визуальных образов новой войны исторический характер и контекст. А сами новые аудиовизуальные образы войны изучаются (историками данного направления) в контексте роли исторической памяти в массовом сознании⁶.

И третье направление историков американского кинематографа изучает отражение культурно-исторических реалий в кинолентах периода войны⁷. Для Дж. Чемберса и Л. Саида особенно важным был процесс установления соответствия между

историей и ее изображением на экране. И такой исследовательский посыл делал категорию жанра ключевой для данных авторов.

Особо стоит упомянуть о диссертационных исследованиях боевых фильмов США в целом и творчества Джона Форда в частности. Его жизнь и творчество часто становились предметом исследования специалистами. Так, Дональд Андерсон и Питер Богданович рассмотрели основные вехи биографии режиссера⁸. Джон Бэкстер, Уильям Дарби и Тэд Гэллахер больше сконцентрировались на творческой биографии Джона Форда⁹. А Билл Леви, Чарльз Меленд, Сэм Гиргаз анализировали место Форда в сравнении с другими режиссерами эпохи¹⁰. Первые диссертации по данной проблеме были написаны еще во второй половине 1970-х годов: это работы Джейн Плайс «Джон Форд и семиология фильма», в которой ключевое значение автор придавал категории «жанр», разделяя все фильмы Форда на две группы: вестерны и не-вестерны, доказывая принципиальные различия в создании каждой из данных групп¹¹; Томаса Гэллахера «Фильмы Джона Форда»¹². Работа строилась на критическом историческом анализе всего творчества режиссера. Предвоенные фильмы Форда изучены в диссертациях Чарльза Мэленда и Питера Лемана¹³. Указанные диссертации построены на сочетании двух исследовательских направлений: искусствоведческого – анализ особенностей стиля режиссера и методов его творчества и исторического – изучение преломлений реальности в кинолентах Форда.

В начале XXI века большую популярность приобретают диссертации, рассматривающие пропагандистский аспект деятельности Джона Форда. В 2001 г. Т. Аллисон представила диссертацию «Бои на экране: воссоздание Второй мировой войны в американских фильмах»¹⁴. Основной своей задачей исследовательница поставила – проследить эволюцию в фильмах таких понятий как, «война», «насилие», «жертвы», «патриотизм», а также показать, какими средствами в разные эпохи и в различных

фильмах данный идеологический фон формировался.

С иных позиций к фильмам США подошла Дженнифер Зварич в диссертации «Федеральные фильмы: бюрократизм и инициатива государственной кинокомпании США 1901 – 1941»¹⁵, доказывая, что с самого начала своего существования радио и кинематограф США были важным компонентом внешней политики. Конгресс, Голливуд, Белый Дом, спецслужбы развернули в 1930-е – 1940-е годы настоящую войну за контроль над этим элементом.

С близких позиций написана и диссертация Ноа Цика, посвященная анализу роли военных в документальных фильмах первой половины XX века¹⁶. Джеймс Шнайдер в диссертации также изучает документальные фильмы периода Нового курса, доказывая, что далеко не все фильмы имели пропагандистскую направленность и подход к изучению кинематографа только с позиций истории пропаганды – чрезвычайно узкий и не всегда результативный¹⁷.

Другая же группа исследователей, наоборот, подчеркивает прямую взаимосвязь между помощью государственных ведомств в создании фильмов и пропагандой, показывая, что все киноленты, снятые при военной (гласной и негласной) цензуре, государственном финансировании, имеют ярко выраженный пропагандистский характер, который должен интересовать исследователей в первую очередь¹⁸.

Особое направление в историографии США – это анализ особенностей эволюции пропаганды в военные годы. В центре данных исследований находится анализ деятельности Управления военной информации¹⁹, а также взаимодействие государственной пропаганды с Голливудом, радио²⁰ и прессой²¹. В данных исследованиях историки обращаются к междисциплинарным методам гуманитарных наук, разработанным в результате целого ряда «поворотов» в развитии современного гуманитарного знания, включая «антропологический», «лингвистический», «культурный», призываю-

щим изучать восприятие мира, поведение человека в прошлом во всей совокупности социально-экономических, политических, культурных практик, принятых в изучаемом обществе в данное время²². Кроме того, достаточно популярными являются методы исторической имагологии с помощью которых американские историки пытаются проследить эволюцию процесса визуализации и мифологизации Второй мировой войны в кинематографе США²³.

В современных исследованиях, посвященных истории войн, достаточно востребованным направлением является изучение специфики информационного дискурса. А особую роль в данном дискурсе играет пропаганда через кинематограф, который использует образы, исторические символы и устойчивые метафоры, обращение к которым может сформировать определенную общественную реакцию²⁴. Это, по мнению, С. Кэмпбелл, напрямую связано с изучением кинематографа не только как средства пропаганды, но и как средства формирования информационной политики, исторической памяти, массового сознания американцев в годы войны²⁵. Кроме того, «метафоричное мышление» политиков, как и сознательная эксплуатация метафор при взаимодействии в информационном дискурсе – хорошо прослеживается по фильмам, и можно реконструировать заложенные в кинопродукции образы с помощью анализа метафор²⁶.

Следовательно, анализ историографии процесса мифологизации и визуализации Второй мировой войны через кинематограф США необходим как для более глубокого понимания специфики его развития и функционирования, так и для составления более предметного представления особенностей формирования образа врагов и союзников, образов войны и мира через кинематограф²⁷. Изучение данной проблемы поможет установить закономерности развития процесса визуализации и мифологизации войны и создать на основе этого универсальную модель анализа кинообразов периода войны.

Анализ американской историографии по проблеме изучения фильмов как исторических источников показывает, что существует три принципиально разных подхода к теме: 1) исследование фильмов как инструментов пропаганды и идеологии. В таких трудах доказывалась тесная работа правительственных структур США, особенно в период 1941 – 1945 гг., по созданию через фильмы нужных образов войны, союзников и врагов; 2) исследование фильмов с культурологических позиций, где на первый план выступает соотношение вымысла и реальности, авторские подходы и концепции режиссеров, влияние фильмов на искусство США; 3) изучение ведомств и структур, создающих фильмы. Это направление связано с анализом пропаганды, но имеет больший акцент на исследование взаимодействия режиссеров и Голливуда.

Однако очень мало исследований фильмов именно как исторических источников, где бы киноленты были проанализированы не только с точки зрения культурологии и пропаганды, но и как элементы общественно-политической жизни США, где бы было показано влияние фильмов на прессу и общественность, а также отражение исторических концепций и политических споров в фильмах 1940-х годов.

В итоге, несмотря на значительное количество работ, посвященных процессу развития американской кинопропаганды, многие значимые и принципиальные аспекты и проблемы, связанные с этапами эволюции визуального образа Второй мировой войны в американском кинематографе и трансформации данного образа под влиянием общественной мифологии, внешнеполитических событий, социально-экономических изменений в культурные коды американского общества, остаются неисследованными.

Из анализа историографии следует, что проблема изучения кинематографа как средства визуализации и одновременно мифологизации Второй мировой войны изучена в историографии США не в полном объеме, без привлечения широкого

круга источников; не выявлены конкретные структурно-содержательные элементы, формирующие кинообразы войны в США и влиявшие на формирование американской Я-концепции в середине XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Basinger J.* The World War II Combat Film. Middletown, 2003; *Neale S.* Genre and Hollywood. New York, 2000.
- ² *Eberwein R.* The War Films. New York, 2004; *Browne N.* Refiguring American Film Genres: History and Theory. Los-Angeles, 1998.
- ³ *Neale S.* Genre and Hollywood. New York, 2000.
- ⁴ *Koppes C., Black G.* Hollywood Goes to War: How Politics, Profits and Propaganda Shaped World War II Movies. New York, 1990.
- ⁵ *Kane K.* Visions of war: Hollywood combat films of World War II. New York, 1982; *Doherty T.* Projections of War: Hollywood, American Culture, and World War II. Washington, 1999; *Hoopes R.* When the Stars Went to War: Hollywood and World War II. New York, 1994.
- ⁶ War, media, and propaganda: A global Perspective. New York, 2004.
- ⁷ *Suid L.* Guts and Glory: The Making of the American Military Image in Film. Lexington, 2002; *Chambers J.* World War II, Film and History. Oxford, 1996.
- ⁸ *Anderson D.K.* John Ford. New York, 1972; *Bogdanovich P.* John Ford. London, 1967.
- ⁹ *Baxter J.* The Cinema of John Ford. London; New York, 1971; *Darby W.* John Ford's Westerns: A Thematic Analysis, with a Filmography. New York, 1996; *Gallagher T.* John Ford: The Man and His Films. Berkeley, 1988.
- ¹⁰ *Girgus S.* Hollywood Renaissance: The Cinema of Democracy in the Era of Ford, Capra, and Kazan. New York, 1998; *Levy B.* John Ford: a bio-bibliography. Westport, 1998; *Lourdeaux L.* Italian and Irish Filmmakers in America: Ford, Capra, Coppola, and Scorsese. Philadelphia, 1990; *Maland C.J.* American Visions, The Films of Chaplin, Ford, Capra, and Welles, 1936-1941. New York, 1977.
- ¹¹ *Place J.* John Ford and Semiology of film. PhD dissertation. UCLA, 1975.
- ¹² *Gallagher T.* The Movies of John Ford. PhD dissertation. Columbia University, 1978.
- ¹³ *Maland C.* American Visions. PhD dissertation. University of Michigan, 1977; *Lehman P.* John Ford and auteur theory. PhD dissertation. University of Wisconsin, 1978.

- ¹⁴ Allison T. Screen combat: Recreating World War II in American film and media. University of Pittsburgh, 2001.
- ¹⁵ Zwarich J. Federal Films: Bureaucratic Activism and the U.S. Government Motion Picture Initiative, 1901-1941. PhD dissertation. New York University, 2014.
- ¹⁶ Tsika N. The Soldier's Circle: Social Documentary and the American Military, 1940-1945. PhD dissertation. New York University, 2012.
- ¹⁷ Schneider J. Documentary Film in the Public Sphere: Pare Lorentz's the River and Its Alternatives. PhD dissertation. University of Wisconsin, 1999.
- ¹⁸ Ward L. The Motion Picture Goes to War: The US Government Film Effort During WWI (Ann Arbor, 1985; Winkler A. The Politics of Propaganda: The Office of War Information, 1942-45. New Haven, 1978; Doherty T. Projections of War: Hollywood, American Culture and World War II. New York, 1993.
- ¹⁹ Black G.D., Clayton K. What to show the World: The Office of War Information and Hollywood, 1942-1945. // The Journal of American History, № 64. 1977.
- ²⁰ Blue H. Words at War: World War II Radio Drama and the Postwar Broadcast Industry Blacklist Lanham. 2002.
- ²¹ Donald R.R. Hollywood and World War II. University of Massachusetts, 1987.
- ²² Winkler A. The Politics of Propaganda: The Office of War Information 1942 – 1945. Yale, 1978.
- ²³ Schatz T. Boom and bust: American cinema in the 1940s. University of California Press, 1999.
- ²⁴ Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy: Why Strategic Framing Matters. Washington, 1999.
- ²⁵ Campbell S. The Role of Metaphors in U.S. Foreign Policy: Global Leadership and the Carter Administration // American International Journal of Social Science. 2015. Vol. 4. P. 1 – 10.
- ²⁶ Nelson J., Adams G., Branscombe N., Schmitt M. The role of historical knowledge in perception of race-based conspiracies // Race and Social Problems. 2010. № 2. P. 69-80.
- ²⁷ Shimko K. Metaphors and Foreign Policy Decision Making // Political Psychology. 1994. Vol. 15, №. 4. P. 655 – 671.

THE MYTHOLOGIZATION OF THE SECOND WORLD WAR IN CINEMA: THE HISTORIOGRAPHY OF THE USA

© 2022 S.O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education

In historical science, there are three fundamentally different approaches to the problem of analyzing «action films»: 1) the study of films as one of the tools of propaganda and ideology. Such works prove that the federal government and Hollywood worked very closely, especially in the period 1939-1945, to create through films the necessary images of war, allies and enemies. 2) the study of films from a cultural perspective, where the relationship between fiction and reality, the author's approaches and concepts of directors, the influence of films on US art is at the fore. The key problems in this category are such problems as the definition of the genre of films, features of the plot, motives and semantic content. 3) the study of departments and structures that create films (primarily, the largest film studios). This direction is associated with the analysis of propaganda, but has a greater emphasis on the study of interactions within the film community. *Keywords:* USA, history of cinema, propaganda, history of propaganda, World War II, historiography. DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-78-82

УДК 93/94

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ САММИТ В РЕЙКЬЯВИКЕ 1986 г.

©2022 Е.В. Труханович

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 13.12.21

Статья посвящена одному из важнейших саммитов на высшем уровне периода окончания Холодной войны. В ходе реализации обновленной советской международной политики Нового мышления американская сторона с опасением делала ответные шаги на пути слома двуполярного устройства мира. Немало препятствий предстояло преодолеть как СССР, так и США: взаимное недоверие, которое складывалось на протяжении нескольких десятилетий, недостаточная согласованность внутри администрации дипломатических миссий, громкие заявления независимых американских СМИ, противоречивые ситуации внутри разведывательных служб и т.д. Автор статьи уделяет внимание шпионскому скандалу, который имел место на момент предстоящей встречи, что значительно затормозило процесс переговоров. Автором подробно изучены документальные материалы Государственного архива национальной безопасности США, что дало возможность осветить события 1986 г. более многогранно и точно. Статья содержит ссылки на публикацию докладных сообщений секретных служб США президенту, а также личное письмо М.С. Горбачева Р. Рейгану, которое в российском научном обороте существует только записанным со слов Михаила Сергеевича. Анализ встречи в Рейкьявике в 1986 г. проведен на основе англоязычных документов, а также архивного видеоматериала Президентской библиотеки им. Р. Рейгана. В статье также использованы мемуарные записи очевидцев саммита, что позволило проследить историко-психологические аспекты переговоров. При написании работы автором были использованы личный дневник президента Р. Рейгана и полное издание воспоминаний государственного секретаря Дж. Шульца, которые до сих пор не переведены на русский язык, что дало возможность приблизиться к истинной картине мотивов и опасений Белого дома накануне советско-американской встречи в 1986 г.

Ключевые слова: СССР, США, М.С. Горбачев, Р. Рейган, Дж. Шульц, Э. Шеварднадзе, Рейкьявик, Новое мышление, СОИ, ПРО, разоружение.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-83-95

«Дух Женевы» - устойчивое выражение, вошедшее в терминологию всеобщей истории после Второй мировой войны. 18-23 июля 1955 г. в столице Швейцарии встретились представители четырех государств: СССР, США, Великобритании и Франции, с целью снижения политической конфронтации на международной арене. «Дух Женевы» имеет позитивное значение, под этим понятием подразумевается дружественная обстановка встречи на высшем уровне с благоприятным и доверительным климатом для решения основных стратегических

вопросов мировой политики¹. Однако выражение чаще используют применительно ко встрече на высшем уровне 1985 г.², что обусловлено важностью первого шага на пути к завершению Холодной войны. Термин оставил за собой тот же шлейф оптимизма и «потепления» отношений между двумя конкурирующими государствами - США и СССР, но, по свидетельствам очевидцев, «дух Женевы» сошел на нет уже в начале 1986 г.

А.С. Черняев 24 ноября 1985 г. записал в своем дневнике: «Дух Женевы, знак Женевы. Интервью Горбачева – источник нового понимания политического мира и нас самих. Сумеем ли этим воспользоваться?

Труханович Екатерина Владимировна, аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского университета. E-mail: mskattrin@yandex.ru

Произошло кардинальное: гонка вооружений продолжается, в военном противостоянии ничего не изменилось, а в международных отношениях наметился перелом, приблизились к признанию, что войны никто не начнет, к пониманию того, что нельзя дальше ее провоцировать ни во имя коммунизма, ни во имя капитализма»³. Под воздействием оптимистической атмосферы прошедшего саммита находились не только советские политические деятели. Дж. Шульц писал: «Успех Женевского саммита в ноябре все еще был у меня в голове, когда я смотрел в сторону 1986 года. [перевод Е.В.]»⁴. Однако его рассуждения о стратегическом разоружении свидетельствовали о том, что Соединенные Штаты не только поддерживали потепление на международной арене, но и сами были заинтересованы в разоружении. Шульц утверждал, что на момент президентства Рейгана Америка достигла пика финансирования оборонной промышленности, что постепенно начинало сказываться на социальной стабильности США. Также госсекретарь выразил мысль о том, что у команды Рейгана осталось двенадцать месяцев на план по сокращению СОВ, поскольку его срок на посту президента подходил к завершению, и в этот период им необходимо заключить договор с Советским Союзом, чтобы последний также сократил свое вооружение⁵. Несмотря на возможную опасность уничтожения Земли ядерным потенциалом двух стран, атомное оружие представляло собой «дорогое удовольствие» как для Америки, так и для Советов, поэтому можно смело утверждать, что разоружение было необходимым шагом на пути к балансу с экономической точки зрения.

Осознавая потребность расширения интеграционных советско-американских процессов на международной арене и важность регулярных встреч на высшем уровне, СССР и США допустили паузу в переговорах, которая плавно начала превращаться в тишину.

Переводчик-дипломат и личный свидетель всех встреч на высшем уровне периода 1985-1991 гг., П.Р. Палажченко, вспоминал,

как оптимистические разговоры после саммита в Женеве сходили на нет, не было подписано никаких обещанных дополнительных соглашений между США и СССР, период от Женевы к Рейкьявику можно назвать «а воз и ныне там» или, как выразился М.С. Горбачев, «пахло нафталином»⁶.

В середине 1986 г. переговоры советской и американской сторон становились все более неясными и отчужденными. «Женевского саммита как будто не было», – констатировал мемуарист⁷. В сложившейся ситуации М.С. Горбачев во время своего отпуска вместе с личным помощником А.С. Черняевым решил составить ответное письмо Рейгану лично, поскольку не мог принять версию, которую подготовил МИД. Главный посыл письма – необходимость личной встречи для завершения дискуссий по целому ряду сложнейших вопросов современности. «Первоначальная реакция американцев была осторожно-позитивной. Э.А. Шеварднадзе ехал в Нью-Йорк с еще одним письмом, в котором предлагались дата и место встречи (середина октября в Рейкьявике)»⁸.

К сожалению, произошел очень неприятный инцидент, который поставил возможность встречи под угрозу. Буквально за несколько дней до поездки нового министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в США, в Нью-Йорке был арестован Н. Захаров – сотрудник Секретариата ООН, представитель Советского Союза, заподозренный американцами в шпионаже. Подобная ситуация была чревата большим международным скандалом, она спровоцировала и ответные меры со стороны СССР. «Сразу же после этого в Москве был арестован корреспондент журнала U.S. News and World Report Николас Данилофф, давно работавший в Москве и имевший репутацию «чистого» (т.е. не связанного со спецслужбами) журналиста»⁹. По словам П.Р. Палажченко, Шеварднадзе отправлялся в поездку с мрачным настроением, его помощник был эмоционально возбужден и никаких оптимистических прогнозов дать не мог. В Нью-Йорке начались сложные длительные переговоры, которые

касались будущей встречи в Рейкьявике, условий договора, прочих международных дел, но одной из центральных тем, конечно, оставалась ситуация со шпионажем: «<<...>> не преувеличиваю – десятки часов ушли на беседы с Шульцем по урегулированию шпионского кризиса. <<...>> Было ясно, что либо разругаемся всерьез и надолго, либо найдем выход из положения»¹⁰. Итогами переговоров должна была стать абсолютно равная ситуация для двух стран, иначе будущие переговоры по разоружению не имели бы смысла. Дипломаты были включены в работу без перерывов, переводчики занимались не только синхронным и последовательным переводом общения представителей государств, но и обработкой записей переговоров для отправки в Москву, что на практике занимало гораздо больше времени, чем прямая обязанность переводчиков-дипломатов. Выспаться удавалось не всегда, это был настоящий марафон, но «<<...>> все <<...>> были в итоге довольны: дорога в Рейкьявик была открыта»¹¹.

Хотелось бы заострить внимание на письме Горбачева Рейгану, которое было отправлено из Москвы в Вашингтон 15 сентября 1986 г.¹² Шеварднадзе вручил его Рейгану 19 сентября. Согласно дневниковым записям, президент США был весьма озадачен и даже немного зол на то, что генеральный секретарь СССР открыто обвинял Америку в разжигании ненужного в советско-американских отношениях скандала¹³. Более того, скандал со шпионами он назвал инструментом усиления конфронтации и уничтожения доверия, которое зародилось в Женеве. Но главными мотивами письменного послания Михаила Сергеевича были три основных вопроса: 1) разоружение и готовность американской стороны к договорам по ПРО; 2) тотальная ликвидация советских и американских ракет в Европе; 3) мораторий на ядерные испытания¹⁴. М.С. Горбачев использовал дипломатический натиск и порой нарочно формулировал обращение к американскому президенту с прямотой и даже резкостью.

Далее в письме последовало приглашение Горбачева встретиться как можно скорее, прервав все свои текущие дела приехать для переговоров на один или два дня в Рейкьявик или Лондон. Рейган выбрал столицу Исландии¹⁵. Резкость высказываний генерального секретаря в письме была намеренной. На совещании с членами Политбюро и помощниками 22 сентября 1986 года, когда положительный ответ Рейгана был известен, Горбачев объяснил свою позицию относительно диалога СССР – США. Михаил Сергеевич подчеркнул необходимость очередного саммита, опровергая слова Добрынина о том, что он будет полезен только для американских партнеров. Также генсек подверг критике проект письма, который был прислан ему заместителем министра иностранных дел Ковалевым, обуславливая это тем, что черновик не соответствовал основной задаче советской линии в отношениях с Америкой – добиться продвижения в международном сотрудничестве. Завершая свое выступление на совещании с членами Политбюро, Горбачев открыто сказал, что добавил драматический мотив посланию Рейгану и четко сформулировал вопросы, которые собирается обсудить на предстоящем саммите. Объясняя свое решение, он подытожил: «<...> Пойдет он (Рейган – прим. Е.В.) на это, не пойдет – другое дело. Но мы американцам не можем предлагать такое, на что они заведомо не пойдут. Это не политика»¹⁶.

Началась тщательная подготовка пакета предложений по разоружению к саммиту в Рейкьявике. М.С. Горбачев прекрасно понимал, какие «подводные камни» существуют в отношениях между СССР и США; проблемы эти неминуемо должны были быть затронуты и в личных переговорах руководителей государств. Михаил Сергеевич в мемуарах упоминает одну из главных причин затруднения процесса переговоров по разоружению – милитаристский блок американских бизнесменов, которые были максимально заинтересованы в развитии и наращивании военного потенциа-

ла. Естественно, олигархический костяк не мог не влиять на государственный секретариат США, который всеми силами пытался препятствовать успешным переговорам об уничтожении ядерных вооружений¹⁷.

В Советском Союзе была сформирована группа специалистов по созданию поэтапной схемы переговоров и конкретному предложению разоружения, в нее входили: Э.А. Шеварднадзе, В.М. Чебриков, Л.Н. Зайков, С.Ф. Ахромеев, А.С. Черняев¹⁸.

Советский Союз со своей стороны выражал готовность сократить все виды вооружений ровно наполовину, это весьма смелый и по-настоящему решительный шаг в политике международных отношений. Советская сторона предлагала американцам ограничить Стратегическую Оборонную Инициативу рамками лабораторных исследований минимум на десять лет, к тому же продлить прежний договор Противоракетной обороны. Также предложение в себя включало сокращение ракет средней дальности до ста единиц¹⁹.

Но главная задача саммита, которая была сформулирована на заседании группы по подготовке к встрече в Рейкьявике 4 октября 1986 года, была озвучена Михаилом Сергеевичем: «<...> Наша цель – сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем, опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку. <...> Если начнется новый этап, давление на нашу экономику будет невероятное. Поэтому сорвать гонку – задача задач»²⁰.

Подготовка к саммиту американской стороной была весьма противоречива: Дж. Шульц упоминает тот факт, что во время подготовки к Рейкьявику ЦРУ смело распространяло идею о том, что Советский Союз имеет огромный военный потенциал, не изменяет своему курсу конфронтации и противоречит Американской линии по каждому международному вопросу²¹. Этой версией руководствовалось Центральное разведывательное управление США по той

причине, что имело патрона в виде министерства обороны, которое в свою очередь вероломно преследовало коммерческие цели увеличения оборонной промышленности. Разведывательная служба США предоставила докладную записку Рейгану накануне саммита в Рейкьявике о задачах и тактике, которую Горбачев выбрал для переговоров²². Доклад был подготовлен 4 октября 1986 г., в тот же день, когда и состоялось заседание группы по подготовке к встрече в Рейкьявике в Москве²³. ЦРУ проинформировало президента неверно. В служебной записке был представлен анализ специфического характера, который не отвечал реалиям. В докладе утверждалось, что Горбачев готов на максимальные уступки; Советская сторона готова к разоружению чуть ли не на любых условиях. В тексте доклада встречается характеристика Горбачева, которая включает в себя определения «застенчивый» и «нерешительный»²⁴. По какой причине произошел такой сбой в информировании 40-го президента США? Была ли дезинформация запланирована? С какой целью? Имеет ли к этому инциденту отношение советская контрразведка? На эти вопросы научным исследователям только предстоит дать ответы. Возможно, приоткрыв завесу тайны истории 1986 г., вскроются подробности интриг Белого дома, от которых, по сути, зависели мировая политика и окончание Холодной войны.

Однако в дневнике Рейгана на странице 4-5 октября 1986 г. отсутствует какая-либо отметка о том, что он ознакомился с докладом ЦРУ²⁵. Возможно, президент не обратил на служебную записку разведывательного управления должного внимания, поскольку имел собственные устойчивые взгляды на отношения с Советским Союзом, которые противоречили воззрениям ЦРУ и Пентагона. Подтверждением этой мысли служит запись Рейгана от 8 октября 1986 г.: ««Встреча в 8:30 с двухпартийными лидерами Конгресса, мною было сказано, что я хочу, чтобы они прекратили свои попытки ввода ограничений на мои полно-

мочия в отношении вооружения, при моей подготовке заключить соответствующие соглашения с Советским Союзом. Я думаю, что я выиграл»²⁶. [перевод Е.В.] Рейган прекрасно понимал, чего ждать от встречи в Рейкьявике, он был убежден, что основной темой Советов будет вооружение, но, будучи откровенным в дневниковых записях, он придерживался того мнения, что стоит «свернуть» с этой темы и перейти к обсуждению прав человека, Афганистана и т.д.²⁷ Возможно, быть уверенным в своих словах ему помог госсекретарь Шульц, который 4 октября того же года представил президенту развернутый аналитический доклад под грифом секретности, в котором подробно изложил приемлемую линию поведения Соединенных Штатов на саммите. Предложенная структура переговоров заключалась в следующем: максимально минимизировать значимость саммита в Рейкьявике и превратить его в подготовительную встречу к будущему саммиту в Вашингтоне, куда был приглашен Горбачев во время Женевских переговоров. Шульц приводит ту мысль, что главное – показать процесс взаимодействия с Советами, а не торопиться подписывать совместные договоренности. По утверждению госсекретаря, СССР ничего радикального предложить не мог, поэтому к серьезным шагам с американской стороны подготавливаться не приходится. Однако, как справедливо подчеркнуто в аннотации к документу Шульца в Национальном архиве безопасности, по иронии судьбы саммит в Рейкьявике оказался самым драматичным и значимым в советско-американских отношениях за весь период Холодной войны²⁸.

Сдержанный и уверенный тон докладной записки разнится с мемуарными свидетельствами госсекретаря. Дж. Шульц подробнейшим образом повествует в своих мемуарах о том, как осуществлялась подготовка к Рейкьявике и о самой встрече. Он утверждал, что на протяжении всего времени с тех пор, как было условлено место и дата переговоров, в атмосфере витало чувство неуверенности. По его словам, время шло

стремительно, встреча будто обрушилась на дипломатический аппарат США. Беспокоясь о внезапности саммита, Шульц волновался, что некоторые детали могут ускользнуть от него. На страницах книги «Turmoil and triumph. My years as Secretary of State» в разделе, посвященном Рейкьявике, нередко можно встретить фразу «до нас дошли слухи...», это свидетельствует о том, что США до сих пор находились в «подвешенном состоянии» относительно позиций Советского Союза, причиной тому могли служить различные факторы: недостаток обширности и глубины государственных дипломатических институтов советологии, недостаток информированности первых лиц государства относительно многогранности реальной ситуации, неорганизованность разведывательных спецслужб, конфронтация группировок внутри Конгресса США, а может – фактор недоверия Советскому Союзу. В подобном ритме невозможно было подготовить выверенных подписных документов, вероятно, поэтому Шульц выбрал тактику снижения значимости предстоящих переговоров. Несмотря на неуверенность Шульц все же твердо подытожил относительно подготовки: «Мы были готовы ко всему, безусловно, готовы уверенно выдвигать свои собственные позиции и реагировать на все, что Советы могли бы предложить. Этот саммит не будет обсуждаться заблаговременно. Но мы были готовы»²⁹. [перевод Е.В]

Начиная официальную часть переговоров, Горбачев взял первое слово и подчеркнул, что нынешний саммит является не стремлением реализации личных амбиций кого-либо из дипломатов, а важной предметной встречей на пути развития советско-американских отношений, от которых, в свою очередь, зависит безопасность в мире. Рейган согласился со сказанным и, продолжая начатую мысль, акцентировал внимание на том, что между Америкой и Советским Союзом отсутствует доверие на должном уровне для возможности совместного решения вопросов международного

характера. Также президент задался риторическим вопросом о способе исключения взаимной подозрительности. Генеральный секретарь повторил мысль, которую изложил в сентябрьском письме: никаких политических движений с американской стороны по основным вопросам, которые были обсуждены в Женеве, нет; что касается ядерной безопасности – США не было выдвинуто ни одного предложения, что очень беспокоит СССР³⁰.

Для ведения более предметного диалога Рейган в основном полагался на своих помощников, в частности на Дж. Шульца: последний был нужен президенту для того, чтобы разобраться с новыми нюансами предложения русских, а они, естественно, были, в тот же момент к беседе присоединился Шеварднадзе. Несмотря на радикальные предложения и остроугольные камни переговоров, атмосфера встречи была вполне естественной и комфортной для делового диалога³¹.

«Переговоры шли очень конкретно и достаточно жестко с обеих сторон, не говоря уже о том, что наша позиция на них определялась выработанными заранее директивами, утвержденными Политбюро, которые Горбачев никогда не нарушал (более того, иногда, как, например, в Рейкьявике, он шел по более жесткому варианту, чтобы прощупать партнера и оставить возможность для «конкретизации прорыва» на более позднее время, «когда пыль осядет». Что и произошло)», – вспоминает П.Р. Палажченко³².

В ходе переговоров Рейган держался непоколебимо относительно вопроса ПРО, П.Р. Палажченко вспоминал: «Большинство его аргументов носили нетехнический характер. Когда Горбачев спрашивал его, зачем нужна ПРО, если ядерное оружие будет, как хочет того сам президент, полностью уничтожено, Рейган отвечал, что это будет своего рода окончательная гарантия против какого-нибудь безумца, своего рода противопогаз на всякий пожарный случай»³³.

Завершающий диалог переговоров был очень насыщенным и абсолютно открытым:

«<...> **Рейган.** Я хочу спросить – а я думаю, что это было очень хорошо, – что, к исходу двух пятилетних периодов будут ликвидированы все ядерные взрывные устройства, включая бомбы, средства поля боя, крылатые ракеты, вооружения подводных лодок, средства промежуточной дальности и т.д.?

Горбачев. Мы можем так и сказать, перечислить все эти вооружения.

Шульц. Давайте так и сделаем. <...>

Горбачев. Мы ведем разговор о том, чтобы испытания в рамках СОИ производились только в лабораториях. Мы не можем пойти на то, чтобы они вышли в атмосферу или в космос. Это для нас неприемлемо. Это вопрос принципа.

Рейган. Вы разрушаете мне все мосты к продолжению моей программы СОИ. Я не могу пойти на ограничения такого плана, как Вы требуете.

Горбачев. В отношении лабораторий. Это Ваша окончательная позиция? Если да, то тогда на этом мы можем окончить нашу встречу.

Рейган. Да, окончательная. Все дело упирается в то, что у нас с Вами существует разногласие относительно того, что разрешено Договором по ПРО, а что не разрешено. <...> Эксперименты, исследования не всегда могут оставаться в стенах лабораторий, иногда бывает просто необходимо выйти за их пределы.

Горбачев. Вопрос о лаборатории для нас – это не предмет упрямства или твердолобости. Это не казуистика. Все это слишком серьезно. Мы даем согласие на глубокие сокращения и в конечном счете уничтожение ядерного оружия. А в это же самое время американская сторона толкает нас на то, чтобы согласиться на предоставление ей права создавать космическое оружие. Для нас это неприемлемо. Если Вы согласитесь на ограничение исследовательских работ лабораториями, без выхода в космос, то тогда я буду готов через две минуты подписаться под соответствующей формулировкой и принять документ.

Рейган. А я не могу пойти на это. <...>

Неужели Вы ради одного слова в тексте отвергаете историческую возможность договоренности? Ведь из нашего текста ясно, что мы будем в течение всего этого срока соблюдать Договор по ПРО.

Горбачев. Вы говорите, что дело в одном слове. Но здесь дело не в слове, дело – в принципе. Ясно, что если мы идем на сокращения, нам необходимо иметь уверенные тылы. Мы не можем согласиться с тем, чтобы в период, когда будут осуществляться сокращения ядерного оружия, Вы расширяли бы свою СОИ, шли бы с ней в космос.

Если я вернусь в Москву и скажу, что, несмотря на договоренность о глубоких сокращениях ядерных вооружений, несмотря на наше согласие на 10-летний срок, мы дали Соединенным Штатам право испытывать СОИ в космосе, с тем чтобы к концу этого срока США были бы готовы к развертыванию, то меня назовут дураком, безответственным руководителем. <...>

Я не могу понять, как Вы можете просить согласия СССР на то, чтобы предоставить США в период глубоких сокращений и ликвидации ядерных вооружений право в течение 10 лет отрабатывать космическую ПРО в космосе, в полном объеме реализовывать СОИ, в то время как мы уничтожали бы наступательный ядерный потенциал. Это, если вдуматься, не должно устраивать даже США. Это создало бы нервозность, отсутствие доверия, и совершенно для нас неприемлемо. Вам бы такая услуга тоже была бы не нужна.

Рейган. Но если у нас не будет ядерного оружия, то нам нечем будет вам угрожать [*оригинал.* – прим Е.В.]. Оборонительная система могла бы быть развернута не раньше, чем через 10 лет, мы пошли на эту отсрочку. Что же касается слова «лаборатории», то у него есть свой особый смысл и подтекст. Мне просто сказали бы в таком случае, что я капитулировал, отдал то, что обещал не отдавать. Ведь все другие формулировки мы взяли у вас. Мы говорим, что будем соблюдать Договор по ПРО в течение 10 лет. И вот я вижу, что ничего не получается, и все из-

за одного слова, которое имеет такое специфическое значение. <...>

Я хочу еще раз попросить Вас изменить Вашу точку зрения, сделать это как одолжение для меня, с тем чтобы мы могли выйти к людям миротворцами.

Горбачев. Мы не можем пойти на то, что вы предлагаете. Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через 2 минуты подпишем документ. На что-то другое мы пойти не можем. На что могли – мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть.

Несмотря на то, что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал все что мог.

Рейган. Жаль, что мы расстаемся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю все-таки, что Вы не хотели достижения договоренности. Мне очень жаль.

Горбачев. Мне тоже очень жаль, что так произошло. Я хотел договоренности и сделал для нее все что мог, если не больше»³⁴.

Считается, что последние фразы, приведенные в сборнике документов, что Рейган и Горбачев произнесли друг другу возле автомобиля, на котором президент Рейган должен был отправиться на встречу с журналистами. Место встречи с представителями СМИ для советского лидера находилось рядом с особняком, Горбачев смутно помнит эту десятиминутную прогулку, его одолевал рой мыслей, из которых выделялся главный вопрос: что сказать журналистам? Генсек прекрасно понимал, что люди по всему миру жаждали результатов саммита, в первую очередь – согласий СССР и США, которые бы разрядили международную обстановку. Сам Михаил Сергеевич возлагал большие надежды на эти переговоры, но оказалось, что результат даже не приблизился к его ожиданиям³⁵. Атмосфера царил молчаливая и мрачная, о чем можно судить, глядя на исторические фотоматериалы встречи³⁶. Огромный зал был заполнен журналистами. Советская делегация занимала места в президиуме напротив микрофонов, неторопливо раскладывая листы с

записями переговоров и черновики предполагаемых договоренностей. На кадрах видеосъемки видно, что улыбок на лицах представителей СССР нет. Горбачев выглядел немного растерянным, или лучше сказать – как человек, который глубоко погружен в свои мысли и аналитический процесс, не стремящийся маскировать свое состояние. В мемуарах он откровенно писал: «Я еще не определился до конца, как оказался в огромном зале пресс-центра, где делегацию ждали около тысячи журналистов. При моем появлении журналисты встали с мест и молча стоят. Этот беспощадный, нередко циничный, даже нахальный мир прессы смотрел на меня молча, из зала исходила тревога. Меня охватило глубокое волнение, может быть, больше... я был потрясен. В лицах этих людей передо мной как бы предстал весь человеческий род, который ждал решения своей судьбы. В это мгновение ко мне пришло истинное понимание того, что произошло в Рейкьявике и как нам надлежит действовать дальше»³⁷. Лидер СССР начал свою речь с длительного вступительного слова, в котором сперва извинился перед журналистами за задержку начала пресс-конференции по причине незапланированной длительности переговоров. Затем поблагодарил принимающую сторону в лице правительства Исландии за организацию саммита, подчеркивая, насколько важна эта встреча не только в динамике развития процесса взаимоотношений США и СССР, но и в ключе завершения Холодной войны и всеобщей истории в целом. Возможно, столь длинная вступительная речь лидера СССР была связана не только с канонами этики, но и с тем, что Горбачев как бы параллельно продолжал анализировать прошедшие переговоры и предпринимал попытку подвести итог саммиту в Рейкьявике. Генеральный секретарь СССР заявил, что саммит в Рейкьявике – это прорыв. Несмотря на то, что не было подписано никаких договоренностей, он утверждал, что наконец переговоры достигли той вершины, с которой четко видны масштабы работы

США и СССР относительно сотрудничества в вопросе ядерного разоружения.

Петербургский историк А.С. Пученков в своей статье «Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал?» очень подробно излагает поэтапное развитие переговоров в Рейкьявике. В частности, автор уделяет большое внимание эмоциональному накалу страстей, что придает яркости и полноты историческому событию, происходившему осенью 1986 г. в столице Исландии. Ссылаясь на многочисленные мемуарные издания свидетелей событий, А.С. Пученков максимально позитивно подводит итог встречи на высшем уровне³⁸. С этим сложно спорить. Несмотря на то, что «рейкьявическая лодка разбилась о СОИ»³⁹, произошел прорыв в отношениях СССР и США: было преодолено недоверие; стало абсолютно ясно, что две сильнейшие державы мира связаны одной идеей – отказ от ядерного вооружения, и главная трудность состояла в том, что США и СССР видели разные пути к достижению поставленной цели.

Не все были довольны результатами саммита: как вспоминал П.Р. Палажченко, на следующий день после встречи «Меня пригласил в свой автомобиль Шеварднадзе. Я сразу заметил, что настроение у него неважное.

- Опять завязали пакет, – сказал он.

Дело в том, что директивы Политбюро предусматривали два варианта на случай, если не удастся договориться по всем пунктам. Или держаться позиции, что все – РСД, СНВ, ПРО – взаимосвязано и поэтому надо договариваться по всем вопросам, или «развязать пакет» и договариваться поэтапно, сначала по ракетам средней дальности. Горбачев решил пока не пускать в ход второй вариант. (Пакет был развязан в феврале)»⁴⁰.

В конце 1980-х, когда Шеварднадзе в Нью-Йорке встретился с Шульцем, который уже не занимал пост госсекретаря, П.Р. Палажченко запомнил их диалог. Бывший помощник Рейгана сказал: «Когда наши лидеры, каждый по-своему, заговорили о мире без ядерного оружия, эксперты счита-

ли, что они неправы, что это недостижимая цель. Но эксперты не поняли, что Рейган и Горбачев – лидеры, политики, которые почувствовали одну важную вещь: этого хотят люди, это отвечает их чаяниям»⁴¹.

«С высоты Рейкьявика стали видны перспективы решения таких проблем, как безопасность, ядерное разоружение, недопущение новых направлений гонки вооружений», – так оценил М.С. Горбачев октябрьскую встречу.⁴²

Однако на совещании Политбюро по итогам саммита Горбачев отметил не только положительные моменты относительно состоявшихся переговоров, он привел аргумент, который, по его мнению, стал камнем преткновения успешности встречи: «Я говорил тогда и сейчас убежден: неуспех Рейкьявика связан с двумя крупнейшими, стратегического характера заблуждениями, свойственными определенным кругам Запада.

Первое. Это что русские боятся СОИ и поэтому пойдут на любые уступки. И второе, что мы заинтересованы в разоружении больше, чем Соединенные Штаты. Такие настроения сказались и на ходе переговоров в Рейкьявике»⁴³. Это высказывание легло в основу подготовки к следующим встречам на высшем уровне.

С американской точки зрения, саммит в Рейкьявике рассматривался не столь оптимистично. По крайней мере первоначальный вердикт, который был выдвинут президентом Рейганом, содержал в себе следующее ключевое слово – «провал». В дневнике президента написана одна строчка от 13 октября 1986 года, которая содержит сухое напоминание расписания дня – речь на национальном телевидении по итогам саммита в Рейкьявике⁴⁴. Запись данного послания на сегодняшний момент находится на официальном канале библиотеки Рейгана на платформе видеохостинга Youtube⁴⁵. 40-й президент США подробнейшим образом описал политическую расстановку сил между Америкой и Советским Союзом. Затем акцентировал внимание зрителей на том, что подготовка к саммиту

длилась не один месяц, посредством встреч Шульца и Шеварднадзе, а также личной переписки между господином Горбачевым и президентом Рейганом. Рейган утверждал, что повесткой встречи на высшем уровне были различные темы: права человека, политическое влияние двух держав в Европе и Азии, проблема Афганистана, ситуация по Камбодже и т.д. Однако, по его словам, Советский Союз особенно настаивал на дискуссии по вопросу разоружения и возможности полного уничтожения ядерного оружия с лица Земли. Речь заняла более 19 минут в эфире американского телеканала, президент чуть ли не пересказал протокол заседания, обращая внимание слушателей на недостаток доверия между СССР и США, объясняя неуспех договоренностей. Президент откровенно признался перед своим народом в том, что возможное подписание соответствующих соглашений о разоружении в течение десяти лет противоречило его обещаниям американскому населению о программе СОИ, именно поэтому он не смог пойти на подписание предложенных Советским Союзом программ. Более того, по его словам, СОИ – это американский страховой полис и гарантия того, что Советы выполнят свои обязательства. Продолжая тему, Рейган заявил, что с оптимизмом воспринимает динамику потепления отношений с СССР, и придерживался мысли, что дальнейшие переговоры должны проходить в ключе осмотрительности, продуманности и прежде всего осознанного и реалистичного восприятия Советского Союза, учитывая различия тоталитаризма и демократии; без иллюзий воспринимать советскую политику и конечные намерения Советов. Главную цель международной политики президент видел в снижении напряженности в отношениях с Советским Союзом, поиске способа предотвращения войны и сохранения мира. Вместе с тем Рейган отметил, что не может дать никакого обещания, что переговоры с СССР неизбежно приведут к великим прорывам или важным договорам, поскольку безопасность страны является

приоритетом политики США. На момент 13 октября 1986 г. никаких четких условий о будущих встречах с господином Горбачевым еще не было, но Рейган выразил абсолютную готовность к последующим саммитам с заверением, что США продолжат переговоры с того места, на котором они остановились в Рейкьявике, не упустив ни одного пункта. В завершение своего послания Рейган вспомнил слова президента Трумэна о том, что человечество за короткий период времени пережило две самые страшные и разрушительные войны за всю историю и главной миссией правителей стран должна стать идея о мире и недопущении очередных военных конфликтов. Рейган присоединился к этому высказыванию Трумэна и пообещал, что будет делать все, чтобы мир стал более безопасным и свободным⁴⁶. [перевод Е.В.]

Государственный секретарь США Дж. Шульц дал высокую оценку встречи в Рейкьявике: «Достижения на саммите в Рейкьявике были больше, чем на любой предыдущей встрече между США и Советским Союзом, но в тогдашний момент в Исландии народ воспринял результаты как что-то близкое к катастрофе или похожее на фарс. С годами это восприятие превратилось в общепринятую истину.

В Рейкьявике Рейган и Горбачев договорились, что права человека станут регулярной и признанной частью нашей повестки дня. Они достигли основы для первого шага по 50-процентному сокращению советских и американских стратегических ядерных сил в течение пятилетнего периода - то, что другие считали невероятно амбициозным. <...>

Помимо этого, президент Рейган и Генеральный секретарь Горбачев продолжили обсуждение дальнейших шагов по укреплению глобальной стабильности. Президент Рейган предложил ликвидировать все баллистические ракеты в течение последующих пяти лет. Горбачев предложил ликвидировать все стратегические наступательные силы. Они говорили о возможной ликвидации всего ядерного оружия. Сам масштаб беседы был истори-

ческим, даже если и вызывал беспокойство у тех, кто не мог смириться с таким радикальным изменением ядерного баланса. Рейкьявик был самой замечательной встречей сверхдержав, когда-либо проводившейся»⁴⁷. [перевод Е.В.]

Ближайший соратник и помощник Рейгана Джек. Ф. Мэтлок подвел итог встречи в Рейкьявике не с политической точки зрения, а с точки зрения личностного взаимодействия двух лидеров. Мэтлок подчеркивает, что Горбачев и Рейган были в шаге от подписания договоренностей по уничтожению ядерных боеголовок в ближайшие десять лет, но камнем преткновения явились принципиальные взгляды обеих сторон на процесс реализации возможного договора. Несмотря на неуспех соглашений Мэтлок уверен в том, что именно в Рейкьявике президент и генеральный секретарь четко увидели позиции друг друга относительно разоружения – и Горбачев, и Рейган были убеждены в необходимости сближения политики двух стран в стремлении к снижению ядерной угрозы в мире⁴⁸.

Действительно, многие специалисты-политологи, журналисты и исследователи истории советско-американских отношений сходятся во мнении, что Рейкьявик – это самая знаковая точка в процессе политического диалога СССР и США в эпоху завершения Холодной войны.

Петербургский историк М.Ф. Польшов является автором первого исследования истории международных отношений эпохи перестройки. Матвей Федорович рассмотрел внешнюю политику Горбачева, опираясь на мемуары свидетелей событий конца 1980-х гг. – начала 1990 гг. в большей степени на русском языке. К сожалению, та картина, которая представлена в монографии «Внешняя политика Горбачева 1985-1991 гг.» иллюстрирует ситуацию окончания Холодной войны с односторонней точки зрения. Во многом М.Ф. Польшов, рассматривая события внешней политики Михаила Сергеевича, ссылается на воспоминания «старой гвардии» - государственных

деятели, которые переживали пик политической карьеры еще при Брежневе. Возможно, данный фактор повлиял на весьма субъективные выводы о деятельности генерального секретаря, который имел иные политические взгляды и реализовывал политику нового мышления, которая, в свою очередь, не находила отклика в убеждениях соратников Брежнева. Еще одним фактором однобокости исследования является отсутствие использования многообразия американских источников и литературы на английском языке. Тем не менее автор придерживается той точки зрения, что саммит в Рейкьявике превратил советско-американские отношения в предметный политический диалог⁴⁹.

А.С. Пученков в своей подробной статье, посвященной саммиту в Рейкьявике, использовал не только мемуарные свидетельства участников встречи на высшем уровне, но и интервью П.Н. Палажченко, А.М. Белонного (постоянный представитель СССР при ООН в 1986 -1990 гг. – прим. Е.В.), А.А. Бессмертных (заместитель министра иностранных дел СССР в 1986 г. – прим. Е.В.), из собственного архива. Также автором были использованы газеты, воспоминания, биографии как на русском, так и английском языках, что способствовало более точному воспроизведению канвы происходившего накануне и в период саммита в Рейкьявике. Александр Сергеевич дает высокую оценку дипломатических достижений этой встречи. По его мнению, разность взглядов США и СССР на процесс контроля за ядерным вооружением привела к более доверительному и открытому диалогу, который способствовал прорыву во взаимоотношениях двух держав⁵⁰.

А.С. Барсенков – профессор МГУ, специалист новейшей истории России, также занимается изучением политики Горбачева, однако внешняя политика лидера СССР не является центром научных интересов исследователя⁵¹.

Р.А. Медведев⁵², Р.Г. Пихоя⁵³ затрагивали в своих трудах тему политики

Горбачева, однако утверждать, что в их монографиях была представлена какая-либо концепция взаимоотношений США и СССР, не приходится.

Саммит в Рейкьявике – поворотный пункт в международных отношениях XX века. Трудно спорить с тем фактом, что на протяжении почти пятидесяти лет страны всего мира вели свою международную политику с оглядкой на действия США и СССР. Мир был разделен на два противоборствующих лагеря – коммунистический и капиталистический. Встреча на высшем уровне 11-12 октября 1986 г. в столице Исландии сделала мир более безопасным в том смысле, что Советский Союз и Соединенные Штаты не просто признали недопустимость ядерной войны, а начали предпринимать реальные шаги на пути к уничтожению смертоносного военного потенциала на Земле. Встреча не была завершена подписанием договора, однако обе стороны увидели тот путь, по которому стоит следовать, чтобы добиться одной и той же цели – сохранить мир. С октября 1986 г. по декабрь 1987 г. американские и советские дипломаты были заняты титаническим трудом по подготовке документации к очередному саммиту.

Следующая встреча Горбачева и Рейгана 7-10 декабря 1987 года состоялась в Вашингтоне и завершилась подписанием Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Подписанные соглашения напрямую связаны с политической обстановкой в мире на сегодняшний день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наша газета. Шестидесятилетие «духа Женевы» [Электронный ресурс] // <https://nashagazeta.ch/news/politique/20004> (дата обращения 13.07.2021).

² New York Times. The spirit of Geneva. Nov. 22, 1985. [Электронный ресурс] // <https://www.nytimes.com/1985/11/22/opinion/the-spirit-of-geneva.html?searchResultPosition=2> (дата обращения 13.07.2021).

³ Дневники А.С. Черняева. Советская политика 1972-1991 гг. – взгляд изнутри. [Электронный ресурс] // https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_

- files/Chernyaev/1985.pdf С. 72-73. (дата обращения 13.07.21).
- ⁴ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 916.
- ⁵ Ibid. P. 916.
- ⁶ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. М.: АНО РИД «Новая газета», 2020. С. 110.
- ⁷ Там же. С. 113.
- ⁸ Там же. С. 114.
- ⁹ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 114.
- ¹⁰ Там же. 116.
- ¹¹ Там же. С. 116.
- ¹² The National Security Archive. The Reykjavik File Previously Secret Documents from U.S. and Soviet Archives on the 1986 Reagan-Gorbachev Summit. Document 1. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 14.07.21).
- ¹³ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P.1324-1325
- ¹⁴ The National Security Archive. The Reykjavik File Previously Secret Documents from U.S. and Soviet Archives on the 1986 Reagan-Gorbachev Summit. Document 1. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 14.07.21).
- ¹⁵ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P. 1324.
- ¹⁶ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь мир, 2010. С. 166-167.
- ¹⁷ Горбачев М.С. Остаюсь оптимистом. М.: АСТ, 2017. С. 197.
- ¹⁸ Горбачев М.С. В меняющемся мире. М: Изд. АСТ, 2018. С. 53-54.
- ¹⁹ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 119.
- ²⁰ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь мир, 2010. С. 168-169.
- ²¹ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 945.
- ²² The National Security Archive. «Gorbachev's Goals and Tactics at Reykjavik»; National Security Council (Stephen Sestanovich), 4 October 1986, 2 pp. Document 6. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 16.07.21).
- ²³ Там же. С. 167-169.
- ²⁴ Ibid. The National Security Archive. Document 6.
- ²⁵ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P. 1334.
- ²⁶ Ibid. P. 1336.
- ²⁷ Ibid. P. 1335.
- ²⁸ The National Security Archive. Memorandum to the President, Secretary of State George Shultz, «Subject: Reykjavik», 2 October 1986, 4 pp. Document 4. [Электронный ресурс] // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm> (дата обращения 16.07.21).
- ²⁹ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 998.
- ³⁰ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. – М.: Весь мир, 2010. С. 171.
- ³¹ Там же. С. 118-120.
- ³² Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) С. 271.
- ³³ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 120.
- ³⁴ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. – М.: Весь мир, 2010. С. 175-177.
- ³⁵ Горбачев М.С. В меняющемся мире. М: Изд. АСТ, 2018. С.58 -59.
- ³⁶ Горбачев М.С. В меняющемся мире. М: Изд. АСТ, 2018. (вкладыш).
- ³⁷ Там же. С.59.
- ³⁸ Пученков А. С. Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал? // Российская история. 2020. №6. С.17-29.
- ³⁹ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 122.
- ⁴⁰ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. С. 124.
- ⁴¹ Там же. С. 122.
- ⁴² Горбачев М.С. Остаюсь оптимистом. – М.: АСТ, 2017. С. 202
- ⁴³ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. – М.: Весь мир, - 2010. С. 178.
- ⁴⁴ Ronald Reagan. The Reagan Diaries. HarperCollins e-books. P. 1340.
- ⁴⁵ Regan Library. President Reagan's Address to the Nation on Meetings with Gorbachev

- in Iceland, October 13, 1986 [Электронный ресурс] // https://www.youtube.com/watch?v=CDi5g_9j9HM&list=PLEL2J-7BrhetHJuh2ncn9QB0n4vxO-Ok_&index=18 (дата обращения 23.07.21).
- ⁴⁶ Regan Library. President Reagan's Address to the Nation on Meetings with Gorbachev in Iceland, October 13, 1986 [Электронный ресурс] // https://www.youtube.com/watch?v=CDi5g_9j9HM&list=PLEL2J-7BrhetHJuh2ncn9QB0n4vxO-Ok_&index=18 (дата обращения 23.07.21).
- ⁴⁷ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 1029-1030.
- ⁴⁸ Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 157-158.
- ⁴⁹ Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачева. 1985 - 1991 гг. СПб., 2014. 502 с.
- ⁵⁰ Журнал: Российская история. №6. 2020. А.П. Пученков «Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал?» С. 17-29.
- ⁵¹ Барсенков, А.С. «Новое мышление во внешней политике СССР (1985–1991) / А.С. Барсенков // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №1. С. 41-73 URL: <https://rucont.ru/efd/485548> (дата обращения: 30.07.2021).
- ⁵² Медведев Р.А. Советский Союз: Последние годы жизни – М.: Время, 2015. 416 с.
- ⁵³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. М.: РАГС, 1998. 734 с.

THE 1986 SOVIET-AMERICAN SUMMIT IN REYKJAVIK

© 2022 E.V. Trukhanovich

St. Petersburg State University

The article is devoted to one of the most important summits at the highest level at the end of the Cold War. During the implementation of the renewed Soviet international policy of New Thinking, the American side was apprehensive about taking reciprocal steps aimed at breaking the bipolar structure of the world. Many obstacles had to be overcome by both the USSR and the USA: mutual distrust that had been developing for several decades, insufficient coordination within the administrations of diplomatic missions, loud statements by independent American media, contradictory situations in the intelligence services, etc. The author of the article pays attention to the espionage scandal that took place on the eve of the upcoming meeting, which significantly slowed down the negotiation process. She has studied in detail the documentary materials of the US State Archive of National Security, which provided an opportunity to cover the events of 1986 in a more multifaceted and accurate way. The article contains references to the publication of US intelligence reports to the president, as well as a personal letter from Mikhail Gorbachev to R. Reagan, which is known to the Russian scientific world only as recorded from Gorbachev's words. An analysis of the 1986 Reykjavik meeting is based on English-language documents as well as archival video materials from the Reagan Presidential Library. Memoirs of eyewitnesses of the summit made it possible to trace the historical and psychological aspects of the negotiations. The author used the personal diary of President R. Reagan and the complete edition of the memoirs of Secretary of State J. Schultz, which have not yet been translated into Russian, that made it possible to give a more accurate picture of the motives and fears of the White House on the eve of the Soviet-American meeting in 1986. *Keywords:* USSR, USA, M.S. Gorbachev, R. Reagan, J. Schultz, E. Shevardnadze, Reykjavik, New thinking, Strategic Defense Initiative, missile defense, disarmament.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-83-95

УДК 94 (47) 084.9

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ И СИМПОЗИУМЫ:
ОТРАЖЕНИЕ В ДОКУМЕНТАХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ СССР
В 1950-1960-е гг.**

© 2022 Н.Ф. Тагирова¹, О.Е. Солдатова²

¹ Самарский федеральный исследовательский центр РАН

² Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 30.11.2021

На материалах советских научно-исследовательских институтов энергетического профиля, отложившихся в Российском государственном архиве в г. Самаре, авторы рассматривают формы научных коммуникаций, тематику обсуждаемых вопросов, влияние внешнеполитической ситуации на развитие международных научных связей в этой сфере в середине XX столетия. Успехи электроэнергетики, достигнутые к этому времени, могли возрастать при ускорении ее передачи на большие расстояния и создании единых энергетических систем. Это общее понимание перспектив способствовало активному международному взаимодействию ученых и практиков в сфере энергетики.

Ключевые слова: НТР, электрификация, международные энергетические конгрессы, съезды, история науки и техники, СССР, Единая энергетическая система (ЕЭС), Совет экономической взаимопомощи (СЭВ).

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-96-107

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 21-09-43084.*

Если рассматривать историю XX столетия сквозь призму технологического развития, вероятно, следует согласиться с позицией, что XX в. был «веком электричества»: применение знаний, полученных энергетической наукой, в производстве создало энергетику как отрасль экономики и многочисленные ее ответвления (электроэнергетика, электротехника, гидроэнергетика и т.д.), сопутствующие виды деятельности (например, производ-

ство гидротурбин, электрических проводов, оборудования для линий электропередачи и т.д.). Получение, распределение и использование электрической энергии стало представлять собой сложнейший и взаимосвязанный комплекс производств. При этом всеобщее использование электричества стало обыденной нормой для современного человечества.

Успехи развития энергетики и как науки, и как вида экономической деятельности невозможны без взаимного научно-технического обмена, налаживания различных форм коллаборации и контактов ученых и научных сообществ. В 1950-1960-е гг. активные формы международного сотрудничества ученых и практиков энергетики очень способствовали прогрессу в этой области.

Тагирова Наиля Фаридовна, доктор исторических наук, профессор, научный редактор журнала Самарского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: tag-nailya@yandex.ru

Солдатова Ольга Евгеньевна, кандидат экономических наук, директор музея Самарского государственного экономического университета. E-mail: olsol24@yandex.ru

В настоящее время в энергетике идет глубокая трансформация сферы производства: создается новая архитектура энергетических систем на основе принципов экономичности, экологичности, уменьшения стоимости производства и потребления, растущей электрификации промышленности, цифровизации и автоматизации, повышения надежности и т.д.¹

Исторический опыт научно-технического развития актуализируется в периоды очередных технологических трансформаций. Так происходит и сегодня. Мы рассматриваем тему, вынесенную в заглавие статьи, в контексте проблемы технологических революций и обновления «старых» производств. Изучая трансформационные процессы в экономике, историки чаще обращают внимание на «новые явления», тогда как судьба «старых» или «относительно старых» производств остается в тени. На примере электроэнергетики можно проследить зарождение отрасли в конце XIX в. еще в недрах первой промышленной революции², превращение ее в ведущую и основополагающую на этапе второй технологической революции (ГОЭЛРО). С середины XX в. на горизонте новой технологической перспективы, связанной с развитием атомной энергетики, место, роль и значение прежних передовых отраслей стали снижаться. Так, Всемирный энергетический конгресс уже 1956 г. обсуждал преимущественно проблемы атомной энергетики³.

В данной статье мы рассматриваем вопросы участия советских ученых-энергетиков в международных энергетических форумах второй половины XX в. Какие вопросы, связанные с развитием отрасли, международному сообществу энергетиков виделись как наиболее значимые и важные? Как шло их обсуждение и принимались совместные решения, какие виделись перспективы? Как были организованы научные контакты, возможно ли было в условиях холодной войны, а часто и острой политической конфронтации 1950-1960-х гг. полноценно развивать научно-технологический транс-

фер в области энергетики? Нас интересуют эти вопросы преимущественно в исторической, историко-экономической плоскости. Середина XX столетия – время начала научно-технической революции, серьезных и глубоких перемен в мировой экономике в целом. С точки зрения общественно-политической это время после Победы (Второй мировой войны, разгрома фашизма), показавшей моральное и научно-техническое превосходство стран антигитлеровской коалиции. Одновременно это был момент нарастания противоборства и холодной войны между странами «капиталистического Запада» и «социалистического Востока». Противостояние и соперничество в области науки и техники между государствами и межгосударственными объединениями были одним из проявлений холодной войны. Какое воздействие это оказывало на ученых? Структура статьи выстроена вокруг трех основных вопросов: организация международных конгрессов, научная и техническая проблематика, обсуждаемая на международных форумах, «идеологическое противостояние» в энергетике.

В научной литературе вопросы истории и практики международных контактов ученых-энергетиков являются предметом изучения самих энергетиков⁴. Однако исторические, экономические и политические стороны этой темы остаются вне сферы их интересов. В исторической литературе последних лет рассмотрены история энергетической отрасли в целом⁵, гидроэнергетики⁶, различные аспекты международных межгосударственных контактов⁷.

В данной статье мы смещаем ракурс внимания в плоскость научных взглядов, научных (методологических) установок в отношении развития энергетики в 1950-1960-е гг. И в этом контексте рассматриваемый вопрос связан и с другой областью изучения электроэнергетики – истории науки и техники, а не только истории экономики и промышленности.

Характеристика источников. Безусловно, основные документы связанные

с международными контактами, – это документы международных экономических объединений – Совета экономической взаимопомощи, государственные документы и т.д. Научно-техническое сотрудничество в его развернутом виде плодотворно изучать и на материалах непосредственных участников этих встреч – главных акторов международного научного обмена. Источниковой основой для анализа данной темы стала научно-техническая документация, отложившаяся в фондах научно-исследовательских институтов, в частности, Энергетического научного института им. Г.М. Кржижановского (ЭНИН), НИИ «Гидропроект», НИИ «Оргэнергострой». Возможности научно-технической документации как достаточно информативного источника для изучения этой стороны научной деятельности обоснованы в новейших публикациях⁸.

Архивные документы Энергетического института им. Г.М. Кржижановского (РГА в г. Самаре, Ф. Р-249) представляют собой обширный комплекс различной научно-технической документации (более 1,5 тыс. ед. хр. за 1933-1960 гг.). ЭНИН – комплексный научно-исследовательский центр, изучающий теоретические и практические проблемы в области энергетики. Ныне это АО «Энин». Работа советского ЭНИН была тесно связана с реализацией плана Государственной электрификации России. Одновременно институт занимался решением теоретических вопросов энергетики, разработкой крупномасштабных мероприятий и комплексных проблем в области энергетики. В 1950-1960-е гг. изучение обобщение и обмен опытом энергетического строительства представители ЭНИН реализовывали в самых разных формах. Это были обзоры состояния отраслей в разных странах, отчеты сотрудников о зарубежных командировках, краткие рефераты научных работ зарубежных коллег, материалы по подготовке ярмарок и выставок, обмен научной литературой, проведение совместных научных исследований и т.д.⁹ Ряд документов позволяет воссоздавать работу советских ученых

на международных научных конгрессах.

Еще один научно-исследовательский институт энергетического профиля, но прикладной направленности – Всесоюзный НИИ по проектированию и организации энергетического строительства «Оргэнергострой», был создан в середине 1950-х гг. (РГА в г. Самаре. Ф.24) Он занимался изучением прогрессивных методов в этой области, особенно крупного гидростроения. С 1958 г. центральный офис НИИ располагался в г. Куйбышеве (ныне г. Самара), филиалы действовали в Москве, Ленинграде, Одессе. Архивный фонд «Оргэнергостроя» также содержит разнообразную отчетную и проектную информацию о различных сторонах международного обмена ученых и практиков энергетики.

Всесоюзный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт им. С.Я. Жука «Гидропроект» (РГА в г. Самаре, Ф. Р–109) занимался темами, связанными с гидроэнергетикой. С 1957 г. он находился в подчинении Министерства энергетики и электрификации СССР. Ряд документов в фондах института содержит информацию об участии СССР в работе Постоянной комиссии по электроэнергии стран СЭВ¹⁰. В фондах НИИ хранятся также подробные отчеты о международных конференциях, где участвовали представители советских НИИ, аналитические обзоры о ситуации в отрасли, докладные записки и резолюции по обсуждаемым в СЭВ вопросам в области энергетики.

Результаты исследования. В середине XX в. в мире активно проявлялись переменные, связанные с научно-технической революцией. Началась эра освоения космоса. Безграничные перспективы (созидательные и разрушительные) демонстрировала ядерная энергетика. Научные исследования в разных сферах актуализировали международный обмен идеями, технологиями и проектами, теперь он становился необходимым составляющим звеном технического развития. В области энергетики действовали Международный энергетический коми-

тет, Комитет по энергетике Европейской экономической комиссии ООН, ряд других региональных объединений. СССР принимал в них активное участие, а советские ученые были инициаторами формирования повестки дня международных энергетических форумов, активными участниками и докладчиками. При этом внешнеполитические отношения не были безоблачными: набирали обороты «холодная война» и экономическое соревнование стран разной политической ориентации.

Насколько влияние политики было определяющим в научно-техническом обмене в сфере энергетики? Президент США Дж. Форд, открывая в 1975 г. Международную энергетическую конференцию, говорил о мировой интерзависимости и важности комплексного решения энергетических проблем¹¹.

В данной статье мы рассматриваем материалы отчетов ученых энергетических НИИ 1956-1958 гг. Среди них: заседание Европейской экономической комиссии ООН (Женева, 1956 г.); XI секционное заседание Мировой энергетической конференции (Белград, 1957 г.); Электроэнергетический съезд в Польше (Варшава, 1958 г.).

Организация работы международных форумов. В ноябре 1956 г. в Женеве собрались специалисты-энергетики на заседание Комитета по электроэнергии Европейской экономической комиссии ООН¹². В совещании, созванном по инициативе советских представителей в Комитете, участвовали делегации 17 стран Европы, США. Советская делегация состояла из 7 человек во главе с опытным гидротехником В.С. Эрстовым¹³. Обсуждалось 43 доклада, в том числе 7 - из СССР. Тема, вынесенная в повестку дня, по мнению всех участников заседания, была важной - снижение стоимости строительства и эксплуатации гидроэлектростанций¹⁴. Все участники совещания отмечали имевшиеся сложности - большие объемы работ, трудные природные условия для строительства гидроэлектростанций, длительные сроки возведения и др. Обсуж-

дение сначала строилось вокруг просмотра советских документальных фильмов «Перекрытие русла реки Волга при строительстве Горьковской и Куйбышевской ГЭС» и «Намыв плотины Мингечаурской ГЭС». От ответов на вопросы и обсуждения фильмов перешли к практическим аспектам реального строительства: перекрытие рек, скоростной монтаж, вибропогружение шунтов, зимнее бетонирование и т.д.

Конгресс демонстрировал высокий уровень организации работы: все доклады участников предварительно распечатывались на стеклографе на одном из трех языков - русском, французском и английском, в зависимости от того, на каком языке был оригинал. Краткое резюме давалось на всех трех языках. Подготовкой этих документов занимался редакционный совет. В его составе были представители и капиталистических, и социалистических стран: два вице-председателя - инженеры Нильсон (Швеция), Хобст (Чехословакия), а также по два представителя от СССР, Австрии и США. Редсовет выработывал и окончательный вариант программы будущей работы. После окончания совещания секретариат обобщал и передавал всем странам-участницам сделанные предложения.

Вернувшись из Женевы, советская делегация представила отчет о проделанной работе, который содержал подробное описание интересных идей и позитивного зарубежного опыта¹⁵. В отчете отмечалось, что СССР имел несомненное первенство в деле разработки и освоения новых типов строительства крупнейших по мощности гидроэлектростанций. Вместе с тем изучение зарубежного опыта гидроэнергетического строительства показало, что «в целом ряде случаев зарубежом достигнуты результаты, превосходящие наши», которые следует изучить для применения «рациональных решений в нашей практике». По итогам отчета делегации ученых в Министерстве электростанций СССР и соответствующих его коллегиях было проведено специальное заседание, где обсуждались эти вопро-

сы¹⁶, а также возможности внедрения зарубежного опыта в области строительства ГЭС¹⁷.

В июне 1957 г. в Белграде состоялось XI секционное заседание Мировой энергетической конференции¹⁸. Главная тема форума - «Энергия как фактор развития слаборазвитых стран». Более 100 участников представляли 46 стран. Советскую делегацию из 26 инженеров и научно-технических работников различных НИИ, министерств возглавлял заместитель министра, по возвращении из Белграда ставший министром электростанций А.С. Павленко. В этот момент времени в СССР шла активная реорганизация центральных ведомств, в том числе и в энергетической отрасли¹⁹.

Вся советская делегация состояла из докладчиков, включая А.М. Павленко (27 докладов), который выступал на пленарном заседании. Отчет Министерства электростанций и Министерства строительства электростанций СССР, отложившийся в фондах РГА в г. Самаре (Ф.Р-24 «Оргэнергострой»), характеризовал подготовительные работы, ход и проведение конгресса, культурную программу (посещение оперного спектакля)²⁰ и деловые экскурсии (на электростанцию «Никола Тесла» и гидроузел «Мостье»). В отчете представлены и фотографии.

Отчет научных сотрудников представлял собой подробные обзоры докладов. В 1957 г. на заседании Мировой энергетической конференции в Белграде в 6 секциях было заслушано 202 доклада, советские ученые помимо выступлений принимали активное участие в прениях (более 20 выступлений). Отметим также, что русский язык, наравне с английским, немецким и французским языками, был официальным рабочим языком этого международного симпозиума. Как следует из министерского отчета, доклады от СССР «имели определенную направленность и конкретность»²¹, почему и вызвали большой интерес. Наибольшее внимание привлекли доклады об опыте строительства линий электропере-

дачи (ЛЭП) в нашей стране. Практические аспекты этого вопроса интересовали участников из Чехии, Югославии, Пакистана, Польши. Много вопросов было задано нашим участникам также в перерывах между заседаниями.

В 1958 г. состоялся международный электроэнергетический съезд в Польше, организованный Польской Академией наук (ПАН) совместно с Союзом польских электротехников. Глава Комитета электрификации Польши академик И. Якубовский возглавил подготовительный комитет съезда. На съезд приехали делегации энергетиков социалистических стран, от каждой страны по 3 человека. Китайская Академия наук направила сотрудников института машиноведения и электротехники Ян Чан-Ци и Хэ Сюй.

Советская делегация состояла из 6 человек во главе с доктором технических наук В.И. Горюшкиным, представителем ЭНИН, будущим автором учебника по энергетике²². ЭНИН также представлял доктор технических наук Б.И. Никитин. В состав делегации вошли доктор технических наук, академик Белорусской ССР А.В. Лыкова, директор теплоэнергетического института Академии наук Украинской ССР Г.М. Щеголев, заместитель директора энергетического института Академии наук Латвийской ССР М.А. Роман, академик Академии наук Эстонской ССР И.Г. Хейль.

Съезд работал 4 дня. в г. Сопоте (Побережье Балтийского моря). Для иностранных участников были организованы технические и туристические экскурсии по стране. Первым туристическим объектом была Новая Гута вблизи Кракова – основная база черной металлургии в Польше. Комбинат включает доменный, сталеплавильный, прокатный и коксовый заводы. Он строился с помощью Советского Союза. Также была организована экскурсия на тепловую электростанцию Сквина.

Тематика съезда строилась вокруг вопросов долгосрочного планирования в области энергетики. Всего в программу было включено 34 доклада и в том числе 4 докла-

да, представленных советской делегацией. Доклады слушались на заседаниях секций, которые работали последовательно одна за другой, что давало возможность прослушать все доклады.

Во время пребывания в Польше ученые Энергетического института вели переговоры по программе совместных научных исследований по единой энергетической системе Восточной Европы. В связи с этим в перерывах съезда состоялось несколько встреч с руководящими работниками Комитета электрификации Польши. Переговоры закончились подписанием протокола, в котором было отражено желание Комитета и ЭНИН координировать и развивать работы по данной проблеме. Работники Польской Академии наук отнеслись с большим вниманием к делегатам и докладам АН СССР. В разговорах польские ученые подчеркивали свое уважение к советской науке и свое желание побывать в СССР. Польские ученые стремились установить личные контакты с членами делегаций, завязать переписку и обмен литературой.

Таким образом, можно констатировать, что в 1950-е гг. международное энергетическое сообщество использовало активные разнообразные формы научного сотрудничества, внимание к которым существовало и на уровне специализированных технических, и государственных структур. Ежегодные международные мероприятия энергетиков давали возможность научному сообществу находиться в тоне и мейнстриме основных возникавших вопросов.

Обсуждаемые научные и технические аспекты развития отрасли. Наблюдаемые столетиями электрические явления дали толчок развитию энергетики как отрасли производства относительно недавно, примерно двести лет назад, в конце XVIII - начале XIX в. Это было связано с изобретением первых паровых двигателей и, следовательно, использованием тепловой (паровой) энергии. Более «простые» - механическая, гидравлическая, ветряная – энер-

гии пока находились «на обочине» технического прогресса.

Практика получения вторичной энергии путем нагревания, потребовала развития разнообразного машиностроения, в том числе паровых котлов, генераторов (для получения и преобразования тока, с 1871 г.), трансформаторов для распределения и передачи тока на расстояния (с 1892 г.), асинхронных двигателей и т.д. Эти результаты и достижения в совокупности заложили научно-техническую основу электрификации в широких масштабах. Энергетическое и электрическое машиностроение получили мощное развитие с конца XIX в. В 1920-е гг. очередной технологический виток в энергетике проявлялся в создании объединенных энергетических объектов. А это в свою очередь повлекло за собой развитие оборудования для линий электропередачи (ЛЭП)²³. Комбинированная энергетика и создание объединенных энергетических систем (гидроэлектростанций и тепловых) стали новым научно-техническим, экономико-технологическим, организационно-производственным этапом в развитии энергетики уже в 1950-е гг. Имеющийся к тому времени опыт СССР по вопросам создания линий электропередач (ЛЭП) обобщил на международном симпозиуме в Югославии (1957 г.) директор института «Оргэнергострой» А.М. Мельников²⁴

В то же время существовало довольно много спорных теоретических и технических вопросов, нерешенных проблем, связанных с межграничными сферами (перевод тепловой, гидравлической энергии в электрическую, необходимое повышение мощности агрегатов для работы объединенных систем, производящих энергию, расчет неизбежных потерь при передаче энергии на большие расстояния, развитие возможных сопутствующих производств и т.д.). Схематично мы обозначили крупные блоки (сферы) энергетики, где любые изменения нуждались в методологическом, научно-техническом и экономическом обосновании (Схема 1).

Схема 1. Базовые сферы комбинированной энергетики (без атомной), активно трансформировавшиеся в середине XX в.

Тепловая энергия		Гидроэнергия		Электрическая энергия (ток)		Транспортировка электрической энергии	
Производство	Трансформация и передача	Производство	Трансформация и передача	Производство	Передача	Передача конечному потребителю	

В контексте развития энергетической науки и техники обсуждаемые мировым энергетическим сообществом вопросы были весьма актуальны для всех участников. Обмен опытом, научными и техническими проектами в этих условиях представлялся чрезвычайно важным. Неслучайно в «золотое двадцатилетие» 1950-1960-х гг. международные контакты в разных сферах энергетики были очень активны.

В 1956 г. на Женевском совещании специалистов по электроэнергетике очень подробно и плодотворно обсуждался опыт разных стран. В сравнении выделялись преимущества и пионерские достижения СССР, прежде всего в сфере возведения крупных гидрообъектов. В итоговом исследовательском отчете были выделены сюжеты, связанные с обобщением полезного для СССР опыта. Так, опыт Швеции «интересен тем, как на гидростанциях строят земляные плотины с использованием материалов из полезных выемок. Вторичное использование вынутого грунта дает большую экономию», «бетон очень дорогой материал, который нужно использовать лишь в тех случаях, где он не может быть заменен»²⁵. Представляла интерес также шведская практика сооружения тоннелей в горных скалах. В отчете подробно рассматривался опыт Италии по строительству облегченных плотин, что давало экономию в бетоне до 40%. Отдельно обсуждались научные аспекты (разработка статистических моделей анализа работы энергообъектов, расчеты по увеличению единичных мощностей агрегатов и др.). Участники международного форума предлагали активизировать перевод зарубежных исследований на русский язык, в частности

по расчетам и конструированию облегченных и арочных плотин.

Научно-исследовательский институт Московского филиала «Оргэнергостроя» разработал рекомендации «Прогрессивные методы подземных гидротехнических работ» (1956 г.) на основе изучения последнего зарубежного и отечественного опыта туннелестроения, в которых были отражены все основные выводы докладов, представленных по этой тематике на Женевское совещание²⁶.

Экономические сюжеты совещания, и впоследствии обсуждаемые в НИИ, были связаны с предложением перейти от подрядного строительства к хозрасчетному (хоздоговорному), что способствовало бы снижению стоимости строительства энергообъектов. Предложения и рекомендации ученых были направлены в Министерство строительства электростанций и Министерство электростанций СССР. На заседании в Белграде 1957 г. большой интерес вызвали доклады советских ученых об опыте проектирования и строительства линий электропередачи в СССР. Много было задано вопросов на эту тему представителями Румынии, Польши, Югославии, Пакистана. Делегация СССР пользовалась большим вниманием со стороны участников, так как советские доклады «имели определенную направленность и конкретность». По итогам участия советской делегации в Мировом энергетическом конгрессе 1957 г. авторы также обратили внимание на наиболее интересные темы. В основном это были вопросы тогда нетрадиционные для СССР. Так, в отчете работники НИИ «Оргэнергострой» выделили доклад испанского инженера P. Diran

«Теория и практика искусственного увеличения осадков», югославского инженера В. Dordevic «Новый способ использования энергии, находящейся в сети» и довольно подробно описали суть докладов в отчете²⁷.

В 1958 г. в Варшаве много внимания помимо технических вопросов было уделено перспективным аспектам развития энергетики, которые были связаны с современными на тот момент задачами объединенных энергетических систем. Для Польши это было особенно важно, так как Польская Академия наук участвовала в практической подготовке перспективных планов развития энергетической отрасли в стране. Эту тематику разрабатывали участники первой секции съезда. Доклады проф. К. Кожецкого, инж. А. Капустянского и проф. З. Ясицкого, по мнению советских участников, заслуживали перевода на русский язык после их получения и специального изучения. Организаторы съезда важнейшим считали вопрос о методах составления перспективного топливно-энергетического баланса, методах оценки эффективности капиталовложений и оценки рентабельности передачи электроэнергии.

Вторая секция была посвящена производственным аспектам, третья затрагивала вопросы передачи и распределения электрической энергии. Польские докладчики указывали на целесообразность соединения электросистемы Польши с соседними странами: Албанией, Болгарией, Чехословакией, Югославией, ГДР, Румынией, Венгрией, СССР, Австрией, ФРГ. Из польских докладов наибольший интерес представлял доклад проф. К. Пжановски и доц. Г. Рукшто «Воззрения на перспективы строительства международной энергетической сети, соединяющей Польшу с другими странами Средней Европы».

После оценки энергетических ресурсов этих стран (без СССР) авторы докладов пришли к выводу о целесообразности развития гидроэнергетики в Югославии, Австрии и Румынии и теплоэнергетики в Польше с целью обмена энергией с други-

ми странами. Польские ученые активно настаивали на проведении совещания по методическим вопросам, связанным с созданием единой энергетической системы Восточной Европы.

Выдвигалась идея строительства тепловых электростанций в Польше за счет ряда стран и передачи электроэнергии напряжением порядка 400 квт. или выше. Для решения этих вопросов предлагалось создать специальную организацию в рамках, например, Совета экономической взаимопомощи.

Четвертая секция съезда занималась оценкой энергетических ресурсов Польши. Подробное описание всех тем см. в отчете В.И. Горушкина²⁸.

По итогам съезда в Польше было намечено восемь исследовательских тем, по которым «желательна координация», и предлагалось утвердить на нем программы координированных исследований. За координацию и совместные исследования выступали представители Польши, Болгарии, Румынии. Инициатором и организатором подобной работы все участники видели СССР, высказывались даже предложения о создании международного энергетического института для проработки методических вопросов, связанных с разработкой плана создания единой энергетической системы Восточной Европы.

Таким образом, международные энергетические форумы рассматривали актуальные аспекты совершенствования отрасли в условиях нового этапа развития комбинированной энергетики. Наряду с техническими аспектами много внимания было уделено методологическим, методическим и экономическим сторонам вопроса.

Взаимодействие ученых и практиков стран разной политической ориентации. Документы НИИ энергетического профиля практически не содержат информации, которая бы свидетельствовала о влиянии холодной войны на организацию научных исследований или международные контакты советских ученых. Более того, ряд

международных форумов проходил в условиях, когда ситуация была очень обострена. Так, в 1956 г. усиление международной военной напряженности наблюдалось в Венгрии, а также в Египте. В это время в Женеве проходило заседание Европейской энергетической комиссии. Как отмечали ученые СССР, «несмотря на самую разнузданную клеветническую антисоветскую пропаганду в связи с событиями в Венгрии и Египте, происходившими в этот период, на совещании с начала до конца установилась деловая обстановка, без каких-либо выпадов против Советского Союза и советской делегации»²⁹. Отчеты о зарубежных командировках также не содержат никаких упоминаний в связи с политическими разногласиями стран.

Возможно, можно увидеть некоторую тенденциозность в оценках докладов из США на заседании Мирового энергетического конгресса 1957 г. Как следует из отчета по командировке, «их доклады сводились к призыву средств Международного банка для развития энергетики слаборазвитых стран, к восхвалению системы финансирования строительства энергетических объектов за счет привлечения средств «широкого населения», к доказательству отрицательного влияния национализации крупной энергетики, которая, по их словам, тормозит развитие энергетики и, в частности, гидроэнергетики»³⁰. По мнению отдельных делегатов, «доклады представителей стран США и Англии и других капиталистических стран носили больше декларативный характер без конкретного изложения вопроса». Всего лишь два кратких замечания, которые только подчеркивают, что интересы дела, технические и научные аспекты были основной темой разговоров и обсуждений на международных научных и научно-технических симпозиумах.

В 1956 г. вторым изданием в Москве вышел учебник «История энергетической техники»³¹. Этот объемный и популярно излагающий сложные аспекты развития энергетики, энергетического машиностроения учебник интересен не только с технической,

но и исторической точки зрения. Сам по себе, как и любой учебник он отражает достигнутые научные результаты, господствующие теоретические концепции в той или иной области науки, а также эпоху, момент времени, в который он написан. В нем представлен довольно большой по объему раздел «Электрификация в капиталистических странах» (с. 487-500). В учебнике обозначены главные тенденции в развитии энергетики западных стран. Они полностью совпадают с теми, что были выделены тогда и учеными ЭНИИ при анализе зарубежного опыта: «создание крупных объединений энергетических систем, рост мощности единичных агрегатов и появление технической возможности их концентрации, развитие энергосистем за счет «периферийного смыкания стихийно образовавшихся частнокапиталистических систем»³². В учебнике лишь сделан главный акцент на отсутствии планирования в энергетике капиталистических стран, подчеркивался стихийный характер развития, а также проявление монополистической конкуренции в сфере энергетики.

Раздел учебника «Электрификация в зарубежных социалистических странах» (с. 520-579) более обширен. Здесь представлены цифровые данные об объемах производства электроэнергии в странах социалистического лагеря за первое послевоенное десятилетие (таблица 1), а также представлена информация о советских проектах, которые осуществлялись в это время. На 1 января 1957 г. в КНР работало 16 электростанций, построенных по советским проектам и на советском оборудовании, в Румынии – 10, Польше и Болгарии – по 4. Кроме этого, в 1957 г. строительно-монтажные работы велись на 47 электростанциях³³.

В 1958 г. в СССР выработка электроэнергии составила 233 млрд квт.ч³⁴. Преимущество нашей страны в этой области были неоспоримы, выработка электроэнергии в странах Восточной Европы была многократно ниже, но росла быстрыми темпами (таблица 1). Помощь СССР другим странам была значительной.

Таблица 1. Выработка электроэнергии в социалистических странах (млрд. квт.ч.) в год³⁵

страна	1946 год	1950 год	1955 год
ГДР	11,5	19,6	28,7
Польша	5,7	9,4	17,8
Чехословакия	5,6	9,3	15,0
Китай	3,7	5,8	12,3
Венгрия	1,3	3,0	5,4
Румыния	0,7	2,1	4,3
Болгария	0,4	0,8	2,1

В отличие от ученого сообщества, в системе высшего технического образования идеологические акценты были значительно сильнее выражены.

Таким образом, изучение документов НИИ «ЭНИН им. Г.М. Кржижановского», «Оргэнергострой», «Гидропроект» за 1950-1960-е годы, называемые «золотым двадцатилетием», дало возможность воссоздать:

- актуальную научно-техническую проблематику в сфере энергетики для разных стран, независимо от уровня их экономического развития и политической ориентации;

- характер и формы международных научных контактов (симпозиумы, конференции, конгрессы, съезды, их секционные заседания);

- результативность участия советских ученых и научных делегаций в этих мероприятиях.

Середина XX в. – время развития комбинированной энергетики, соединения в единую систему гидро- тепло- и других станций, дающих в итоге электричество. Эта научная, техническая, технологическая, организационная задача решалась наукой и практикой одновременно, в «единый момент времени». Дальнейшее увеличение объемов производства электроэнергии и ускорение ее передачи было возможно при объединении усилий специалистов разных стран. По всей вероятности, это общее понимание и способствовало активному международному взаимодействию ученых

и практиков в сфере энергетики. На международных форумах ученые рассматривали не только технические, но и общеэкономические вопросы, способствовавшие удешевлению строительства, повышению производительности труда в сфере энергетики, комплексному использованию энергоресурсов в различных отраслях экономики и сельского хозяйства. Осознание общности и взаимной сопряженности разных стран и народов в сфере энергетики, независимо от их политической ориентации, незримо ощущалось на этих съездах. Тон докладов и отчетов советских делегаций об этом свидетельствует. Однако вопросы экологического воздействия на мир и природу практически не рассматривались никем из участников международных форумов.

Научно-техническая документация советских НИИ энергетического профиля показывает, что ученые-энергетики нашей страны принимали самое активное участие в международных конгрессах и симпозиумах, пользовались авторитетом и уважением. Они участвовали в формировании повестки дня, были активными докладчиками, инициаторами обсуждения важных научных и технических проблем, волновавших мировое энергетическое сообщество.

Примечания

¹ Андреев В.Б., Баринев В.А., Варфоломеев С.Д., Лачугаев Ю.Ф., Матюхин В.Ф., Панченко В.Я.,

- Редьков И.Я., Сигов А.С., Стенников В.А. Создание комплексных интегрированных систем энергоснабжения// Вестник РУДН. Серия: Инженерные исследования. RUDN Journal of Engineering Researches 2020. С. 227-228.
- ² Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016. 320 с.
- ³ Карачковский О.Д. Вопросы атомной энергетики на пятой Всемирной энергетической конференции в Вене// Атомная энергетика. Том 1. Вып. 5. 1956. С. 148-150.
- ⁴ Бутырин П., Гусева Е. Всемирные электротехнические конгрессы. // Электроэнергия. 2011. № 1 (4). С. 140.
- ⁵ Симонов Н.С. Указ. соч.
- ⁶ Бурдин Е.А. Гидростроительство в России от Самарского Волгостроя к Большой Волге (1930-1980 гг.) Ульяновск, 2009. 222 с.
- ⁷ Дядичкина Н.Е. Международное научное сотрудничество Академии наук БССР (вторая половина 1950-х- 1980-е гг.) Брест: БрГУ, 2013. 157 с. Важник О.Н. БССР и Польская Народная Республика: экономические, научно-технические, культурные связи в 1949–1979 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук, Минск, 2005; Его же. БССР и Польская Народная Республика: экономические, научно-технические, культурные связи в 1949–1979 гг. Минск: БГПУ, 2008. 134 с.
- ⁸ Солдатова О.Н. Отражение результатов исследований в области общественных, естественных, и технических наук в XX веке (по материалам научно-технической документации) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Т. 3. 2021. № 1. С. 112-117.
- ⁹ РГА в г. Самаре. Ф. Р. -249. Оп. 1-1. Д. 1233, 1252, 420, 1422, 1469, 1549 и др.
- ¹⁰ РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 426, 428, 429, 431- 434, 447, 450, 451, 453-456, 476-479, 488, 507, 546.
- ¹¹ Корякин Ю.И. Мировая энергетическая конференция (МИРЭК IX // Атомная энергия. Т. 38. Вып. 1. С. 53-56.
- ¹² Европейская экономическая Комиссия – одно из пяти региональных отделений Экономического и социального Совета (ЭКОСО). Создана в 1947 г. для восстановления разрушенной войной промышленности. В настоящее время в ее составе представители 56 стран.
- ¹³ Эрстов Виссарион Сардинович, доктор технических наук, гидротехник, ученый, преподаватель, активный участник международных энергетических проектов, соавтор подготовки международных документов (с Францией, Марокко, Афганистаном, Канадой, Китайской Народной Республикой, США, Египтом (1951-1970 гг.), автор многочисленных работ, обобщающих опыт советского строительства в других странах. В РГАЭ есть фонд Эрстова В.С (1905-1975). Фонд 638.
- ¹⁴ РГА Ф. Р-24. Оп. 1-5. Д. 24. Л. 1-8.
- ¹⁵ РГА в г. Самаре. Ф-Р-24, оп. 1-6. Д. 21. Л. 100-107.
- ¹⁶ РГА в г. Самаре. Ф.24. Оп. 1-6. Д. 21.
- ¹⁷ РГА в г. Самаре, Ф. Р-24. Оп. 1- 6.Д. 212.
- ¹⁸ Мировая энергетическая конференция (МИРЭК) – крупнейшая некоммерческая организация, объединяющая более 3 тыс. энергетических компаний из 100 стран мира. Существуют национальные комитеты МИРЭК. Организация была создана в 1923 г. как энергетический Совет по инициативе ученых (экспертов). В 1968 г. преобразована во Всемирную энергетическую конференцию, а в 1989 г. – Всемирный энергетический совет, который собирается один раз в три года для обсуждения глобальных проблем в области энергетики. В октябре 2022 г. 25-й Всемирный Энергетический Совет соберется в Санкт-Петербурге.
- ¹⁹ Реформирование высших органов власти началось в 1955 г. с реформы Госплана СССР, затем других министерств и ведомств. Вопросы эксплуатации электростанций и электроэнергетики в целом в этот момент стояли довольно остро, о чем свидетельствует реорганизация Министерства электростанций, проходившая в это время. Министерство электростанций СССР и электропромышленности (1953-1954 гг.) было преобразовано в Министерство электростанций (1954-1958 гг.), с конца декабря 1958 – 1962 гг. оно действовало как Министерство строительства электростанций, в 1962-1963 гг. - как Министерство энергетики и электрификации СССР. В марте 1963 г. был создан Государственный комитет по энергетике и электрификации СССР. В октябре 1965 г. он был вновь преобразован в отраслевое Министерство энергетики и электрификации, которое работало до 1991 г.
- ²⁰ В отчете даже отмечено, что оперный спектакль вместе с участниками конгресса слушали Иосиф Броз Тито, Э. Кардель и Ранкович с супругами.
- ²¹ РГА в г. Самаре. Ф. Р-24. О. 1-5. Д. 21.
- ²² Горушкин В.И., Веников В.А., Маркович И.М., Мельников Н.А., Федоров Д.А, Электрические системы, электрические расчеты, программирование и оптимизация режимов. Учебник. М.: Высшая школа, 1973. 320 с.
- ²³ Кабели для передачи тока стали производить в

- мире с 1890 г., дальнейшее их совершенствование было связано с использованием для этого различных металлов – стали, меди, алюминия.
- ²⁴ РГА в г. Самаре. Ф. Р-24. Оп. 1-6. Д. 82.
- ²⁵ РГА в г. Самаре, Ф. Р-24. Оп. 1-5. Д. 22. Л. 8.
- ²⁶ РГА в г. Самаре. Ф. Р-24. Оп. 1-5. Д. 21. Л. 100-107.
- ²⁷ РГА в г. Самаре. Ф. Р-24. Оп. 1-6. Д. 81. Л. 2.
- ²⁸ РГА в г. Самаре. Ф. Р-249. Оп. 1-1. Д. 1422. Л. 27, 33.
- ²⁹ РГА в г. Самаре. Ф. Р-24. Оп. 1-6. Д. 22. Л. 7.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ История энергетической техники. Белькинд, Л.Д., Веселовский О.Н., Конфедератов И.Я., Штейнберг Я.А. М.: Советская наука, 1958. 2-е издание книги вышло в 1960 г. в Государственном энергетическом издательстве.
- ³² РГА в г. Самаре. Ф. Р-249. Оп. 1-1. Д. 1420. Л. 3.
- ³³ Там же. С. 521.
- ³⁴ История энергетической техники. С. 511.
- ³⁵ История энергетической техники. С. 520.

**INTERNATIONAL ENERGY CONGRESSES AND SYMPOSIUMS:
REFLECTION IN THE DOCUMENTS OF RESEARCH INSTITUTES
OF THE USSR IN THE 1950S-1960s**

© 2022 N.F. Tagirova¹, O.E. Soldatova²

¹ Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

² Samara State University of Economics

The article is based on the materials of the Soviet research institutes of the energy profile which are deposited in the Russian State Archive in Samara. The authors consider the forms of scientific communications, the topics of the issues discussed, the influence of the foreign policy situation on the development of international scientific relations in this area in the middle of the twentieth century. The successes achieved by that time in the electric power industry could increase with the acceleration of its transmission over long distances and the creation of unified energy systems. Such a common understanding of the prospects contributed to the active international interaction of scientists and practitioners in the field of energy.

Keywords: scientific-technical revolution, electrification, international energy congresses, conferences, history of science and technology, USSR, Unified Power System (UPS), Council for Mutual Economic Assistance (CMEA).

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-96-107

*Nailya Tagirova, Doctor of History, Scientific Editor,
Samara Federal Research Center of the Russian
Academy of Sciences. E-mail: tag-nailya@yandex.ru
Olga Soldatova, Candidate of Economy, Director of
the Museum, Samara State University of Economics.
E-mail: olsol24@yandex.ru*

УДК 903.4(470.51/.54)

**КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ III БЕРЕГОВОЙ СТОЯНКИ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА
(СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)**

© 2022 Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)

Статья поступила в редакцию 05.12.2021

Береговые памятники Горбуновского торфяника исследуются археологами еще с довоенных времен. Однако далеко не все выявленные комплексы полноценно представлены в публикациях. В статье освещаются неизвестные ранее материалы каменного и бронзового веков III Береговой стоянки. При анализе каменных изделий использовались статистико-типологический, трасологический и минералогический методы. Исследование каменного инвентаря позволило выявить нехарактерные для поселенческих комплексов особенности (палеолитические бифасы, трапеции с боковыми выемками, гребенчатые штампы, подвески, необычные типы орудий). Из предметов неутилитарного назначения следует отметить каменные подвески, нашивки и окрашенные охрой предметы. Обитатели торфяника широко использовали местную сырьевую базу. Список минерального сырья достигает 20 наименований, которые представляют состав местных галечников. На памятнике преобладают изделия из вулканомиктового песчаника, кремнистых сланцев и молочного кварца.

Ключевые слова: Горбуновский торфяник, палеолит-ранний железный век, типы каменного инвентаря, сырьевая база участка.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-108-000

Памятник открыт автором в 1976 г. Исследовался нижнетагильской экспедицией под руководством автора (начальник отряда П.К. Халяев) в 1979 – 1994 гг. (с перерывами)¹.

Стоянка располагается на каменистом мысу северо-восточного берега Горбуновского торфяника (Пригородный р-н Свердловской обл.). Высота мыса доходит до 5 м. Стоянка исследована практически полностью на площади около 500 кв. м. Коллекция находок состоит из 12 тыс. фрагментов керамики и каменных изделий. Памятник смешанный, на нем представлены материалы раннего палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзы и раннего железного века.

Присутствие на памятнике изделий раннего палеолита является одной из его

особенностей. В 1985 г. на стоянке было обнаружено несколько крупных и массивных отщепов с рельефно выраженными ударными бугорками и скошенными под тупым углом к плоскости скалывания ударными площадками. Кроме архаичных отщепов в комплексе были выявлены массивные изделия типа бифасов. Целиком сохранился только один бифас размером 16,0×5,8×3,0 см. С двух сторон бифас обработан крупными и средними сколами до получения вытянутой слегка асимметричной листовидной формы (рис. 1, 1). От сломанных бифасов сохранились верхние части размером 13,6×9,7×1,8 см и 9,3×5,3×2,4 см. Все бифасы изготовлены из зеленоватого тонкозернистого песчаника, по структуре и окраске очень похожего на змеевик (серпентинит). Использование данного сырья на территории Среднего Зауралья отмечено впервые.

*Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.
E-mail: u.b.serikov@mail.ru*

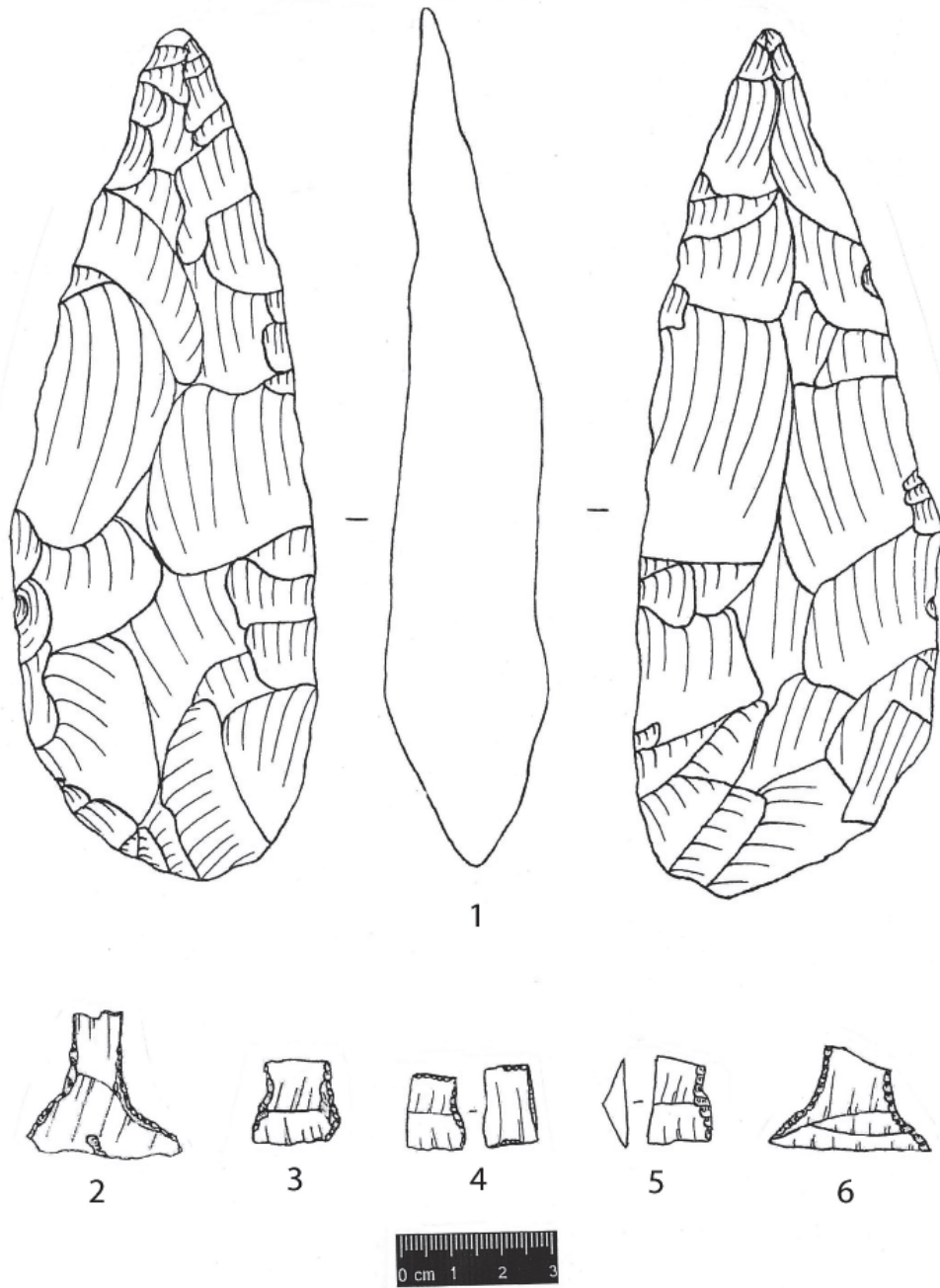

Рис. 1. III Береговая стоянка. Каменные изделия раннего палеолита (1) и мезолита (2–6) (1 – бифас; 2–6 – геометрические микролиты)

Аналогий данным изделиям в каменном веке Урала нет².

Возможно, к палеолиту относится еще одно орудие. Оно выполнено из качественного мелового кремня, который на территории Среднего Зауралья пока неизвестен. Орудие изготовлено в виде правильного остроконечника длиной 5,9 см, шириной 2,8 см и толщиной 1,0 см. По всему периметру оно обработано крупнофасеточной ретушью до придания ему формы треуголь-

ника с округлым основанием (рис. 7, 4). Необычным является присутствие на противоположной стороне бело-голубой патины. На территории Среднего Зауралья патина встречается только на изделиях раннего палеолита. Но точно такую же бело-голубую патину автор встречал на позднепалеолитических изделиях Донбасса.

Интересен и мезолитический комплекс памятника, который состоит из 3 тыс. изделий³. Особенность комплексу придают

геометрические микролиты и боковые (поперечно-ретушные) резцы. Резцы, косо-ретушный и вогнуто-ретушный, выполнены на крупных широких пластинах. Такие резцы являются отличительным признаком зауральского мезолита и редко встречаются в мезолитических комплексах. Характерные для мезолита геометрические микролиты представлены двумя типами – фрагментом вытянутой асимметричной трапеции с одной боковой выемкой (рис. 1, 5) и четырьмя высокими трапециями с двумя боковыми выемками (рис. 1, 2–4, 6). Но если асимметричные трапеции известны и на других памятниках Горбуновского торфяника (Сером Камне и VI Береговой стоянке), то трапеции с двумя боковыми выемками зафиксированы только на III Береговой стоянке.

Следует подчеркнуть, что трапеции высокой формы с двумя боковыми выемками имеют широкое распространение на западном склоне Урала, на территории Среднего Зауралья они встречаются крайне редко. Из 31 известной трапеции 23 найдены на четырех мезолитических памятниках в верховьях р. Туры. Остальные 8 экз. происходят с пяти памятников⁴. Поэтому каждая новая трапеция такого типа не только расширяет географию находок, но и позволяет наметить пути передвижения населения в древности.

Поскольку материалы раннего палеолита и мезолита с III Береговой стоянки достаточно полно представлены в литературе, в статье дается детальная характеристика комплексов неолита, энеолита, бронзового и раннего железного веков. Этим самым будет восполнен пробел в общей характеристике памятника.

Керамический комплекс состоит из 4259 фрагментов разных эпох и культурных типов. Неолит (рис. 2, 1, 2, 4, 5) представлен 848 фрагментами сосудов кокшаровско-юрьинского типа, кошкинского и полуденского типов.

К энеолиту отнесено 2978 фрагментов керамики, в основном аятского и шuvaкишского типов (2862 фр.) (рис. 2, 3). От сосудов с орнаментом липчинского типа сохрани-

лось 116 фрагментов керамики. Аятский тип керамики хорошо представляет реставрированный из 142 фрагментов сосуд высотой 38 см и диаметром 29 см. Он имеет яйцевидное дно, украшен геометрическими узорами в виде треугольников и ромбов, выполненных гребенчатым штампом. Развал этого сосуда находился рядом с очагом. Недалеко от очага найден обломок медного копья и небольшие фрагменты медной фольги. От копья сохранился кусок острия длиной 7,1 см и шириной в месте слома 3,4 см. Сечение копья линзовидное (рис. 7, 8). Эти находки с определенной долей вероятности можно отнести к аятской энеолитической культуре. Также энеолитом датируются 4 скребка из фрагментов керамики, ошлакованный фрагмент сосуда, 11 кусков обожженной глины и 6 обломков глиняных рыболовных грузил. По-видимому, к энеолиту следует отнести и 309 фрагментов керамики без орнамента.

Бронзовый век представлен 101 фрагментом керамики коптяковского типа (рис. 2, 6) и единичными черепками с орнаментом черкаскульского типа. Небольшой комплекс каменных изделий представлен наконечниками стрел и скребками. Три наконечника имеют форму равнобедренных широких треугольников с прямым основанием (рис. 3, 20, 21). Их высота составляет 2,7 – 3,3 – 3,7 см. Изготовлены наконечники из кремня (2) и халцедона. В одном комплексе с таким типом наконечников стрел всегда присутствуют скребки балакинского типа (8). Их особенность состоит в том, что они со стороны спинки и брюшка обработаны плоской ретушью (рис. 5, 16, 19). Один скребок переделан из сломанного наконечника стрелы (рис. 5, 18). Выполнены скребки балакинского типа из кремня (5), халцедона (2) и бурой яшмы (1).

Посещалась стоянка и в раннем железном веке. От этого посещения сохранился всего 21 фрагмент керамических сосудов (рис. 2, 7). Причем 9 из них склеились в почти целый небольшой сосуд. Он имеет баночную форму, плоское днище, высоту 9

см и диаметр 9,9 см. Край венчика прямой, слегка отогнут наружу. Орнамент в виде отпечатков крупнозубой гребенки присутствует только на слабо выраженной шейке сосуда. Толщина стенок сосуда составляет 0,4–0,5 см.

Нерасчлененный комплекс каменных изделий включает 7835 экз. Основная часть изделий относится к эпохам неолита и эне-

олита. При характеристике материалов используются типологический, минералогический и трасологический методы.

Единственный неолитический нуклеус изготовлен из плитки светло-серой слабокремневой породы размером 5,5×3,2×2,5 см (рис. 4, 1). На фронте скалывания сохранилось три полных негатива пластин шириной 0,7 – 0,8 – 2,0 см. Противолежащий фронт

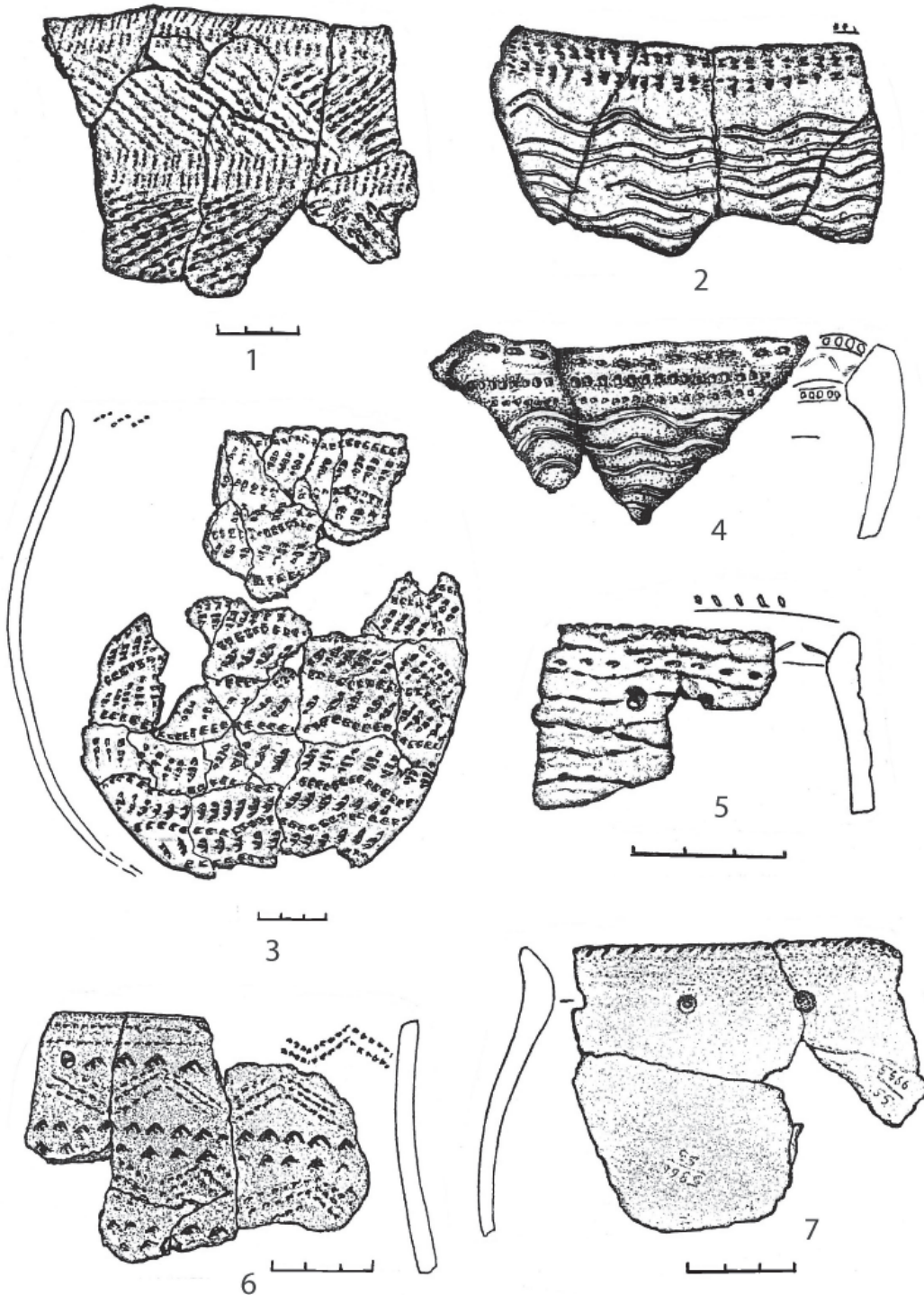

Рис. 2. III Береговая стоянка. Фрагменты керамики неолита (1, 2, 4, 5), энеолита (3), бронзы (6) и раннего железа (7). По: Бунькова А.А., Рыжкова О.В., 2010 (1–3, 5–7); Давыдова Т.С., 2020 (4)

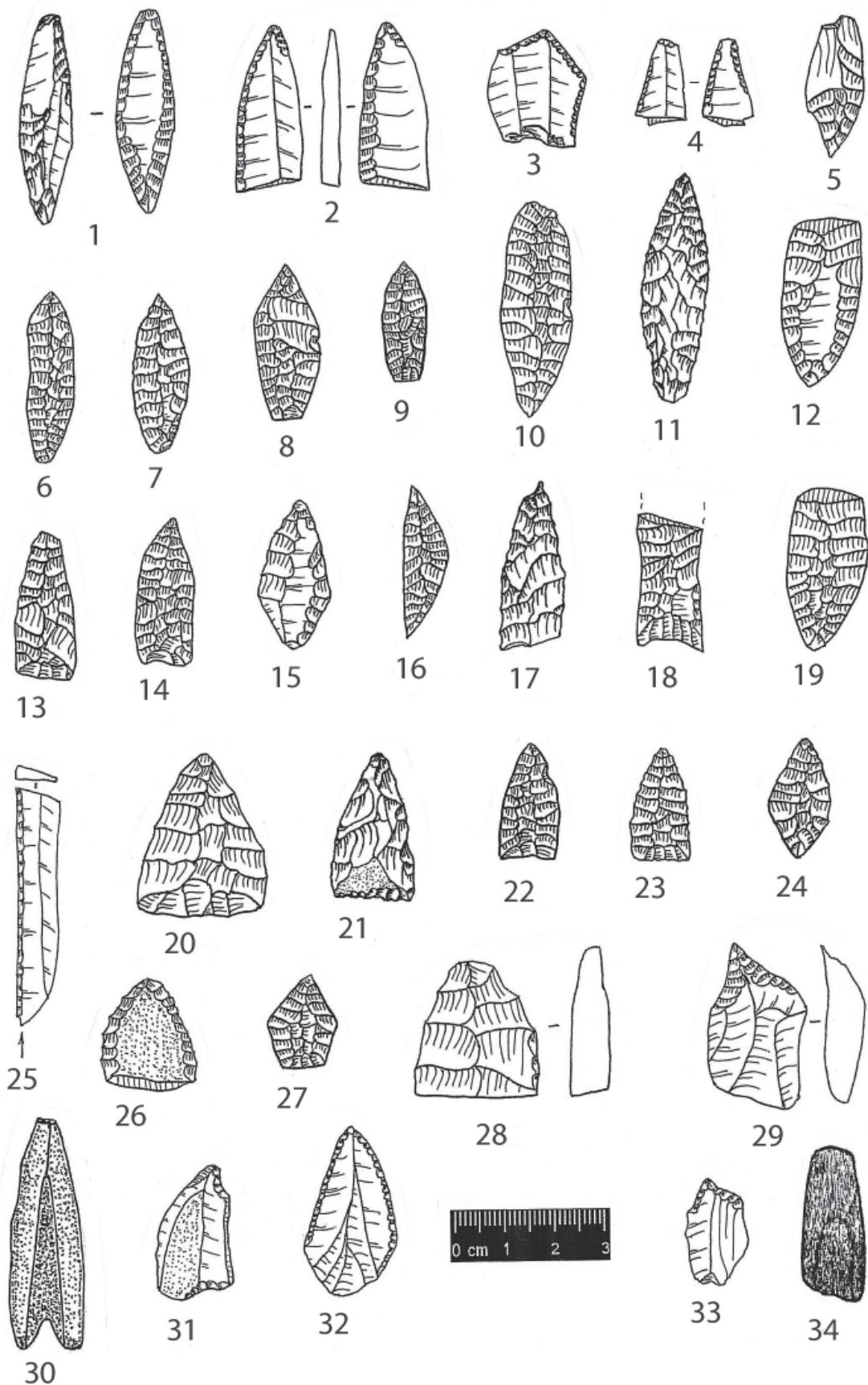

Рис. 3. III Береговая стоянка. Каменные изделия неолита (1-4, 6, 7, 10-12, 19, 31, 32), энеолита (8, 9, 13-18, 22-28, 29, 30, 33, 34) и бронзы (20, 21) (1, 3-27 – наконечники стрел; 28 – обломок наконечника дротика; 2, 29, 31-33 – остря).

По: Бунькова А.А., Рыжкова О.В., 2010 (30, 34)

заломившимися сколами подготовлен к работе, но пластинчатый скол произведен только один. Необходимо подчеркнуть, что оба конца нуклеуса активно использовались в качестве отбойника.

В коллекции сохранились два расколотых нуклеуса. Один из них – двухфронтальный смежный – выполнен из такой же слабокремневой породы. От него сохранился фрагмент размером 5,9×4,4×4,0 см. Ширина негативов пластин – 1,4 и 1,6 см. От второго нуклеуса сохранилась верхняя часть с ударной площадкой размером 3,1×2,6×1,4 см. На нем отмечены негативы двух сколотых пластин шириной 1,3 и 1,5 см. Также к неолиту отнесен нуклевидный кусок светло-серой слабокремневой породы размером 5,8×3,6×3,0 см.

Технические сколы представлены ребристыми пластинами (2) и поперечными сколами (10). Судя по ширине сохранившихся на них негативов пластин (0,8 – 0,9 – 1,1 – 1,3 – 1,6 – 1,7 – 1,8 – 1,9 – 2,6 см) обработке подвергались крупные нуклеусы. Изготовлены поперечные сколы с нуклеусов из светло-серой слабокремневой породы (5), алевротуфа, вулканомиктового песчаника (по 2), кремня, сургучной и светло-серой яшмы (по 1). Ширина ребристых пластин составляет 1,8 и 2,4 см. Выполнены они из светло-серой слабокремневой породы и вулканомиктового песчаника.

Пластинчатый комплекс состоит из 42 пластин без ретуши (рис. 4, 2–5, 7, 8; 6, 10; 7, 5, 6) и 13 пластин с вторичной обработкой. Среди пластин без ретуши целых пластин всего 5 экз. длиной 3,7 – 4,0 – 5,7 – 5,9 – 7,5 см. Сечений – 11 экз. Преобладают отсеченные проксимальные (18) и дистальные (8) концы пластин. Ширина пластин без ретуши колеблется от 1,0 до 3,6 см. Половина пластин имеют ширину 1,4–1,7 см – 23 (54,8%). Следует отметить, что толщина неолитических пластин доходит до 0,7–0,9 см. Чаще всего для изготовления пластин использовались светло-серая слабокремневая порода (13) и кремень (10), затем следуют кремнистый сланец (6) и алевротуф

(5). Вулканомиктовый песчаник, халцедон, углистый сланец, сургучная и светло-серая яшмы применялись единично. Первичная корка присутствует на девяти пластинах.

Большая часть пластин с вторичной обработкой отретуширована со стороны спинки (10) (рис. 4, 9, 10, 13–19; 6, 11). По одной присутствуют пластины с ретушью со спинки и с брюшка, с отретушированным концом (рис. 4, 12) и с отретушированными выемками (рис. 4, 6). Десять пластин с вторичной обработкой представлены сечениями. Пластины имеют большой разброс как по длине (1,7–6,9 см), так и по ширине (1,0–3,7 см). Толщина пластин колеблется от 0,3 до 0,9 см. На четырех пластинах сохранилась первичная корка. Ретушью обрабатывались как один, так и оба края пластин (4). Треугольные пластины с правильной огранкой относятся к энеолиту (рис. 4, 7–10). Явно ножом являлась пластина листовидной формы длиной 5,5 см, шириной 3,2 см, толщиной 0,7 см. Выполнена она из светло-серой слабокремневой породы. На обоих краях присутствует ретушь утилизации. Систематической ретушью со спинки и с брюшка подправлены только отдельные участки краев (рис. 6, 3). Интересны две пластины, которые дополнительно использовались в качестве ретушеров. Первый ретушер выполнен на сечении длиной 4,2 см, шириной 1,65 см и толщиной 0,6 см. Оба края обработаны крутой ретушью со спинки (рис. 4, 14). Второй ретушер изготовлен на пластине с отсеченным дистальным концом длиной 5,7 см, шириной 2,0 см, толщиной 0,9 см. Пластина обработана ретушью со спинки по всей длине края (рис. 4, 15). Ее поверхность сильно залощена. Оба конца смяты, выкрошены и заглажены от долгого использования. Изготовлена пластина из полосчатой агатовидной породы, которая на памятнике больше не встречена.

Комплекс наконечников стрел представлен 25 целыми экземплярами и 42 обломками.

К неолиту отнесено девять наконечников стрел. Один наконечник выполнен на пластине светло-серой слабокремневой

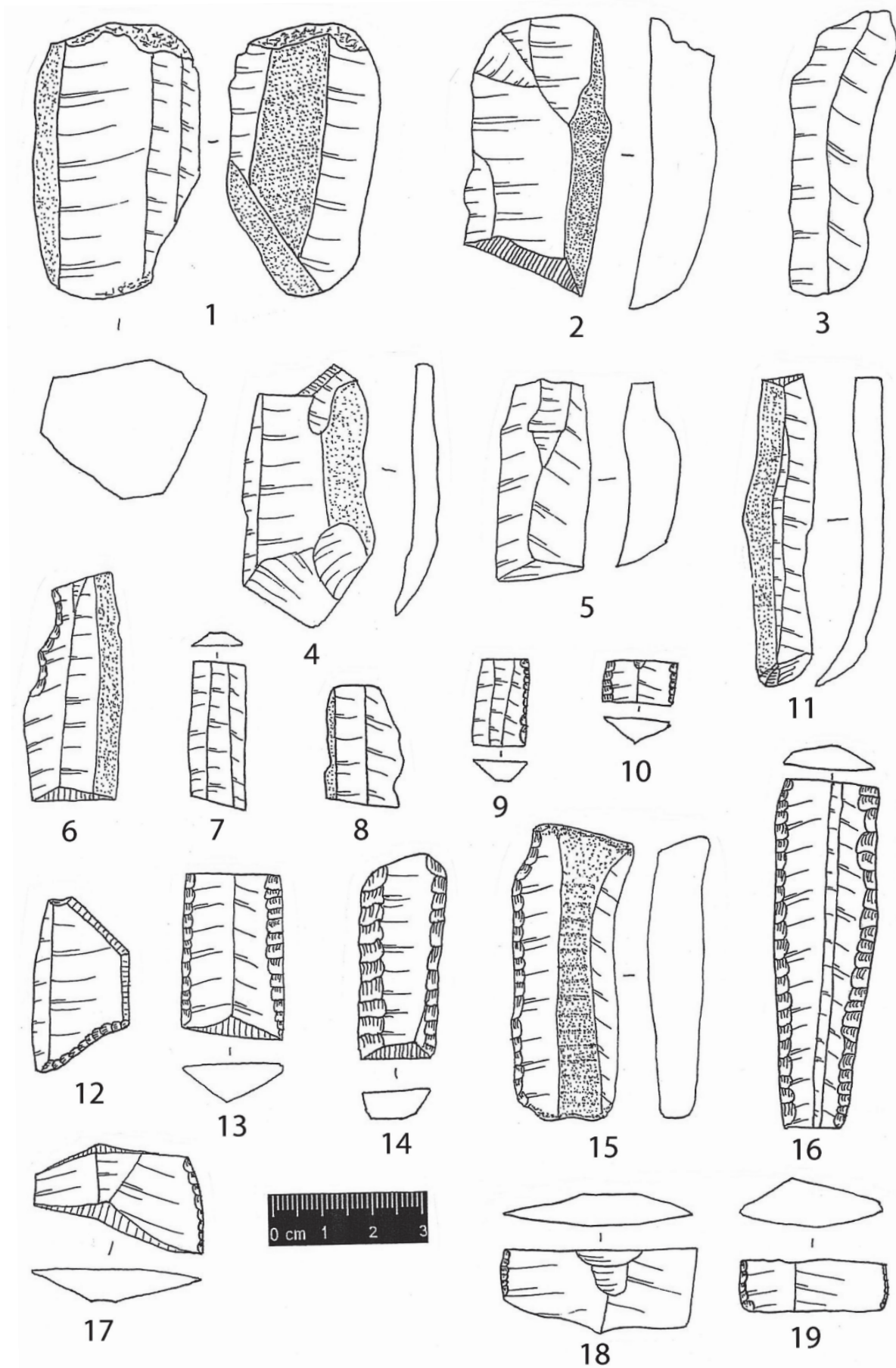

Рис. 4. III Береговая стоянка. Каменные изделия неолита (1–6, 11–19) и энеолита (7–10) (1 – нуклеус; 2–5, 7, 8, 11 – пластины без ретуши; 6, 9, 10, 12–19 – пластины с ретушью со спинки)

породы длиной 4,0 см, шириной 1,05 см, толщиной 0,5 см. Его поверхность сильно залощена. Наконечник имеет вытянутую листовидную форму со слабо намеченным треугольным черешком. Со стороны брюшка его края обработаны мелкой ретушью, со стороны спинки края обработаны лишь частично (рис. 3, 1). Также на пластине полсчатого кремнистого сланца изготовлен наконечник стрелы необычного размера и формы. Длина пластины всего 2,2 см, ширина – 1,7 см. Мелкой ретушью со спинки у него обработан один край. Такой же мелкой ретушью со спинки верхний конец оформлен в тупое острие, а нижний – в выемчатый насад (рис. 3, 3). Остальные наконечники стрел также имеют листовидную форму, но обработаны плоской двусторонней ретушью. Их длина укладывается в размеры от 3,1 до 4,1 см (рис. 3, 6, 7, 10–12). Изготовлены они из разнообразного минерального сырья: алевротуфа (2), кремня, халцедона, кремнистого сланца, молочного кварца и светло-серой кремнистой породы.

Энеолит представлен 13 наконечниками стрел. Среди них преобладают узкие, вытянутые в виде треугольников наконечники с прямым, скошенным или выемчатым основанием – 7 экз. (рис. 3, 8, 9, 13, 14, 22, 23). Обычно их длина не превышает 3 см. Они обработаны тонкой плоской ретушью с двух сторон. У трех наконечников присутствует намеченный треугольный черешок (рис. 3, 15, 24). Интересен наконечник стрелы из халцедона ромбической формы длиной всего 1,8 см (рис. 3, 27). Несомненно, он являлся вотивным изделием. К наконечникам стрел отнесено непонятное изделие в виде двусторонне обработанного сегмента длиной 2,6 см, шириной 0,8 см и толщиной 0,4 см (рис. 3, 16).

Сломанные наконечники стрел обладают разной степенью информативности. По отломанным насадам (11) и обломкам с сохранившимся насадом (нижняя часть наконечников с насадом и наконечники с отломанным острием (по 4)) можно определить тип наконечника стрелы и ис-

пользовать его для датировки комплекса. Например, наконечники стрел с рыбковидным насадом (рис. 3, 18) характерны для энеолита. Также к энеолиту относится насад в виде пластины с притупленной спинкой (рис. 3, 25), который является частью наконечника стрелы с боковой выемкой (кельтеминарского типа). Отколотые кончики острий (11) (рис. 3, 4, 26) и средние части наконечников (12) для датирования практически бесполезны. Почти половина (20) фрагментов наконечников стрел изготовлена из молочного кварца. Остальные обломки выполнены из кремня (7), халцедона (5), углистого сланца (4), кремнистого сланца (3), серого кварцита (2) и светло-серой слабокремнелой породы (1).

Наконечники дротиков в коллекции представлены только обломками (9). Семь из них являются отсеченными концами острий или насадов (рис. 3, 28), два – средними частями. Длина сохранившихся частей наконечников дротиков колеблется от 2,7 до 4,4 см, ширина в месте сломов – от 1,9 до 3,7 см. Преобладают обломки наконечников дротиков, изготовленные из халцедона (4). Для остальных наконечников использовались молочный кварц (2), кремь, углистый сланец, алевротуф (по 1).

Одно изделие из вулканомиктового песчаника типологически можно отнести к заготовкам дротиков. Двусторонней оббивкой изделию придана листовидная форма размером 7,8×3,3×1,6 см. Заостренные концы изделия стертые и заглажены. Они долгое время использовались в качестве ретушеров.

Три острия изготовлены на пластинах светло-серой слабокремнелой породы. Одно имеет слабо изогнутый кончик пера и подработанный ретушью насад (рис. 3, 31). Второе – обработано мелкой ретушью со спинки в виде широкого треугольника (рис. 3, 32). Третье острие имеет асимметричную форму. Один его край обработан ретушью со спинки, второй – ретушью с брюшка (рис. 3, 2). Еще два острия выполнены из отщепов углистого сланца (рис. 3, 33) и халцедона. Острие из халцедона имеет

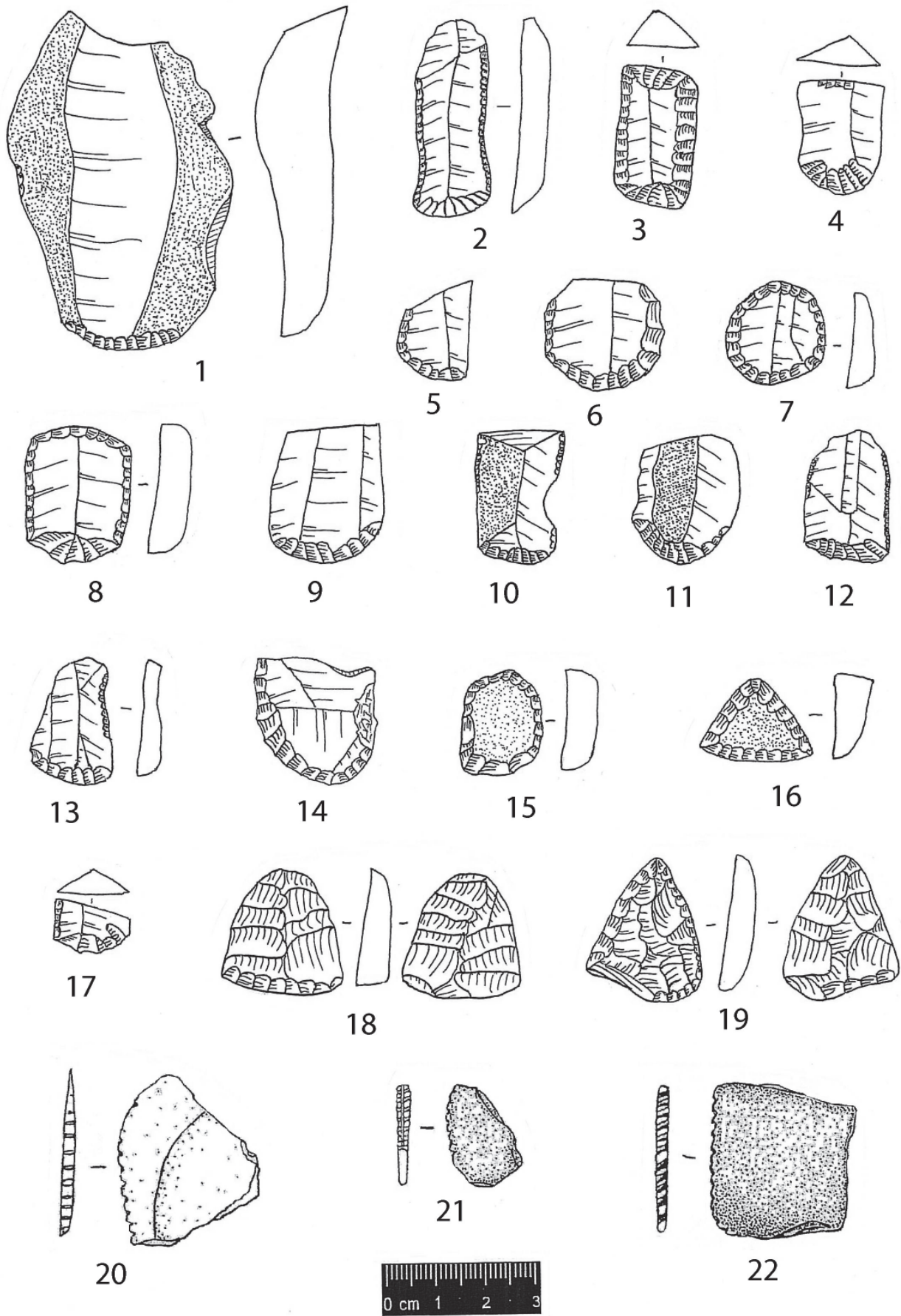

Рис. 5. III Береговая стоянка. Каменные изделия неолита (1–13), энеолита (14–17, 20–22) и бронзы (18, 19) (1–19 – скребки; 20–22 – гребенчатые штампы)

четко выраженные плечики, обработанные крутой ретушью со спинки, и скошенное основание, оформленное ретушью с брюшка (рис. 3, 29). Последнее острие изготовлено из плитки халцедона.

Для изготовления скребков использовались пластины (20), отщепы (76), плитки и сколотые ударные площадки нуклеусов (по 2). Чаще всего для скребков применялись укороченные пластины длиной от 0,8 до 2,7 см (рис. 5, 2–14; 17). Ширина пластин доходила от 1,3 до 2,3 см. У половины скребков боковые края обработаны ретушью со спинки – по одному или по двум краям. Первичная корка присутствует только у четырех скребков. У двух скребков на пластинах светло-серой слабокремневой породы оформлено по два рабочих края (рис. 5, 3, 8). Выделяется скребок на массивной пластине белой слабокремневой породы. Такое сырье встречено в неолитическом комплексе стоянки Выйка I (Красноуральский р-н Свердловской обл.). Из этой породы изготовлено два макронуклеуса и несколько массивных пластин⁵. Пластина со скребковым лезвием имеет неправильную огранку длиной 6,7 см, ширину до 4,2 см и толщину 1,2 см. Она сколота с крупной плитки камня. По ее середине проходит негатив от сколотой ранее пластины шириной до 2,3 см. На обоих краях пластины присутствует плиточная корка. Нижний конец обработан ретушью со спинки, который использовался в качестве скребка (рис. 5, 1). В большинстве случаев скребки на пластинах изготовлены из светло-серой слабокремневой породы. Использовались также алевротуф, халцедон, кремль и светло-серая яшма.

Скребки на отщепах имеют одно или два смежных рабочих лезвия, оформленных ретушью со спинки. Их длина колеблется от 1,6 до 5,6 см. Изредка скребкам придавали округлую и даже треугольную форму (рис. 5, 14, 15, 16). Интересен скребок треугольной формы, выполненный из качественного кремня. Все три рабочих лезвия прямые, обработаны перпендикулярной ретушью (рис. 5, 16). Выкошенность лезвий свидетель-

ствует, что скребком работали по твердому материалу – кости или дереву. Один скребок дополнительно использовался еще и в качестве ретушера. Первичная корка присутствует на 31 скребке (40,8%). Для изготовления скребков чаще использовались отщепы кремнистого сланца (27), затем кремня (17), халцедона (12) и алевротуфа (11). Реже изготавливались скребки из молочного кварца и углистого сланца (по 3). Вулканомиктовый песчаник и полосчатая и светло-серая яшма использовались единично.

Следует также отметить, что два скребка изготовлены из необработанных плиток кремнистого сланца и еще два – из сколотых ударных площадок нуклеусов. Единственное скребло выполнено на массивном отщепе алевротуфа длиной 6 см. Рабочее лезвие обработано ретушью со спинки.

Ножи на стоянке образуют небольшую серию – 8 экз. (рис. 6, 1, 2, 4–6, 8). Один нож (фрагмент) изготовлен из плитки серого кварцита длиной 2,4 см, толщиной 0,25 см. По двум краям он обработан мелкой двусторонней ретушью. Остальные ножи изготовлены из отщепов. Самый крупный нож выполнен из отщепа алевротуфа размером 9,8×3,1×1,4 см. Он имеет рыбковидную форму, обработан двусторонней оббивкой. Крупные размеры имеют еще три ножа. Нож из отщепа вулканомиктового песчаника размером 7,4×4,4×1,05 см обработан крупной ретушью со спинки практически по всему периметру. Без обработки оставлена только ударная площадка и вылом на одном из краев (рис. 6, 2). В образованную выломом выемку удобно класть указательный палец при резании. Нож на отщепе алевротуфа размером 6,2×4,4×1,2 см имеет серповидное лезвие, обработанное ретушью со спинки (рис. 6, 1). Третий нож из отщепа углистого сланца длиной 5,6 см также имеет вогнутое лезвие, обработанное ретушью со спинки (рис. 6, 4).

На памятнике широко представлены орудия абразивной обработки и шлифованные изделия. От шлифовальных плит (34) сохранились обломки длиной от 3,9 до 21,1

см. Преобладают обломки плит из крупнозернистого гранодиорита – 26 экз. Половина плит из гранодиорита имеет по две ра-

бочие плоскости. Обломок односторонней сильно сработанной плиты имеет размеры 15,2×14,4×2,5 см. Причем судя по характеру

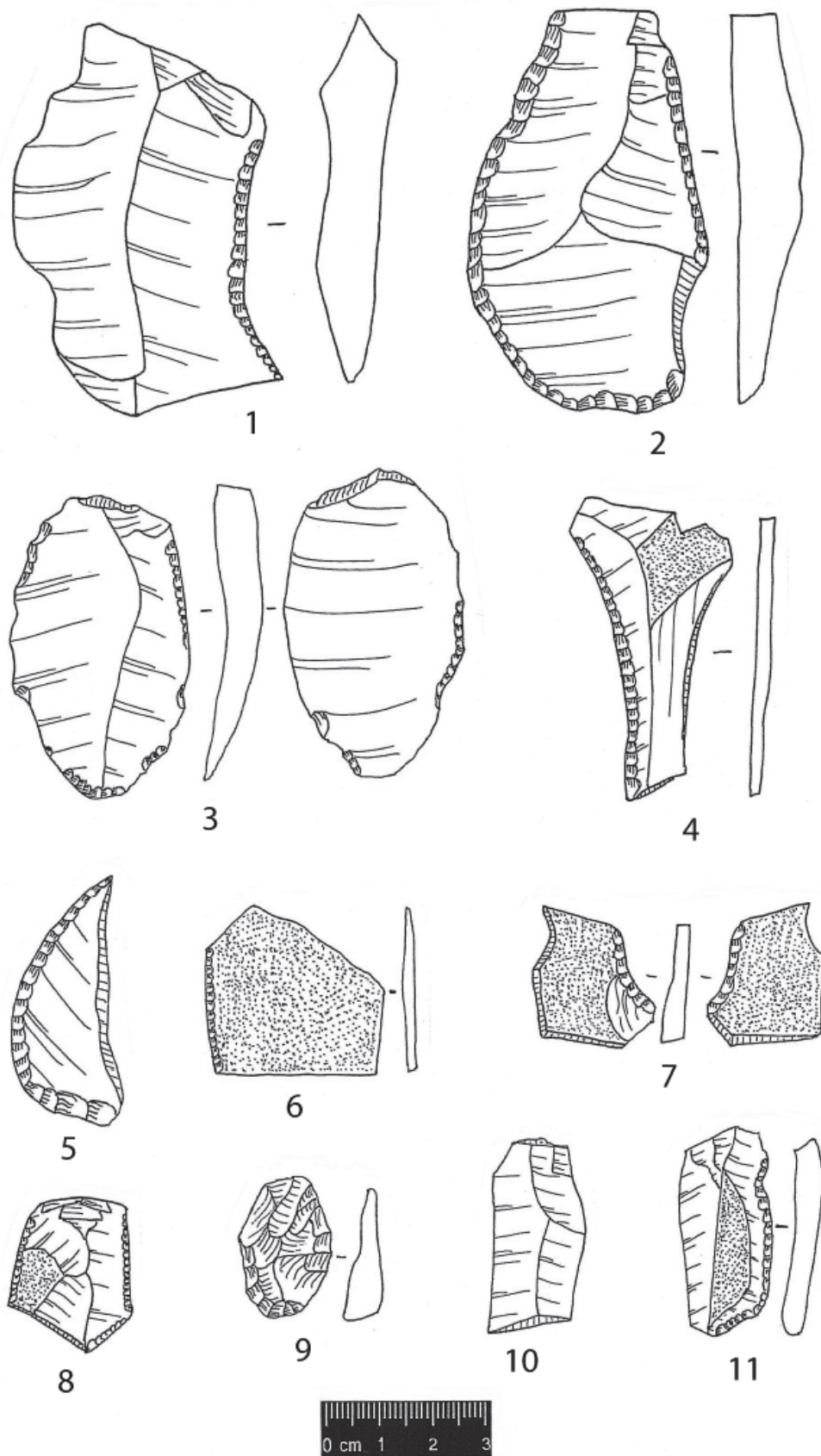

Рис. 6. III Береговая стоянка. Каменные изделия неолита (1–3, 8, 10, 11), энеолита (4–7) и бронзы (9) (1, 2, 4–7 – отщепы с ретушью; 3, 8, 11 – пластины с ретушью; 10 – пластина без ретуши)

сточенности, он является четвертой частью крупной шлифовальной плиты. От одной разбитой плиты в коллекции присутствуют семь крупных фрагментов, размеры которых от 9,5×8,2 см до 11,1×10,0 см. Семь плит выполнены из плотной незернистой породы. Среди них также присутствуют крупные обломки размером 9,6×4,3×0,85 см и 10,0×5,8×12 см. У всех плит рабочие поверхности вогнуты от сработанности. Интересен абразив для заточки металлических орудий в виде бруска сланца квадратного сечения размером 15,2×2,7×2,6 см.

К орудиям абразивной обработки отнесены и абразивные пилы. Одна изготовлена из нешлифованной плитки сланца размером 10,7×5,8×0,45 см. Для пиления использовался слегка волнистый край плитки. Выступающие участки волнистого края заметно сглажены и закруглены. На них присутствуют четкие линейные следы, идущие параллельно рабочему краю. Глубина погружения в обрабатываемый материал – 0,3 см. Судя по прямизне лезвия пилы, она использовалась для пиления широких заготовок. Вторая пила также выполнена из нешлифованной плитки камня размером 7,1×5,8×0,65 см. Является фрагментом более крупного орудия. Лезвие пилы прямое, треугольное в профиле. Но с одной стороны лезвие пилы сработано на 2,2 см, а со второй – на 0,6 см. Линейные следы в виде параллельных царапин у кромки лезвия очень тонкие, а выше – почти полностью зашлифованы. Это свидетельствует о том, что пилили практически без абразива очень мягкий материал типа талька.

Абразивная обработка на памятнике использовалась для изготовления рубящих орудий, ножей, наконечников стрел и украшений.

Все рубящие шлифованные орудия (5) изготовлены из вулканомиктового песчаника. Они представлены теслами длиной 6,7 – 7,1 – 7,5 – 8,3 – 8,5 см (рис. 7, 2, 3). Полностью шлифовано только одно тесло, причем оно переделано из более крупного шлифованного орудия. На остальных теслах шлифовке подвергались только рабочие лезвия.

В коллекции присутствуют и нешлифованные рубящие орудия (3). Одно изготовлено из куса алевротуфа размером 6,4×3,4×1,5 см. По боковым краям оно обработано оббивкой. Рабочее лезвие сильно забито и частично разрушено. Второе тесло также выполнено из алевротуфа. Его размер – 4,6×3,4×1,6 см. Третье орудие склеено из двух фрагментов. Оно обработано двусторонней оббивкой до получения копьевидной формы размером 15,6×5,0×2,4 см. Имело два рабочих лезвия.

О широком использовании на стоянке шлифованных рубящих орудий свидетельствуют 58 их обломков. Их длина колеблется от 1,2 до 4,7 см. Среди обломков присутствуют отколотые лезвия тесел (4), средние части (13) и отбитые обушные части (3). Происхождение остальных обломков (38) неясно. Из сланца изготовлено три фрагмента, из зернистой породы – один, все оставшиеся (54) выполнены из вулканомиктового песчаника.

Шлифованные ножи (5) представлены обломками. Самый крупный обломок размером 6,1×3,7×0,7 см отшлифован с двух сторон, но рабочая фаска отсутствует. Размеры второго обломка – 3,6×2,8×0,35 см. Он также отшлифован с двух сторон. Рабочая фаска заметно сработана. Третий нож изготовлен из обломка шлифованного орудия размером 4,0×2,7×0,8 см. Для работы на обломке была оформлена фаска шириной 0,4 см, на которой сохранились линейные следы сработанности. Нож использовался для строгания. Еще два ножа не закончены в обработке. Они оббиты до придания им удлиненной формы, одна плоскость пришлифована. Но в работе они не использовались.

Шлифованные наконечники стрел (2 экз.) имеют треугольную форму и уплощенный на две грани насад (рис. 3, 34). Их длина 3,1 и 3,7 см. Третий наконечник длиной 4,5 см сохранился хорошо. От удара о препятствие у него только слегка поврежден кончик острия. Наконечник имеет подтреугольную форму с двумя шипами. Между шипами располагается овальная выемка,

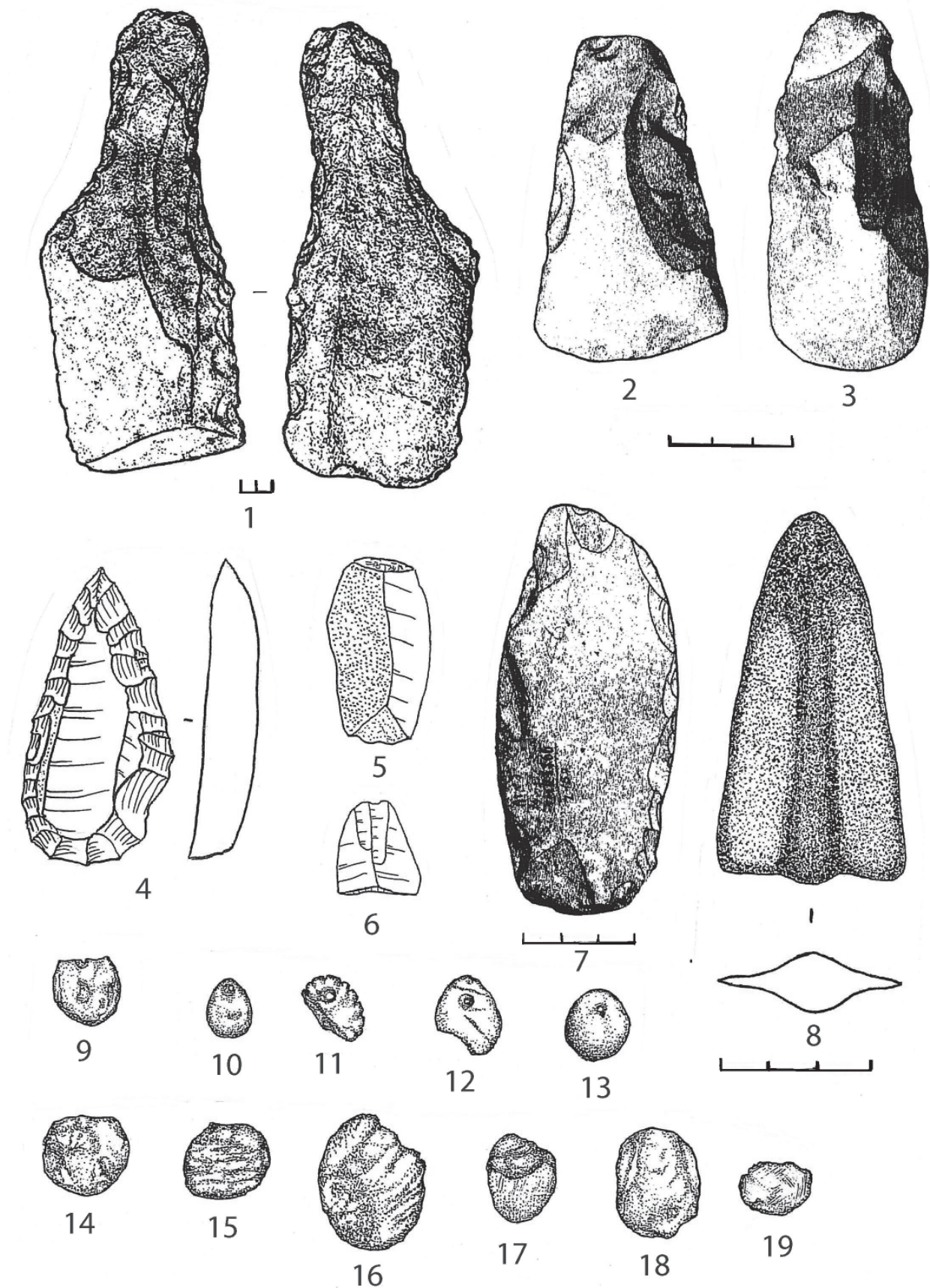

Рис. 7. III Береговая стоянка. Каменные (1–7, 9–19) и медное (8) изделия (1 – секира; 2, 3 – шлифованные тесла; 4 – остроконечник; 5, 6 – пластины без ретуши; 7 – заготовка орудия; 8 – фрагмент медного копья; 9–13 – подвески; 14–19 – нашивки).

По: Бунькова А.А., Рыжкова О.В., 2010 (1–3, 7)

которая на боковых плоскостях переходит в продольные желобки (рис. 3, 30). От третьего наконечника сохранился небольшой обломок.

Также к шлифованным изделиям отнесено три орудия непонятного назначения. Одно из них изготовлено на отщепе вулканического песчаника длиной 5,6 см (по оси скалывания), шириной 6,4 см и толщиной 1,3 см. К нижнему концу толщина отщепа уменьшается и практически полностью выклинивается. Именно в этом месте отщеп был отшлифован с двух сторон. Шлифованное лезвие напоминает лезвие струга. Но следы использования отсутствуют. Второе изделие выполнено на обломке шлифованного орудия размером 5,5×3,4×1,1 см. Один край обломка отшлифован на две грани, противоположный край обработан ретушью с бруска. Следов использования не обнаружено. Для третьего изделия был использован кусок талька размером 5,0×2,1×1,3 см. Один боковой край уплощен шлифовкой.

Использовалась шлифовка и для изготовления подвесок (5). Все подвески выполнены из красно-бурого пиррофиллитового сланца (шифера). Четыре подвески имеют каплевидную форму высотой 1,3–1,5 см, одна – овальную, высотой 1,4 см (рис. 7, 9–13). По краям этой подвески нарезаны мелкие зубцы. Она расколота вдоль (рис. 7, 11). Толщина подвесок варьирует: 0,17 – 0,24 – 0,25 – 0,35 – 0,59 см. Все подвески просверлены. Отверстия диаметром 0,15–0,25 см образованы встречным сверлением. Подвески из красно-бурого шифера имели большое распространение на территории Урала и Западной Сибири и характерны для погребальных и культовых комплексов эпохи энеолита⁶.

Кроме просверленных подвесок в комплексе украшений присутствуют и подвески без отверстия, которые относят к нашивкам (6). Они также выполнены из красно-бурого шифера, но плохого качества – расслаивающегося. Полностью отшлифована только одна нашивка, у остальных – для придания овал-

ной формы пришлифованы только боковые края (рис. 7, 14–19). Высота нашивок: 1,4 – 1,5 – 1,6 – 1,8 – 2,2 – 2,7 см. Толщина варьирует незначительно – от 0,21 до 0,32 см. Несверленные нашивки из шифера также известны в погребениях (аятском, шайтанском).

От производства нашивок на памятнике сохранились 11 пластинок красно-бурого шифера (расслаивающегося), которые из-за низкого качества не были использованы. Их длина колеблется от 1,6 до 4,8 см, толщина – от 0,2 до 0,4 см.

На III Береговой стоянке найдено четыре зубчатых штампа. Выполнены они из нешлифованных плиток: два из плиток сланца (рис. 5, 21, 22), еще два – из красно-бурого шифера (рис. 5, 20). У всех штампов зубцы мелкие и плохо выраженные.

Один штамп из шифера размером 3,0×2,5×0,4 см украшен орнаментом в виде редких параллельных линий, нанесенных под углом к ряду зубцов (рис. 5, 20). С одной стороны зубцы штампа сильно стерты до образования неострой фаски. На стертых участках присутствуют четкие линейные следы, идущие перпендикулярно рабочему ряду зубцов⁷.

Второй штамп из шифера изготовлен из окатанной плитки размером 2,5×1,8×0,5 см. На нем пропилено всего два зубца.

Штамп из плитки слюдистого сланца имеет прямоугольную форму размером 2,7×2,5×0,27–0,32 см. Лезвие с зубцами прямое, зубцы пропилены часто, пропилены слегка скошены (рис. 5, 22).

Самый маленький (1,8×1,2×0,35 см) штамп из сланца имеет двойной ряд пропиленных зубцов (рис. 5, 21).

К заготовкам орудий (53) отнесены изделия, обработанные двусторонней ретушью или оббивкой, но из-за низкого качества сырья не доведены до конца (рис. 6, 9; 7, 7). Их длина варьирует от 3,7 до 20,9 см. В большинстве случаев по форме изделий и характеру обработки можно понять, что в законченном виде должны были появиться рубящие орудия (14), наконечники стрел или дротиков (18) и ножи (9). За-

готовки рубящих орудий имели крупные размеры (16,8×8,3×3,4 см; 13,6×5,7×3,0 см; 10,4×5,1×1,6 см). Обработка изделий производилась с помощью оббивки. Заготовки бифасов обычно обрабатывались плоской двусторонней ретушью, имели длину от 2,5 до 4,7 см. Для ножей использовались тонкие плитки или отщепы. В коллекции имеются заготовки ножей длиной 5,0 – 5,7 – 13,2 см. В отдельных случаях при необходимости заготовки использовались для выполнения нужных операций. Так, обколота по краям плитка углистого сланца размером 8,4×3,2×0,9 см долгое время служила скребком по коже. На двух концах плитки, которые послужили скребковыми лезвиями, успели образоваться четкие линейные следы скребкового характера. В другом случае отщеп углистого сланца с заостренными концами длиной 5,7 см использовался для сверления. Причем образованные при раскалывании острые концы были лишь минимально подправлены ретушью. Тем не менее на обоих остриях присутствуют линейные следы, идущие концентрическими кругами. Минеральное сырье, использованное при изготовлении неудавшихся орудий, очень разнообразно. Преобладают изделия из вулканомиктового песчаника (16), углистого сланца (10), кремнистого сланца (8), халцедона (7) и кремня (6) – 77,3%. Единично использовались алевротуф, сланец, серый кварцит и молочный кварц.

Отщепы с краевой ретушью (65) обычно использовались для работ единичного характера. Их длина колеблется от 1,7 до 7,6 см. Только пять отщепов обработаны ретушью со стороны брюшка, все остальные – ретушью со спинки. Список минерального сырья также разнообразен, но процентное содержание в сравнении с заготовками другое. Преобладают отщепы из халцедона (13), кремнистого сланца (12), алевротуфа (10), молочного кварца, углистого сланца и кремня (по 8) – 90,8%. Изделия из серого кварцита, вулканомиктового песчаника, зеленой яшмы и белой кремнистой породы единичны.

Орудия обработки представлены отбойниками (7) и ретушерами (4). Отбойниками служили достаточно массивные гальки кварца (6) и гранодиорита (1) длиной 6 – 7,5 см. Для работы использовались зауженные концы галек.

В качестве ретушеров применялись случайные фрагменты плиток и отщепов, иногда – орудия или их фрагменты. Долгое время ретушером служил массивный скребок из халцедона размером 3,9×3,6×1,7 см. Также долго использовался обломок наконечника дротика размером 2,7×2,5×0,9 см.

Из других изделий нужно отметить три молота, семь рыболовных грузил и секиру. Одним молотом послужила уплощенная галька гранодиорита размером 9,3×8,6×4,6 см. На боковом краю оббивкой оформлена неглубокая выемка, на противоположном краю выемка намечена шлифовкой. Выемки служили для крепления молота к рукояти. Торцевые концы гальки сильно забиты от использования. Для второго молота также использовалась массивная галька зернистой породы длиной 9,7 см. Утолщенная часть гальки стерта и забита. Третий молот из гранодиорита размером 9,6×5,2 см расколот вдоль на две части. Посередине молота техникой пикетажа оформлена выемка для привязывания. Широкий нижний конец молота сильно сработан.

Рыболовными грузилами служили обработанные оббивкой плитки овальной или прямоугольной формы длиной от 6,3 до 15,1 см. У двух плиток на боковых краях оббивкой образованы 2 противоположные выемки для привязывания.

Оригинальным и необычным изделием является орудие в виде каменной секиры (рис. 7, 1). Изготовлена она из плитки вулканомиктового песчаника. Длина секиры составляет 34 см, но торец напротив рукояти отломан. Ширина лезвия секиры равна 14 см, толщина – 3,5 см. Обушковая часть секиры обработана двусторонней оббивкой, тогда как лезвие оставлено без обработки, возможно, потому что оно имеет естественное заострение. Рукоять секиры обработана

двусторонней оббивкой. Ее длина – 14,5 см, ширина колеблется от 6,5 до 7,5 см⁸. В целом изделие похоже на современные сечки.

При полной обработке коллекции памятника было выявлено еще два аналогичных изделия, но сломанных. Одно изготовлено из крупного осколка сланца размером 20,9×7,3×2,7 см. Рукоять секиры длиной 8,4 см и шириной 5,2 см образована односторонней оббивкой. Кусок рубящего лезвия сколот. Второе изделие выполнено из массивного куса вулканомиктового песчаника размером 19,6×8,5×3,4 см. Скол с сочетанием природной поверхности образовал клиновидную рукоятку длиной до 11 см. Одна поверхность орудия ровная и гладкая, вторая – обработана сколами, которые и образовали рубящее лезвие типа сечки. Три подобных орудия обнаружены еще на одном памятнике Горбуновского торфяника – VI Береговой стоянке. Других аналогов данные изделия не имеют, поэтому их назначение и датировка остаются неизвестными.

Коллекция отщепов составляет 2668 экз. Она представлена сколами длиной от 1,0 до 9,7 см. Первичная корка присутствует на 1094 отщепах (41,0%). Корка свидетельствует о местном происхождении минерального сырья. Список сырья достигает 20 наименований, которые представляют, по всей видимости, минеральный состав местных галечников. Больше всего отщепов изготовлено из вулканомиктового песчаника (881 – 33,0%), кремнистого сланца (634 – 23,8%) и молочного кварца (293 – 11,0%). Затем по количеству идут отщепы алевротуфа (176 – 6,6%), халцедон (169 – 6,3%), кремень (143 – 5,4%), углистый сланец (125 – 4,7%) и светло-серая слабокремнея порода (112 – 4,2%). Остальное сырье использовалось эпизодически или единично: сланец (65), бурая яшма (23), белая кремнистая порода, сургучная яшма (по 11), красно-зеленая яшма (10), сердолик (8), серый кварцит (3), зеленая яшма, агат, сапфирин и зернистая порода (по 1). Интересно отметить, что четыре отщепа окрашены охрой.

В коллекции, как и на каждом памятнике, имеются камни без следов обработки (17), плитки (78), галька целая (31) и колотая (199). Они явно попали на стоянку намеренно и могли в каких-то целях использоваться в будущем. Кроме кусков сланца и гранодиорита на стоянке собрано 32 кусочка талька. 11 из них являются пластинками благородного талька. Их длина колеблется от 4,2 до 11,1 см. Самые длинные пластинки имеют длину 10,4 и 11,1 см. Их толщина – до 0,4 см. Кусочки серого талька (21) имеют длину от 1,7 до 4,7 см. Тальк часто применялся в виде примеси для керамического теста.

Плитки представлены обломками длиной от 1,2 до 7,6 см. Минеральное сырье в плитках достаточно разнообразное: слюдистый сланец, углистый сланец, кремнистый сланец, серый кварцит, песчаник, халцедон и кремень. В основном они являются отбракованным для изготовления орудий материалом.

В коллекции галек присутствуют гальки кварца (абсолютно преобладают), сланца, кварцита, алевротуфа, гранодиорита, песчаника, халцедона, бурой яшмы, сердолика. Их длина колеблется от 2,3 до 5,7 см. Расколотая галька представлена таким же списком минерального сырья. Добавилась только расколотая галька горного хрусталя. Необходимо отметить, что среди расколотых галек выявлено 5 кусков плотного сланца, два из которых склеились в часть валунчика размером 14,8×8,7×4,5 см.

Таким образом, на памятнике представлены материалы пяти эпох – палеолита, мезолита, энеолита, бронзы и раннего железа. На первый взгляд III-я Береговая выглядит обычной стоянкой, площадь которой осваивалась в разные археологические эпохи. Но отдельные категории находок показывают, что в материалах стоянки отражены сразу несколько до сих пор не решенных вопросов местной археологии.

Наличие на стоянке бифасов раннего палеолита явно связано с вторичным использованием изделий предшествующих эпох. Эти изделия были намеренно принесены

на стоянку с целью переработки для дальнейшего использования либо сакрализации данных предметов⁹. Этнографы отмечают, что обские угры широко использовали в культовой практике археологические артефакты. Мнение о том, что древние предметы обладали высоким сакральным статусом, было характерно для всего мансийского общества¹⁰. Но откуда данные бифасы могли быть принесены, если изделия такого облика нигде больше не проявились на всей территории Среднего Зауралья, остается неизвестным.

Судя по количеству находок, стоянка долгое время использовалась мезолитическим населением. Комплекс изделий выглядит вполне традиционным для мезолитических памятников данной территории. За исключением четырех трапеций с двумя боковыми выемками. Данный тип трапеций широко распространен на западном склоне Урала. Проникновение мезолитического населения с западного склона Среднего Урала на восточный могло происходить по реке Чусовой и ее правым притокам. Затем носители трапеций с боковыми выемками проникли в верховья р. Тура, где смешались с местным населением. После себя они оставили материальную культуру, характеризующую верхнетуринский локальный вариант с 23 трапециями с боковыми выемками. Но каким путем четыре трапеции данного типа попали на Горбуновский торфяник, остается непонятным. Скопление туринских памятников с трапециями находится на расстоянии около 300 км от торфяника, и прямой связи между ними по рекам не существует. Видимо, были и другие, пока неизвестные, пути проникновения древнего населения с западного склона Урала на восточный.

Также долгое время на памятнике проживало и население в эпоху энеолита. Здесь особое внимание следует обратить на довольно необычный комплекс. В него входят развал аятского сосуда, два изделия из цветного металла (фрагмент копья пластинка), которые залегали очень близко друг к другу и были приурочены к очагу. Сюда же следу-

ет отнести пять подвесок и шесть нашивок, изготовленных из красно-бурого шифера. Подвески не часто встречаются на стоянках и даже поселениях. На VI Береговой стоянке раскопками изучено два энеолитических жилища (вскрыто 454 кв. м), но подвесок найдено 4 экз. Причем из красно-бурого шифера изготовлена только одна, еще три выполнены из мягкой породы зеленого цвета¹¹. Масштабные раскопки Д.Н. Эдингом I Береговой стоянки (вскрыто более 1200 кв. м) позволили получить 35-тысячную коллекцию находок (хранится в ГИМе). Но подвесок в коллекции только три: две из шифера и одна из кости. Раскопки А.Ф. Шорина (вскрыто 100 кв. м) добавили еще одну подвеску из талька¹². На II Береговой стоянке О.В. Рыжковой вскрыто 112 кв. м, среди находок две шиферные подвески¹³.

Таким образом, сравнение количества украшений III Береговой стоянки с подвесками других исследованных раскопками памятников показывает их значительное преобладание. Учитывая компактное залегание сосуда и медных (?) изделий, а также нехарактерное для поселенческих комплексов количество подвесок и нашивок, можно предполагать, что на памятнике в энеолитическую эпоху находился разрушенный культовый комплекс (или погребение).

В бронзовом и раннем железном веках в связи с заболачиванием водоема местное население использует берега озера эпизодически.

Хочется подчеркнуть, что Горбуновский торфяник имеет мировую известность. Достигнута она исключительно материалами VI разреза, прежде всего деревянной скульптурой¹⁴. Комплексы же береговых памятников остаются в тени VI разреза. И громадные коллекции довоенных раскопок остаются невостребованными и неизвестными археологическому сообществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сериков Ю.Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. 1984. № 2. С. 101-114.

² Сериков Ю.Б. Следы раннего палеолита на тер-

- ритории Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 4–16.
- ³ Жилин М.Г., Савченко С.Н., Косинская Л.Л., Сериков Ю.Б., Александровский А.Л., Лаптева Е.Г., Корона О.М., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. М.- СПб.: Нестор – История, 2020. 368 с.
- ⁴ Сериков Ю.Б. Мезолитические трапеции с боковыми выемками на территории Среднего Зауралья // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 8–20.
- ⁵ Сериков Ю.Б. Комплексы каменных изделий памятника Выйка I (Среднее Зауралье) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 1. № 3. 2019. С. 106–116.
- ⁶ Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скочина С.Н. Культовые памятники эпохи энеолита. Тюмень: ТГУ, 2015. 156 с.
- ⁷ Сериков Ю.Б. Зубчатые штампы Урала и некоторые аспекты их использования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 2. С. 65–79.
- ⁸ Сериков Ю.Б. Неординарные и малоизвестные находки с памятников Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 6. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. С. 67–75.
- ⁹ Сериков Ю.Б. К вопросу о вторичном использовании изделий предшествующих эпох // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том I. Тверь: Триада, 2011. С. 289–295.
- ¹⁰ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- ¹¹ Арефьев В.А., Рыжкова О.В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989–1991 гг. // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 6. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. С. 76–112.
- ¹² Рыжкова О.В. Стоянка Береговая II Горбуновского торфяника: итоги раскопок 1991–1992 гг. // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург: «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 59–75.
- ¹³ Шорин А.Ф. Энеолитические комплексы I Береговой стоянки Горбуновского торфяника (по раскопкам 1980–1990 гг.) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 49–61.
- ¹⁴ Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: из истории звериного стиля // Труды ГИМ. Вып. X. М., 1940. 104 с.

STONE INVENTORY OF THE III BEREGOVAIA SITE OF THE GORBYNOVSKY PIT BOG (MIDDLE TRANSURALS)

© 2021 Yu.B. Serikov

Russia State Professionally Pedagogical University (Nizhniy Tagil Branch)

The coastal sites of the Gorbunovsky peat bog have been studied by archaeologists since pre-war times. However, not all identified complexes are fully published. The article publishes previously unknown materials from the Stone and Bronze Ages of the 3-rd Coastal site. Statistical-typological, tracological and mineralogical methods were used in the analysis of stone products. The study of the stone inventory made it possible to identify features uncharacteristic for settlement complexes (Paleolithic bifaces, trapezes with side recesses, comb stamps, pendants, unusual types of tools). Among the non-utilitarian items, stone pendants, stripes and ochre-colored objects should be noted. The inhabitants of the peat bog made extensive use of the local raw material base. The list of mineral raw materials reaches 20 names, which represent the composition of local pebbles. The products made of volcanomictic sandstone, siliceous shales and milky quartz dominate on the site.

Keywords: Gorbunovsky peat bog, Paleolithic-early Iron Age, types of stone products, raw material base of the site.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-108-125

Yuri Serikov, Doctor of History, Professor, Leading Scientific Researcher. E-mail: u.b.serikov@mail.ru

УДК 94(439)

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИЯХ В ВЕНГЕРСКОЙ КОММЕМОРАТИВНОЙ НУМИЗМАТИКЕ

© 2022 В.В. Запарий

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Статья поступила в редакцию 25. 07.2021.

В статье дается характеристика некоторых нововведений в производстве венгерской нумизматической продукции последних десятилетий и интересных тенденций в производстве коммеморативных монет, металле, размере, весе и форме изделий. Указывается на тиражность и тематику производимых монет. Особое внимание обращено на сочетание национальных традиций Венгрии в нумизматических изделиях и политических новаций. Автор обращает внимание на те тенденции и находки, которые могут быть заимствованы другими странами.

Ключевые слова: коммеморативные монеты, Венгрия, металл, тираж, тематика, пропаганда национальных культурных ценностей, традиции.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-126-129

Введение. Середина и вторая половина XX века принесли в нумизматику большие инновации. Это было связано и с расширением ассортимента металлов, повышением качества исполнения монет. Следует сказать, что широкое применение нашли такие металлы, как алюминий, в военные и послевоенные годы – цинк. В обращении появлялись монеты из железа. Бронзы и различные никелевые сплавы стали вытеснять из монетного обращения золото и серебро, которое осталось только в производстве памятных монет, для тезаврации и для коллекционеров.

Наряду с этим для сокращения стоимости исходного материала появились смешанные металлы. Так, в целях удешевления производства в 1940-е гг. появились железные монеты. Однако они быстро ржавели, и поэтому их принялись покрывать тонким слоем никеля, а затем и бронзы или меди.

То есть шел привычный для государства процесс удешевления монеты. Только раньше снижали пробу серебра и уменьшали вес, а сейчас стали заменять монету, сделанную из благородных металлов, ничего не стоящими «железками». Т.е. настоящие деньги, имеющие реальную стоимость, были заменены монетами, ходящими по принудительному курсу.

Методы. Сначала следует разобраться в том, что такое коллекционирование. Это, как написано в любой энциклопедии, целенаправленное собирательство, как правило, однородных предметов, обычно имеющих научную, историческую или художественную ценность. В его основе лежит познание, удовлетворение определенных интересов. Предметом коллекционирования в данном случае являются памятники материальной и духовной культуры, представленные монетами одной из европейских стран – Венгрии. Коллекционирование предполагает выявление, сбор, изучение, систематизацию материалов, чем оно принципиально отличается от простого собирательства. Методология этого увлекательного занятия

*Запарий Владимир Васильевич, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.
E-mail vzap@mail.ru*

описана достаточно точно и давно в книге Потина¹ и вряд ли требует повторения.

Обсуждение и результаты. Это, конечно, несколько затронуло и производство юбилейных монет и коммеморативную чеканку². Расширилась ранее существовавшая система чеканки памятных монет из драгоценных металлов, например, из меди. Они чеканятся и сейчас, но еще в большем масштабе. Необычно, что юбилейные монеты современной Румынии имеют наименьший среди них номинал в половину денежной единицы – 50 бани, при этом, правда, он дублируется в более крупных номиналах, в золоте и серебре, но по большой цене и в небольших, микроскопических тиражах – в 250-500 экземплярах.

Большое число юбилейных монет России чеканится не в благородных металлах, а в никеле или нержавеющей стали, небольшого размера и невысокого качества. Или в США «квотеры» (монета в 25 центов), мелкие и невзрачные. Конечно, их чеканка обходится дешево, но и собирателей, «фанатов» таких монет вряд ли наберется много. Это, на наш взгляд, неправильный, тупиковый путь, который не имеет перспектив.

За указанный период в нумизматике получили распространение новые технологии производства биметаллических монет, есть и триметаллические монеты. Хотя, с точки зрения истории, первые биметаллические монеты были сделаны и обращались еще в Англии XVII века, т.е. в то время не прижились.

Широкое распространение получили полировка, аппликации, фотопечать, эмаль, вставки из камней и кристаллов и др. на коммеморативных монетах. Правда, все художества, кроме полировки, характерны для работы с благородными металлами.

Большинство стран в своей национальной нумизматике движется общим путем, переживая всевозможные моды на новые технологии. Однако есть и исключения. Об одном из них хочется рассказать. Это венгерская нумизматика последних двадцати лет.

В конце XX века эксперименты в нумизматике распространились и на «работу с формой» монет. Появились квадратные монеты. Это коснулось и венгерских монет. Но сразу этим монетам была придана определенная направленность. Это были монеты, посвященные изобретениям венгерских граждан. Первыми в серии, которая продолжает выпускаться и сейчас, были монеты, посвященные шахматному антропоморфному автомату и «кубику Рубика». Среди серии квадратных монет хорошо себя чувствуют изобретатели телефонных коммутаторов, турбин, спичек и т.д. Данные серии были выпущены только в никелевом сплаве.

Попытки продолжать эту тему были предприняты и в серебре. Была выпущена одна серебряная монета, состоящая из двух частей-монет. На этом эксперименты в серебре были прекращены.

Среди таких смелых экспериментов следует назвать и повторения средневекового «талера с секретом», правда, не талера и не из серебра, «но с секретом». Эта монета из бронзы, полая внутри и раскручивается. В результате чего открывается полая внутренность, куда можно что-либо положить.

Наряду с квадратными выпускаются и прямоугольные, посвященные в основном природным паркам и зоопаркам. Как туда попала, монета посвященная кинофотодокументалисту, для меня загадка. Эта серия дублировалась в серебре с другим, более высоким номиналом. Эти монеты являются своеобразным дополнением к рекламе природных достопримечательностей Венгрии.

Вообще в венгерской нумизматике распространено и давно существует такое малораспространенное явление, как дублирование одной и той же коммеморативной монеты, но в разных номиналах и соответственно металлах: никеле и серебре. Причем фактически одного веса. Кстати, не надо забывать, что инфляция сказалась и здесь. Если сначала серебряная монета в одну унцию была 2000 форинтов, то вскоре – в 3000, затем – в 5000, правда, если быть уж совсем точным, была одна и в 4000 форинтов, при-

чем квадратная. Затем номинал серебряных монет поднялся до 10 000 форинтов.

Большое внимание уделено выдающимся сынам государства, даже если они не жили на своей родине. Не обошли вниманием и нобелевских лауреатов. Их немного, но они реализуются в монетах овальной формы, расположенной вертикально, небольшого размера, в никеле и серебре.

Кстати, о размерах. До недавнего времени это были размеры унцовок, а также среднего размера и небольшого. Однако недавно появились монеты-гиганты, весом почти 80 граммов. Но о них позже.

Кроме того, чеканятся монеты и небольшого размера, посвященные, как правило, персоналиям.

Наряду с этим существует еще две необычные серии. Это монеты, посвященные культурным памятникам, из медного сплава, красного цвета. Реально это монеты, посвященные многочисленным кладбищам Венгрии, которые, конечно, можно причислить к памятникам культуры. В этом плане выпадающей из серии является последняя монета, посвященная Эстергаму, древней столице Венгрии.

Вторая серия посвящена средневековым венгерским монетам – золотым. Она реально копирует по размеру, но не по толщине, золотые монеты древних правителей страны: Сегизмунда, Марии и др. Причем она выпускается в бронзе и двух золотых вариантах. Обычном – 3 грамма и в пьефоде, для особых любителей.

Особенностью является то, что для драгоценных металлов установлен в последние годы один и тот же номинал в 2000 форинтов, для серебряных – 5000. Насколько я знаю, это единственный подобный случай в мировой нумизматике, когда монеты одного вида исполняются в различных размерах, металлах и номиналах. Причем по их размеру мы можем судить о значимости тех или иных событий и личностей для венгерского государства и общества.

Вот в связи с этим и хотелось бы сказать о новом явлении последних лет, появлении

монет-гигантов. Первой стала монета, посвященная Иштвану, которая была выполнена из никеля, весом 77 граммов и серебра того же веса. Причем, будучи монетой-гигантом среди коммеморативных монет, она имела тот же номинал в 2000 форинтов. Соответственно серебряная монета того же веса была номиналом 20000 форинтов. Правда, последние стали стоить уже 30000 форинтов. Среди таких монет были серии, посвященные национальным музыкальным произведениям, гимну и песне, конкордату между Австрией и Венгрией, сделавшей ее одной из двух столиц Австро-Венгерской империи, и монета, посвященная королю Матьяшу.

Последняя крупная монета была посвящена созданию Венгерской республики. Эта монета не только увеличенного номинала в 3000 и 30000 форинтов соответственно, но и первая, не несущая на своем поле изображение человека-персоны. На ней изображен взрывающийся герб социалистической Венгрии, из которого выступает герб нынешней Венгерской республики.

Кроме того, современная венгерская нумизматика не отходит от классических цветовых нумизматических стандартов. Она не гонится за цветовым радужным покрытием современных монет. Именно однотонный металл своими гранями должен играть на поверхности монет.

Единственным исключением является серебряная монета в 3000 форинтов 2000 года, посвященная изобретателю голограммы Денису Габору, где на обратной его портрету стороне в самом центре есть маленькая и очень уместная голограмма.

И еще: Венгрия не выпускает огромного количества юбилейных монет, чем грешат некоторые страны, например, Россия или Украина, а выпускает небольшое их количество. Тиражи обычно составляют 5 тыс. штук, что делает их доступными коллекционерам, но не оставляет большого следа на полках магазинов. Кстати, обычно половина тиража делается в пружфе, но при покупке в магазине монетного двора разницы в цене нет.

Исключением являются монеты номиналом в 50 форинтов, выпускаемые с такими как у обычных монет размерами и большими тиражами. Они доступны каждому и посвящены спортивным мировым событиям, происходящим в Венгрии, или другим событиям в истории страны и мира. Последняя из этой серии вышла совсем недавно, и она посвящена медикам и волонтерам, боровшимся и продолжающим бороться с Ковид-19.

В последние годы тематика монет существенно обогатилась монетами, посвященными таким нестандартным событиям, как юбилей национального Олимпийского комитета или Будапештской биржи. Не обошли вниманием и юбилей пожарного дела и других государственных структур.

Выводы. Наряду с перечисленными новациями продолжают выпускаться монеты,

посвященные спортивным соревнованиям и Олимпиадам, великим политикам и военным, мировым событиям.

Все это говорит о том, что венгерская нумизматика в части памятных монет является заметным и неординарным явлением в мировом нумизматическом процессе. Она, учитывая мировые тенденции, идет своим путем и имеет серьезные и интересные разработки, которые могут быть применены в других странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции. Изд-во: Искусство-СПб. 1993. Санкт Петербург. 303 с.

² Коммеморативные, то есть памятные монеты (мемориальные монеты) – монеты, выпускаемые в обращение в память о каком-либо определенном событии, не связанные обязательно с круглыми, юбилейными датами.

TO THE QUESTION ABOUT INNOVATIONS IN HUNGARIAN COMMEMORATIVE NUMISMATICS

© 2022 V.V. Zapariy

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

The article contains a characteristic of some of the innovations in the development of Hungarian numismatic products over the past decades. The author examines interesting trends in the production of commemorative coins, characterizes metal, size, weight and shape of products, indicates the circulation and thematic of the coins. Particular attention is paid to the combination of national traditions of Hungary in numismatic products and political innovations. The author underlines those trends and inventions that can be borrowed by other countries.

Keywords: commemorative coins, Hungary, metal, circulation, theme, promotion of national cultural values, traditions.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-126-129

В САМАРЕ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

Рец. на: Самарский архивист. Научный альманах. Выпуск 1. 2. Самара, 2021.

Российский государственный архив в г. Самаре начал выпускать научный альманах «Самарский архивист». Журнал выходит два раза в год, и в 2021 г. вышло два его номера. Поздравляем коллег и желаем плодотворной работы на благо общества.

Главный редактор журнала доктор исторических наук О.Н. Солдатов, предваряя статьи, опубликованные в первом номере, обозначила главную цель редакционной политики: «сохранение исторической правды и исторической памяти поколений». Архивы – бесценные хранилища исторических документов, выступают институтами «сохранения памяти – правдивой, объективной, неподвластной конъюнктурным устремлениям»¹.

Действительно, Российский государственный архив в г. Самаре много делает в этом направлении. Более десяти лет он инициатор и организатор проведения Историко-архивных форумов «Память о прошлом», всероссийской конференции «Проблемы изучения военной истории». Набирает обороты, вовлекая все большее число участников, проект «Архивы – школе».

Журнал – продолжение этой работы. Основные рубрики журнала группируют статьи по Архивоведению и документоведению, Историографии и источниковедению, Истории науки и техники, Самарскому краеведению. Есть также важная рубрика «Публикация документов». Подвижные рубрики «Материалы к биографии», «Из семейных архивов», «Шаг в науку», «Архивная жизнь» и др. формируются по мере поступления материалов.

Совершим краткий экскурс по вышедшим номерам журнала.

В разделе «Архивоведение и документоведение» в 2021 г. опубликованы две статьи, написанные на злободневную для всех тему. Электронный документооборот

несет с собой массу преимуществ, но и не меньшее число новых задач. Как сохранять электронные документы для длительного хранения? Важная задача, особенно когда речь идет о документах государственного и общественного значения. Какими должны быть электронные носители для хранения такой информации? Об этом в первом номере журнала пишет Г.З. Залаев². Публикация М.В. Ларина во втором номере рассматривает эту же проблематику, но уже в теоретическом ключе.

Историографические и источниковедческие работы, опубликованные в первом и втором номерах журнала, показывают широкий спектр самых разных сторон прошлого. Здесь есть статьи об источниках для изучения самых разных тем – истории самарских церквей³ и народной милиции⁴, военной техники времен Второй мировой войны⁵ и музыкальной культуры г. Куйбышева военной поры⁶. Продолжают эту тему статьи, представленные в рубрике «К 80-летию начала Великой Отечественной войны», они раскрывают малоизвестные страницы истории тех лет⁷.

Довольно редкая для исторических журналов рубрика «История науки и техники» предлагает вниманию читателей исследования, выполненные на материалах РГА в г. Самаре. Тематически дополняет ее рубрика «Публикация документов». В первом и втором номерах все публикации этих рубрик в той или иной степени связаны с прорывными областями науки и промышленности СССР, активно развивавшимися в середине XX в. О.В. Кузьмина рассматривает изобретательскую деятельность известного российского химика Н.Н.Зелинского⁸, А.В. Горшенин – научные изыскания микробиолога З.В. Ермольевой в 1970-е гг⁹.

Статьи об участии и презентации советских достижений в научно-технической области на международных выставках высвечивают другие ракурсы этой же темы. Е.А. Соленцова и А.А. Капитонов вписывают выставочную деятельность СССР в контекст развившейся тогда практики трансфера - международного обмена технологиями¹⁰, а публикация доклада министра авиационной промышленности А.В. Дементьева и комментарий к нему – о достижениях, трудностях и успехах работы предприятий авиационного профиля, в том числе в Куйбышевской области¹¹.

Интересными представляются также документы об экономической ситуации в Куйбышевской области в 1991 г.¹² и даже о производстве мороженого в СССР¹³.

История экономики, науки и техники в СССР – пожалуй, одна из наиболее перспективных тем для изучения, возможности для которого в Самаре прекрасные благодаря РГА.

В рубрике «Самарское краеведение» читатели могут найти статьи о персоналиях, оставивших свой след в истории нашего края¹⁴, уточняющих датах основания сел области¹⁵, деятельности различных институций¹⁶. В рубрике «Материалы к биографии» исследователи рассказывают об ученых¹⁷, изобретателях¹⁸, чьи судьбы выстраивались в обстоятельствах переломных моментов истории.

Изучение первых номеров журнала «Самарский архивист» показывает, что перед нами серьезное и интересное периодическое научно-популярное издание. Нам остается только поздравить любителей истории, краеведения с выходом нового научного альманаха.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колонка редактора // Самарский архивист. Научный альманах. Выпуск 1. 2021. С. 3.

² Залаев Г.З. Носители для архивного хранения электронных документов: состояние и перспективы // Там же. 2021. Выпуск 1. С. 5-9.

³ Макаров А.И., Шульгина В.В. Церковноприходские летописи Преображенской церкви села

Усолъе // Там же. № 2 С. 10-14.

⁴ Пашкин А.Г. Материалы политчасти управления милиции по Ульяновской области конца 1940-х – начала 1950-х гг.: краткий анализ исторического источника // Там же. № 1 С. 15-20.

⁵ Буранок С.О. «Краткий отчет о повреждении американских линкоров, авианосцев, крейсеров, эсминцев с 17 октября 1941 г. по 7 декабря 1942 г.» как исторический источник // Там же. № 1. С. 10-14.

⁶ Тузова О.В. Документы Российского государственного архива литературы и искусства о музыкальной культуре Куйбышева в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // № 2. С. 15-20.

⁷ Солдатова О.Н., Сушенцова Е.Л. Проектирование и строительство железнодорожной линии Старый Оскол – Ржава в годы Великой Отечественной войны (по документам Российского государственного архива в г. Самаре) № 1. С. 27-36; Юсупова С.Н. Использование дополнительных ресурсов в медицинских учреждениях Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Там же. № 1 С.37-41.

⁸ Кузьмина О.В. Отображение изобретательской деятельности Н.Д. Зелинского в документах Российского государственного архива в г. Самаре // Там же. № 1. С. 21-26.

⁹ Горшенин А.В. Из истории участия микробиолога З.В. Ермольевой в разработке способа биологического определения активности холерного токсина в 1970-е гг. // Там же. № 2. С. 21-26.

¹⁰ Соленцова Е.В., Капитонов А.А. Выставочная деятельность как часть процесса международного трансфера технологий в 1950-1960-е гг. (по документам Российского государственного архива в г. Самаре // Там же. № 2. С. 27-33.

¹¹ Участие советских специалистов в Парижской авиационно-космической выставке в Ле Бурже в 1965 г. глазами очевидца – министра авиационной промышленности СССР П.В. Дементьева. Публикация Л.Ю. Покровской // Там же. № 2. С. 47-58.

¹² «...В области создалась крайне напряженная ситуация...» Июль 1991 г. (по материалам Министерства экономики и прогнозирования СССР). Публикация Кураповой Е.Р., Пушкарева В.С. // Там же. № 1. С. 59-66.

¹³ Мороженое производство продукта массового повседневного спроса (Публикация Рыжковой С.А.) // Там же. № 1. С. 67-88.

¹⁴ Горшенин А.В. Серафима Ивановна Дерябина – от революционерки - подпольщицы к члену местной власти Самары. № 1. С. 53-58; Перепелкин М.А., Пелевина О.В. «Политически

неблагонадежный» писатель Циммерман: попытка биографии // Там же. № 2. С. 34-41.

¹⁵ Буранок А.О., Митин А.В., Кузнецов А.С. К вопросу о дате основания села Елховка Елховского района Самарской области// Там же. № 1. С. 42-52.

¹⁶ Полуэктов И.Б. Отдельные аспекты формирования системы «государственной информации» в Самарской губернии. 1921 г. (по материалам Самарского областного государственного архива социально-политической истории) // Там же. № 2. С. 42-46.

¹⁷ Храмкова Е.Л. Забытое имя Владимир Евгеньевич Фаворский // Там же. № 2. С. 63-67.

¹⁸ Перепелкин М.А. Виктор Иванович Горожанкин – инженер и изобретатель // Там же. № 2. С. 59-63.

*Доктор исторических наук, профессор,
научный редактор журнала
«Известия Самарского научного центра РАН.
Исторические науки»
Н.Ф. Тагирова*

**РЕЦЕЗИЯ НА: ГУРОВ В.А. ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ:
РОЛЬ РОССИИ В РАЗРЕШЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (1988 – 2020 ГГ.) /
В. А. ГУРОВ. – МОСКВА; БЕРЛИН: ДИРЕКТ-МЕДИА, 2021. 464 с.**

Автор рецензируемой монографии Владимир Алексеевич Гуров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тольяттинского государственного университета, ветеран боевых действий, шел к своему научному производству долгие пятнадцать лет. В предисловии, обращаясь к читателям, он пишет: «Острые чувства и болезненные воспоминания о событиях, свидетелем и участником которых мне довелось быть в первую чеченскую кампанию, в период гражданской войны в Таджикистане, в миротворческой операции в Абхазии - Грузии, сформировались в исторический очерк-воспоминания «Помнить всегда - хранить вечно». Но мучительно хотелось разобраться, почему огромная, процветающая страна раскололась, почему между мирно живущими рядом десятилетиями народами вдруг вспыхнула неприимая вражда. Эти раздумья трансформировались в несколько научных трудов: кандидатскую и докторскую диссертации, 5 монографий, более 50 научных статей, посвященных данной проблематике в современном мире»¹.

Монография написана своеобразным языком. Нет сомнений, что рецензируемый научный труд - серьезное академическое военно-историческое исследование. Но ученый предпринял попытку представить означенную проблему не только в академическом, но и в популярно-публицистическом стиле. Конечно, автор поставил себя здесь под огонь критики. Особенно если исходить из формальных признаков. Но ведь его книга не является диссертационным исследованием, где предъявляются жесткие требования к научному языку. Причем на правительственном уровне, так как диссертация – научная квалификационная работа².

Но почему мы должны все время молиться на стереотипы?³ А как же тогда быть с афоризмом блестящего российского историка, мастера публичного выступления В.О. Ключевского, однажды заметившего с сарказмом, что «мудрено пишут только о том, чего не понимают»⁴? Наверное, к месту вспомнить и великого французского философа Вольтера, утверждавшего, что все жанры хороши, кроме скучного... Рецензенты полагают, что В.А. Гуров удачно соединил вроде бы несоединимое. И тут ему помогло то, что он переосмыслил предмет своего исследования сквозь призму времени, наполнив его раскрытие глубоко личностными оценками, на которые он имеет моральное право не только просто как военный историк-исследователь, но и в качестве ветерана боевых действий – кавалера боевых орденов и медалей.

Автор рецензируемой монографии утверждает что, преодолевая структурный кризис, в который ввергся СССР в конце 80-х гг. XX в., наше Отечество столкнулось с рядом серьезных проблем и противоречий, в том числе и с циклом конфликтов и конфликтных ситуаций. Подавляющее их большинство приняло в конечном итоге крайнюю форму – вооруженное противоборство на постсоветском пространстве, субъектами которого стали Вооруженные силы СССР, РФ и стран СНГ. Длительные вооруженные столкновения с участием войск и использованием тяжелого вооружения (армяно-азербайджанский конфликт 1988–1994 гг., грузино-осетинский 1991–1992 гг., приднестровский 1992 г., осетино-ингушский 1992 г., грузино-абхазский 1992–1994 гг., таджикский 1992–1996 гг., чеченский 1994–1996 гг.; конфликты и антитеррористические операции на Северном Кавказе 1999–2010 гг.), а

также несколько десятков других скоротечных вооружённых столкновений (1988 г. – в Сумгаите и Карабахе, 1990 г. – в Баку, 1991 г. – в Вильнюсе; ГКЧП – 1991 г., октябрьские события 1993 г. в Москве, события в Киргизии и Узбекистане – 2005 г., грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты – в 1994–2008 гг., события в Киргизии – 2010 г., борьба с терроризмом в Сирийской Арабской Республике – 2015 г., миротворческая операция в Нагорном Карабахе – 2020 г.) сотрясают постсоветское пространство и ближнее зарубежье. Поэтому необходимо осмыслить причины возникновения и развития этих вооружённых конфликтов, выявить роль советских, российских вооружённых сил в их разрешении и дать исторические оценки роли СССР и России в этих драматических событиях [с.6 -7].

Владимир Алексеевич Гуров раскрывает три крупных аспекта проблем, которые органически вписываются в предмет исследования его монографии: 1) исторические предпосылки, причины исследуемых вооружённых конфликтов и их характеристика; 2) отечественные Вооружённые силы в разрешении внутренних региональных конфликтов; 3) Вооружённые силы РФ в миротворческих операциях на постсоветском пространстве, в борьбе с международным терроризмом и в локальных войнах.

Заслуга ученого состоит в том, что он смог синтезировать как объективные, так и субъективные причины анализируемых им этнических и региональных вооружённых конфликтов.

Объективные причины: колониальная политика царского политического режима (покорение Кавказа и Средней Азии), усилившая цивилизационную неоднородность российского социума. Сплелись различные культуры, ментальности; советская власть, получив в наследство от царизма сложный узел национальных противоречий, провозгласила правильные принципы национальной политики, но на деле все свела к жесткой централизации. Более того, появились извращения, которые нанесли непо-

правимый вред делу обеспечения мирного сосуществования разных ментальностей, культур, их взаимопроникновения и взаимообогащения; распад СССР создал новую геополитическую ситуацию в мире и обострил внутривосточную обстановку в бывших союзных республиках, особенно в сфере межнациональных отношений; в постсоветский период руководству страны пришлось преодолевать негативные последствия национальной политики правящей в СССР Коммунистической партии. Однако был допущен ряд ошибок и новым руководством суверенной России, которые обострили существовавшие раньше проблемы. Вот только некоторые промахи: а) непродуманный ход политических, экономических и социальных реформ, приведший к резкому ухудшению жизни народа в стране; б) отсутствие отпора националистам, недооценка руководством страны негативных явлений в межнациональных отношениях, бездействие или запаздывание с выработкой мер по урегулированию острых проблем; в) чрезмерное увлечение государственным суверенитетом руководителей бывших союзных и автономных республик; Россия первой открыла «парад суверенитетов»; силовые методы разрешения конфликтов не подкреплялись должным комплексом социально-политических, экономических и идеологических мер, а при силовом воздействии иногда проявлялась непоследовательность. *Субъективные причины:* огромное количество оружия, наводнившего постсоветское пространство после раздела военного имущества и вооружений ВС СССР; «человеческий фактор»: делом разрешения конфликтов занимались не всегда высококлассные профессионалы; некоторые средства массовой информации порой провоцировали и подстегивали проявления национальных отношений, подавая недостаточно взвешенное, необъективное освещение событий в ряде регионов страны [с. 26-27].

Довольно оригинальные обобщения также вынес исследователь (в контексте общей

характеристики вооруженных конфликтов) на суд научной общественности. В частности, вопрос об открытости и честности власти в освещении происходящего в стране, каких бы вопросов это ни касалось. Ведь в конечном итоге такая позиция властных структур формирует уважение граждан к руководству своей страны, взаимопонимание власти и народа и национальную безопасность государства. Нечестным и неуважительным по отношению к народу является сознательное сокрытие или искажение происходящего в стране. Например, о кровавых событиях в Нагорном Карабахе в центральной прессе пишется как о безответственных призывах экстремистски настроенных лиц, вызвавших общественные беспорядки. Государство было не готово демонстрировать свою несостоятельность, но в то же время на волне «гласности» в тех же СМИ активно выставлялся «десантник с лопаткой» в Тбилиси, стоящая недвижимо милиция в ответ на призывы о помощи населения в Карабахе и Фергане, из Вильнюсского телецентра велся репортаж о захвате его советскими оккупантами, а российский президент с улыбкой и бокалом в руке поздравлял «дорогих россиян» с Новым годом в момент штурма войсками Грозного. Стрелки плавно перевели на главного виновника – армию. Но кто отдал армии приказ действовать, конечно, умалчивалось [с. 93-94].

И особенно важной представляется следующая позиция В.А. Гурова: СССР не был разрушен каким-то глобальным вооруженным конфликтом. Очевидно, что и локальные столкновения на этно-национальной почве в отдельных регионах не могут развалить огромную державу. Но вот всемерно способствовать такому распаду они могут. И этот урок очень важен для многонационального государства, каким является современная Россия [с. 94]. Ясно, что представители так называемой либеральной школы историков с подобным историческим уроком не согласятся. Однако не только научный, но и здравый смысл подсказывает: с констатацией В.А. Гурова,

изложенной выше, можно, да, пожалуй, и должно спорить, но трудно в конечном итоге не согласиться.

Много горькой правды поведал Владимир Алексеевич о первой чеченской кампании. Он сделал жесткий, но обоснованный и логически и исторически вывод: главной особенностью операции по наведению конституционной законности и правопорядка в Чеченской республике являлось то, что она продемонстрировала низкую боеготовность Вооруженных сил РФ на начальном этапе. Имея штатную численность ВС РФ свыше 1 млн 360 тыс. человек и мощный (в прошлом) Северо-Кавказский военный округ, Минобороны РФ вынуждено было организовать для усиления формируемой армейской группировки войск отправку частей и подразделений из других округов в связи с недоукомплектованием частей и подразделений СКВО, да и в других округах практически не было укомплектованных частей, способных без дополнительной подготовки приступить к выполнению задач. Забыли девиз: «Если завтра война, если завтра в поход» – а она пришла. Но забыли не военные, а политики. Бездумная, скоропалительная и несвоевременная военная реформа разрушила устои советской, а в последующем и российской армии. Оборонный бюджет уменьшился с 5,6 до 2,34% от ВВП страны. За пять лет (1993 – 1998 гг.) было уволено около 500 тыс. офицеров и 400 тыс. прапорщиков, в связи с антиармейскими настроениями в обществе понизился моральный дух в армейской среде. О состоянии ВС РФ говорит тот факт, что они оказались не в состоянии сформировать 60-тысячную группировку на Северном Кавказе для выполнения боевых задач, вызванных сложившейся в регионе весьма специфической политической и военной обстановкой. И тогда в бой пошли соединения и части, отнюдь не предназначенные для подобной войны: воздушные десантники, морская пехота, пограничники, местное ополчение, не говоря уже о милиции: СОБР, ОМОН и прочих подобных «сводных отря-

дах». Люди вели себя в боях героически. Но они были оснащены и предназначены для действий в совершенно других операциях. Отсюда такие недопустимо большие потери федеральных войск: за 10 месяцев более 2,5 тыс. погибших и более 7 тыс. раненых, что непозволительно в современной армии. А вести боевые действия им предстояло против хорошо подготовленных незаконных вооруженных формирований (НВФ), ядро которых составляли отряды, получившие боевой опыт в Абхазии и Приднестровье, а также наемники из Азербайджана, Афганистана, Прибалтики, Таджикистана, Турции, Украины и других иностранных государств ближнего и дальнего зарубежья. *Но как бы сегодня ни трактовали действия федеральных войск, в том числе Самарской группировки, сводных отрядов самарской милиции и ОМОН, в ходе разоружения бандформирований именно в Грозном, необходимо воздать должное мужеству и героизму солдат и офицеров, оказавшихся там лицом к лицу с высоко подготовленными профессионалами, обеспеченными всем необходимым, в том числе и российским государством (вооружением и техникой прежде всего)*[с. 200-201].

Детальный анализ миротворческих операций Российской Федерации на постсоветском пространстве позволил автору рецензируемой монографии выйти на следующие суждения обобщающего порядка: такие операции стали одним из важных направлений деятельности России на стыке XX и XXI веков по формированию новой мировой конфигурации геополитики и переход к многополярному миру. Участие РФ в операциях в Молдавии, Южной Осетии, Таджикистане, Абхазии, Нагорном Карабахе было эффективным – повсеместно прекратились боевые действия, начался переговорный процесс, стабилизировалась обстановка и восстановился мирный образ жизни в районах конфликтов. И как бы некоторые политики за пределами России ни хотели принизить роль ВС РФ, обвиняя их в неэффективности выполнения задач миротворческой деятельности в зонах вооружен-

ных конфликтов, реальность опровергает эти нападки [с. 326-327].

В.А. Гуров, и это представляется особенно принципиальным подчеркнуть, проанализировав процесс привлечения Вооруженных сил Российской Федерации к операции в Сирийской Арабской Республике доказал несостоятельность обвинений, звучавших в адрес России: 1. Россия не нарушила общепризнанных норм международного права. Российская Федерация действовала на основании просьбы легитимного правительства Сирии. Международное соглашение между нашими государствами находится в полном соответствии с принципами международного права. 2. Российская Федерация, применив свои вооруженные силы за пределами своей территории, действовала строго в рамках внутрисударственного правового законодательства, не нарушив ни нормативно-правового регламента, ни порядка его применения. 3. Военная помощь, оказанная законному правительству Сирийской Арабской Республики, продемонстрировала новое чрезвычайно важное явление международной политики, а именно – радикальную попытку обеспечить прогрессивные тенденции в сфере сохранения баланса сил в мире для обеспечения глобальной международной безопасности [с.338-339].

В монографии сделаны четкие общие выводы с точки зрения исторического опыта и уроков, извлеченных по проблеме разрешения вооруженных конфликтов и роли России в этих процессах:

1. В условиях возникновения вооруженных конфликтов на межнациональной почве в СССР руководство страны избежало действительного участия в их разрешении, снимало с себя ответственность за их возникновение. Это было большой политической ошибкой. Делая вид, что происходящее – «нарушения общественного порядка», спровоцированные экстремистами и хулиганами, руководство страны только вводило эти конфликты в более жесткие фазы. Когда нельзя уже было не реагировать – властные

структуры привлекли вооруженные силы, но ограничили их в действиях. Половинчатые меры только усугубили ситуацию. Было потеряно время, утрачено доверие к деятельности властных структур, дискредитирована армия. И этот урок руководством страны не был усвоен.

2. В условиях реальной опасности нарушения целостности страны обращение к силовым методам в Чеченской Республике было оправдано. Но плохо был усвоен урок недалекого прошлого. Не были использованы в полной мере политические меры, очень долго руководство уже Российской Федерации делало вид, что в состоянии остановить губительные процессы в мятежной республике. Когда же пришло понимание, что страна на грани потери части своей территории и необходимы силовые методы, оказалось, что не только боеспособность армии не на высоте, но и руководство Вооруженных сил не готово к выполнению задач по защите страны. Отсутствие у властных структур решительности и последовательности действий, подверженность личным амбициям пагубно отразились на военных действиях в Чечне, повлекли большие потери для России и ее армии. Тем не менее свою задачу Вооруженные силы выполнили – мужественно и героически пресекли сепаратизм.

3. Вооруженные силы России, участвуя в миротворческих операциях на постсоветском пространстве, в период глубинного экономического, социально-политического и духовного кризиса на изломе эпох после распада СССР остановили боевые действия в зонах вооруженных конфликтов, прекратили кровопролитие, обеспечили условия для налаживания переговорного процесса и мирной жизни. Более того, Россия осуществляла гуманитарную помощь.

4. Россия достойно провела операции по борьбе с международным терроризмом на собственной территории в Дагестане и на территории Сирийской Арабской Республики. Имела ли Россия в миротворческих операциях и в борьбе с терроризмом какие-

то собственные интересы? Конечно, имела. Россия стремилась обезопасить свои границы и сохранить влияние в этих регионах для защиты своих национальных интересов и безопасности, что естественно для любого государства. При этом Россия не навязывала сторонам конфликтов свои взгляды на политическое обустройство их стран, не стремилась к использованию ресурсов этих стран, не посягала на культурные, духовные и религиозные устои сторон. Были ли другие силы, которые могли бы заменить Россию в этих условиях? Желаящие поучаствовать в этих конфликтах находились. Но могла бы допустить это Россия? Нужны ли в зоне наших национальных интересов иностранные воинские контингенты? НАТО и без того недопустимо близко обосновалась у наших границ. И действия стран НАТО в зоне наших геополитических интересов направлены не на стабилизацию обстановки в регионах конфликтов (Приднестровье, Киргизия, Украина), а на стравливание с Россией, то есть на еще большую напряженность. Неслучайно именно Россия получила доверие Азербайджана и Армении и смогла остановить огонь и вооруженные действия в Нагорном Карабахе.

5. Мы все в ответе за судьбу своей Отчизны. Усиливающиеся попытки очернения и осквернения нашей истории, принижение роли вооруженных сил и России – не что иное как тенденция разрушить нас изнутри, «тихой сапой», или под вопли об имперских амбициях России, или с позиций двойных стандартов «поднастроенного» для случая международного права растащить территорию страны, ее ресурсы, растоптать наши традиции, морально-нравственные устои. Настрой нашего общества сегодня должен быть направлен на укрепление всеми возможными способами страны и сплочение ее народов [с. 340-342].

Отдавая дань академической традиции, автор включил в структуру своей монографии список источников и литературы. Исследование также снабжено рядом приложений, которые органически связаны с содержани-

ем и наряду с данными текста служат документальным подтверждением выдвигаемых автором положений и выводов.

Ученый осознал и принял как руководство к действию один из постулатов исторической науки: история должна не только «стрелять» фактами, событиями, явлениями, но и быть плотно заселена и людьми. Вот почему в книге размещено специальное приложение со сведениями о персоналиях, с которыми свела Владимира Алексеевича судьба при выполнении боевых задач. А это 12 генералов-военачальников.

Академические каноны рецензирования научных изданий требуют: после комплементарной части указать недостатки, высказать пожелания автору для дальнейшей разработки его проблемы.

1. Непонятно, почему Владимир Алексеевич не обозначил во введении своего научного труда методологические основы исследования. Рецензенты, разумеется, установили (причем без особого труда), что исследование, попавшее в поле их зрения, зиждется в первую очередь на диалектико-материалистическом и системном подходах, а также на принципах объективности и историзма. Ученый свободно оперирует современными общенаучными и специально-историческими методами исторического исследования, которые хорошо известны специалистам⁵. Тем не менее автор книги просто обязан четко заявить о личной методологической позиции. Тем более что это важно сегодня, когда в отечественной исторической науке утвердился методологический «плюрализм мнений». И его кое-кто путают с «плюмаразмом мнений».

2. В предисловии монографии отсутствует краткая характеристика источниковой базы исследования по принятой в отечественном источниковедении классификации. А ведь военный историк использовал огромный, без преувеличения сказать, уникальный массив исторических и историографических источников. Но, не обозначив их характеристику, ученый оставил рядовому читателю гипотетиче-

скую возможность «потонуть» в источниковом море.

3. В структуре этой неординарной книги явно не хватает краткого словаря военных и военно-исторических терминов. Тем более что книга рассчитана не только на специалистов, но и на широкую читательскую аудиторию, на всех, кому интересна история Российского государства с ее многочисленными пертурбациями.

4. Думается, что не помешала бы более подробная характеристика исторического феномена басмачества.

5. Несколько конспективно изложена работа комиссии во главе с А. Собчаком, которую сформировал I Съезд народных депутатов СССР для расследования разгона военными митинга в Тбилиси (апрель 1989 г.) [с.48-49].

Как говорится, критика – не шоколад, а горькое лекарство, которое ученый призван выпить, хотя и морщась, чтобы не заболеть «звездной болезнью». В то же время указанные нами недостатки нельзя возводить в категорию системных, могущих серьезно подорвать научный потенциал столь неординарного научного труда. Мы просто высказали свои субъективные пожелания с надеждой, что для Владимира Алексеевича Гурова они станут своего рода «кроками маршрута» на его научно-исследовательском пути.

Автор рецензируемой монографии начал ее с эпиграфа, который не может не затронуть самые тонкие струны человеческой души:

Вы все хотели быть молодыми,
Вы все хотели быть вечными.
И вот войной перемолоты,
Ну а в церквях стали свечками.
Вот так и живем походами
Под твоими небесными сводами.
Даже сына забыл обнять.
Только не предавай меня.
Без тебя не прожить и дня.
Родина, не предавай меня.

А. Чикунов⁶

Рецензируемая книга является не просто отличным научным трудом, пополнившим современную отечественную историографию, но и монографией, которая всемерно способствует сохранению исторической памяти о событиях, пока еще не столь давних, однако уже подвергающихся негативному и некорректному искажению. Данное исследование – дань уважения российскому воину, верному военной присяге – клятве вооруженного защитника Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуров В.А. Чтобы знали и помнили: роль России в разрешении вооруженных конфликтов (1988–2020 гг.). М.: Берлин: Директ-медиа, 2021. С.3-4. Далее по тексту рецензии указываются в квадратных скобках страницы данной монографии. – Г.И., Т.Ф.

² Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 №842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней» [Электронный ресурс] Консультант Плюс. Надежная правовая поддержка [сайт] URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/(дата обращения: 28.01.2022).

³ Такую позицию один из рецензентов обозначил в свое время в научной периодике (см.:

Ипполитов Г.М. Еще раз о языке исторических исследований // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015.Т.17. №3. С.163-174).

⁴ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. С. 19.

⁵ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с.; *Филатов Т.В.* Применение общенаучных методов в исторических исследованиях: к постановке проблемы // Клио. Журнал для ученых. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 2017. № 1 (121). С.13-17.

⁶ Хранить вечно... Книга памяти военнослужащих, погибших на чеченской войне 1994–1996 гг. // под общ. ред. А.И. Дергилева. Самара: Солдат Отечества. 1999. С. 102.

*Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник отдела истории
и археологии Самарского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук*

Г.М. Ипполитов

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии Поволжского
государственного университета
телекоммуникаций и информатики (Самара)*

Т.В. Филатов